

миролюбив, кроток, нет и тени прежней вражды; Ивана Григорьевича жаль, что так мало имеет денег; совестно, что обкрадываю их, как и раньше было совестно.

Мысли: машина; переворот. Что касается собственно до меня — более всего, несравненно более всего, женитьба, любовь, иначе сказать — я хотел бы, чтоб у меня любовь была единственная, чтоб ни одна девушка и не нравилась мне до той самой, на которой предназначено мне жениться, чтоб и не сближался я до того времени ни с одной и не думал ни об одной; об этом думаю постоянно. Надежда на Нестора, т.-е. словарь к нему — следовало бы, чтоб его напечатала Академия. О саратовских думаю несколько более прежнего, но все не столько, сколько заслуживает их любовь ко мне, решительно не столько; я много виноват перед ними и мне их тоже совестно.

Итак, надежды или желания: а) сейчас — пусть поправится Вас. Петр., он выйдет из своего затруднительного положения, образует Надежду Егоровну; я также выйду, поеду на следующий год в Саратов; б) через несколько лет я журналист и предводитель или одно из главных лиц крайней левой стороны, нечто вроде Луи Блана, и женат, и люблю жену, как душу свою; в) надежды вообще: уничтожение пролетариата и вообще всякой материальной нужды, — все будут жить по крайней мере как теперь живут люди, получающие в год 15—20 000 р. дохода, и это будет осуществлено через мои машины.

Аминь, аминь.

Эта тетрадь кончена в 5 м. 12-го часа веч., 11 числа июля.

18^{VII}_{II}49

Николай Чернышевский

Итак, здесь 44 страницы и в первое полугодие 100 стр., следовательно, всего 144.

ДНЕВНИК 22-го ГОДА МОЕЙ ЖИЗНИ

(1849—1850)

Июль месяц

12-го [июля], вторник. — Вчера (начал писать это в 9 м. 12-го веч.) стал ложиться спать, как вдруг почувствовал ужасное стеснение в груди, как будто б на ней лежало пудов 20 или 30 тяжести, но слабости никакой, так что от давления этого было весьма больно и срывался голос, так что я мог говорить только отрывочно вскрикивая, да и то было едва слышно, так слабы и глухи были звуки; время от времени вдруг сердце начинало биться как живчик, — боль та же самая, которая была, когда бывал у Чистякова, но несравненно сильнее, так что едва ли бы скоро прошла сама, и трудно было переносить ее. Я побежал пить воды, при-

бежал снова в свою комнату и бросился с глухими стонами на диван. Прибежали, стали давать пить горячей воды, тереться дали мне горчичным маслом, стали ставить самовар, — наконец, меня вырвало говядиною, которую я ел за ужином, и мне тотчас стало гораздо легче. Потом выпил два стакана пунша, прикладывал горячие салфетки, и прошло, я думаю, через полчаса после того, как началось, а когда началось и прежде чем вырвало, я думал: ну, верно, это аневризм и лопнула вена, потому что казалось, как будто заливается сердце кровью или что-то в этом роде. Не могу сказать, чтоб мысль о предстоящей через несколько минут, по моему мнению, смерти сильно подействовала на меня, — так, как вообще, головою думал, что это весьма жаль, а чувствовать скорби или тоски чувствовал мало, но сильнее всего была мысль, что умру я такою смертью, что несвободно будет употребление рук для письма, не смогу и говорить, не дождусь никого, напр., Вас. Петр., которому можно бы передать словами, если уж нельзя написать, и машина моя снова исчезнет на бог знает сколько времени для людей, бог знает, скоро ли найдется другой человек, которому придет это в голову, — эта мысль была сильнее всего.

Любинька весьма хлопотала, и мне было совестно, что я так холоден и бесчувствен был во время ее болезни. К часу все совершенно прошло. Когда она была тут, я, чтоб не так было скучно (а может быть несколько и под влиянием рома, но нет), начал рассказывать ей о хашише и ассасинах, что, однако, кажется, и не кончил. Встал, выпил снова стакан пуншу, хлеба не ел с чаем, только несколько съел около 12-ти; обедал мало, вечером тоже почти не ел хлеба с чаем, также почти не ужинал и есть почти не хотелось и теперь почти не хочется — желудок еще не совершенно хорош. Большую часть времени провел в том, что разлиневывал, отчасти и читал Курца. С 3 до 6 спал; в 8½ пошел посмотреть шар, который спустился в парке, там пробыл около часу и оттуда воротился с Филипповым, для которого посылал за табаком. Разлиневал до 55-й стр., так что теперь остается работы на 2½ часа или этак. Завтра вечером хотел идти, чтоб ночевать у Ивана Васильевича, а утром дожидаться Срезневского на железной дороге. Теперь 29 минут 12-го, ложусь.

(Писано 14-го [июля], в четверг, в 10 ч. 10 м. вечера.) Утром долиневывал 13-го числа, вечером решил идти в город ночевать, чтоб утром дожидаться Срезневского на железной дороге. Так и сделал. Ушел около 5 после обеда, подождавши, что выйдет, не станет ли снова теснить грудь, — и точно, около 5 вырвало. Пришел к Славинскому, они играли в карты, несколько времени и я играл за отца, и тоже, как он, проигрывал. От них зашел к Иванову, и уж не успел зайти к Вас. Петр., а вместо того — к Ив. Вас., отнес книгу его (Разговоры, которые брал Ив. Гр.) — его не было дома, поэтому я не мог ночевать, а должен был воротиться к Ал. Фед. От него утром —

14-го [июля] пошел на железную дорогу. Пришел — только что пришла машина, опоздал [на] 2—3 минуты, поэтому не мог знать, приехал ли Срезневский (говорить хочу я с ним о Несторе), и пошел к нему узнать — его нет. Я снова на машину, зашел к Вас. Петр., посидел до 11¼ и пошел дожидаться; дождался — нет. Снова к нему: говорит слуга — нет. Следовательно, не будет, поэтому должно ехать к нему, и я пошел домой, чтоб взять денег у Любиньки. Пришел домой, уставши от жара, а не от дороги, поэтому теперь и не чувствую решительно ничего, хотя исходил никак не менее 4 часов. Пообедал весьма хорошо, потом читал, потом строил пробу своей машины (около 8½ или 9 вечера, когда Терсинские ушли гулять, но не потому, что ушли, а так пришла охота) — сделал коромысло, надел на концы два равновесные деревянные чурбачка, проделал дыру в лагуне старой, распиленной на-двое, которая служит вместо стула Марье и которая служит, чтобы ставить на нее чашку, в которой умывается. Продел туда коромысло, в центре которого (но не совсем, так что перевес был на стороне, которая в лагуне) вдел поперек иголку, так чтобы не проскользнуло оно, налил воды, и чурбачок, который лежал на дне и опускался на него, если поднять, теперь, конечно, всплыл, как будто я в этом не был уверен, как будто не всякий в этом уверен, — да нет, дело такое необыкновенное, что поневоле берет сомнение во всем, что относится к нему, и в расчетах, на которых оно основывается, — это мне было-таки радостно. — Сверял текст первых четырех страниц Нестора, ошибки есть на каждой странице, дело не такое скорое, как я думал: 4 страницы разве в час, поэтому не менее двух суток нужно. Вот теперь Любинька дала целковый и я завтра еду в Царское.

10 ч. 55 м. Это писано после ужина. — Да, не должно забыть сна, который я видел ночью у Ал. Фед. и который так был радостен, что и на весь день оставил по себе радостное воспоминание, и теперь приятно подумать о нем: мне снилась долгая история о том, что я поступил в какое-то знатное семейство учителем сына (лет 7 или 8), и собственно потому, что мы с этою дамою любим друг друга—или собственно она любит меня и хочет этого, я тоже люблю ее, а до этого почти мы не знали с ней друг друга. Она белокурая, высокая, волоса даже весьма светлорусые, золотистые, такая прекрасная. Я у нее целовал 2—3 раза руку в радости, что она заставляет меня жить в их доме. Муж ее человек пожилой, глупый довольно, с брюхом, несколько надутый или собственно не то что надутый, а так. Итак, я чувствовал себя весьма радостным от этой любви с нею, с наслаждением целовал ее руку (которая, кажется, была в перчатке и еще темного цвета). Собственно, для нее уладил я с мужем, который не слишком-то тянулся за мной, но я сначала был разошедшись с ним, после сам завязал снова дело и сказал ему, что я-таки поселяюсь у них, потому что она так велела или желала, или просто сказала: живи у нас. Никакой мысли плотской не было (каким образом? это странно), решительно никакой

плотской мысли, а только радость на душе, что она любит меня, что я любим. — 5 м. 12-го, ложусь.

(Писано 15-го, в 8 ч. 45 м. вечера.) — Марья разбудила в менее чем 6, встал. В 7 вышел, постригши волосы. Едва успел к первому поезду, чтоб посмотреть, здесь ли Срезневский, — нет; следовательно, должно ехать; взял билет, сел. Против меня сидел мужчина, молодой человек, и, кажется, девушка, его сестра, а не жена, собою нехороша, поэтому сначала мне не понравилась, но когда присмотрелся, то лицо показалось имеющим хорошее выражение и милым. Железная дорога не произвела, разумеется, никакого впечатления. Пошел к Срезневскому и, как обыкновенно, прошел сначала мимо. Вхожу. «Дома?» — «Да». — И начали толковать. Он сказал, что к первой половине Нестора составляет Корелкин, а вот если бы к Ипатьевской, так это бы так. — «Велика она? — говорю я (что пропали мои труды, я и не сказал, да и мало жалею о них). — Покажите мне». Он повел наверх: 230 страниц и должно быть около 9 000 строк. — «Если, — говорит, — к Новгородской первой, — это 115 страниц» (около 4 800 строк, я думаю). Я говорю: «Все уж равно, буду составлять Ипатьевскую», и встал, чтоб уходить; он оставлял, сказал, что должно посмотреть сад, а потом воротиться к нему пообедать. Мне это было весьма приятно, что он так ласков, но поблагодарил и не остался. Он стал рассказывать о саде Царскосельском, что стоит посмотреть, его и т. д.; говорил об арсенале тамошнем, около часа, я думаю. В 12 я встал, но он оставил дожидаться шоколаду, который готовился, и я просидел еще более часа. У него был именинник сын и был в церкви с матерью, которую теперь я рассмотрел хорошенько: в самом деле нехороша, когда смотреть в профиль. Весьма хороший человек этот Срезневский. Итак, я принимаюсь за Ипатьевскую летопись и завтра же куплю ее.

Едва поспел оттуда на машину, поехал. На одной скамье со мною сидел военный, пожилой (и глупый, должно быть), с тремя дочерьми, из которых две маленькие, третья лет 15 и довольно правильное лицо, хотя не слишком хороша, но решительно ничего, — я всю дорогу смотрел на нее. Когда приехал, пошел к Вас. Петр. и рассказал ему о летописях (Срезневский сказал, что будет напечатано) в надежде, что он возьмется, — так и есть. Купить должно. Стал я думать, когда вышел от него, где взять денег. Занять уже не у кого, следовательно... должно что-нибудь продать. Что же? Ничего не мог сначала придумать определенного, после — конечно, книги и, наконец, когда вспомнил, что можно продать библию и что нужно всего 1 р. 50 к. (50 к. есть; стоит только 2 р. сер., как узнал у Юнгмейстера), то решительно развеселился в этом отношении: достанет книг, чтобы приобрести эти деньги. Завтра же иду с ними. А то была забота, что не наберется на полтора рубля сер. — Заходил к Вольфу, собственно чтоб отдохнуть, потому что весьма устал; отдохнул, ничего, и пошел в 7 час. домой. После стал разбирать книги и нашел классиков, которые не

приходили в голову; решился продать, если нужно, и Фукидида, и Светония; не знаю, что-то будет, конечно, полтора руб. сер. достану за них. Дорогою придумывал, чем можно отмечать страницы или строки — прокалывать бумагу булавкою. Теперь поел студени, потому что проголодался. По поводу книг пришло в голову, что в самом деле хорошо иметь ценность в вещах, а не в деньгах, потому что лучше: остается в руках для непредвиденных случаев. Думал и выиграть деньги у Славинского, — но на это не достанет искусства. Вертелась в голове мысль, что причина всего — затруднения Вас. Петр., и никогда не будет у меня денег, пока он будет в таком положении, т.-е. эта причина в сущности тяготит меня, — потому что это существование продлится год, — он хочет держать экзамен в следующем году. Теперь 9 час. 7 мин. — Да, Raveaux не умер, это был ложный слух в газетах. Хорошо.

Писано 16-го в 9 ч. 30 м. — Проснулся — дождь, однако решился идти хоть после обеда, а лучше до него. К 10 ч. поунялся, и можно было думать, что не будет более. Я стал зачинивать старые брюки; ниток черных не было, поэтому я белые опускал в чернила и — на столе лежал раскрытый Курц — я махал ими, капнуло несколько капель на страницы, которые были раскрыты («Вильгельм Телль», начало). Так как кислота не выедала, я выскоблил их насквозь ножом, — это скверно, конечно, и неприятно было, что напакостил Славинскому. Пошел усталый, принес к одному продавцу — слишком дешево; у другого продал библию, алгебру Себржинского, одну часть Кайданова и катехизис за 1 р. 20 к. с., Лукиана и Светония за 30 к., итак — 1 р. 50, сколько мне было нужно (у меня было 55 оставшихся). Потом захотелось купить тут же и бумаги, поэтому остальные книги, которые были со мною, — Фукидида и Теренция, — за 25 к. Удивительно сходно все дают, и [за] эти последние две книжки — у трех или четырех

а был — все решительно давали 25 коп. сер., никак не более. Продал их (эти последние в лавочке, которая отдельно от других — **б** — ряд лавочек, **а** — она, как идти от Министерства внутренних дел, так направо, и купец дал тотчас же 25 к. и не согласился ни копейки добавить, не торговался). Хорошо, пошел, чувствовал, что устал, зашел отдохнуть в Казанский собор; после купил полдсти

бумаги, так же, как прежде, за 25 к., у Юнгмейстера взял (2 р. с.) Ипатьевскую летопись и пошел (хотя и решался долго, потому что устал весьма) в университет за письмом. Там посидел, отдыхая на верхних ступеньках, ведущих к студентам, около 20 мин. После пошел домой. Дома несколько времени (мало) отдыхал (теперь не чувствую никаких следов усталости), после стал размечать строки, и вышло, что в Ипатьевской летописи 8 485 строк. Решил списать текст к концу июля, т.-е. в течение 15 дней, поэтому на день почти по 600 строк. Когда кончил это, стал рассчитывать, насколько сократится работа, если выпускать грамматические слова (не, же,

ско, и, въ и т. д.), вышло, что $\frac{1}{5}$ долею — итак, не стоит, лучше уж полнота. Когда кончил, то сел писать это, а теперь должно быть буду читать. Денег осталось у меня теперь 5 коп. сер. — и приятно, что продал, это, знаете, придает какой-то оттенок крайности, или как это — это хорошо (фанфаронство перед собою даже). $\frac{1}{4}$ 10-го. Теперь курить буду трубку для поправления желудка.

(Писано 17-го, воскресенье, почти ровно в 11 ч. вечера.) — Весь день писал, кроме того, что несколько времени курил трубку и отдыхал от нее (курил потому, что желудок ворчал), именно с 10 почти до 12, и от 5 до 6 почти спал. Списал ровно 150 столбцов — 24 строки и 19 страниц или 609 строк. По этому расчету выходит, что мне остается около 130 часов списывать — или около 13 дней. Думал несколько о Вас. Петр. Ложусь. Не устал ни сколько, кроме этой высунувшейся кости на локте правой руки, которая лежала на столе.

18 [июля], понедельник. — (Писано в 10 ч. вечера, ложусь.) Утром еще-таки писал, но после с 12 большей частью спал; после чувствовал нехорошо в желудке (возясь с которым и трубкою, не спал вчера до часу или более), и нападала-таки порядочная тоска и главным образом о своих, что так обманываю их и в Саратове, и здесь; совестно было и перед своими, и перед Терсинскими; и вообще довольно дурно, я думаю, главным образом, оттого, что нездоров. Утром чувствовал слабость и усталость в спине; после сна ничего. Поэтому написал всего только 330 или около [того] строк до 27-й строки 29-й страницы. Итак, теперь всего списано около 950 строк, около $\frac{1}{9}$ всего. Теперь ложусь. Домой писал письмо, в котором описал все как есть, свои занятия летописями.

19 [июля], вторник. Почти ровно $\frac{1}{2}$ 11-го. Почти весь день писал Ипатьевскую летопись и списал ровно 44 первых страницы = 1 500 строк из 8 500 строк = $\frac{15}{85} = \frac{3}{17} = 1 : 5\frac{2}{3}$. Хотелось бы еще списать теперь 100 строк, т.-е. до 1 600, потому что хотелось бы в день списывать более 600 строк. Думал ныне и о походе в город, чтоб повидаться с Вас. Петр., но это после, может быть завтра, если буду здоров. Здоровье ныне ничего, хотя снова заставило меня потерять, я думаю, часа 2 за трубкою, и с $2\frac{1}{2}$ до 5 спал после обеда. Сказал Любиньке за ужином, если хочет учиться по-немецки, я буду, пожалуй. А то ей скучно. Читаю «Германа и Доротею»¹⁶⁰ в Курце, — лучше, чем я думал, т.-е. мне-то не нравится, а чем хуже какого угодно Гомера? Мне кажется, решительно все равно. Снова пишу.

20-го [июля]. — Утром писал и дописал до 54-й страницы, т.-е. 1 838 строк, и думаю о том, идти ли в город или нет, затем чтобы достать бумаги (которой остается только 10 листов, поэтому неостанет до послезавтра, а должен может буду идти завтра) и повидаться с Вас. Петр.; желудок почти ничего, хотя все нехорош. Но раньше, чем идти, должно починить сюртук на плече. Начал чинить — вошел Ив. Гр. за трубкою, и я стал писать это. Теперь снова буду чинить, после пойду.

(Писано 22-го, в пятницу, в 5 ч. 38 м. вечера.) — Пошел в город, чтобы продать книги, взял довольно много, так что думал 60—70 к. сер., давали только 30—40, и я не захотел, а решился просить денег у Любиньки снова, хотя это и тяжело довольно, что делать? Зашел к Вас. Петр., там стала такая отрыжка, что я думал, как бы поскорее домой, а с другой стороны, у него уже ставили самовар, а я не хотел там пить, поэтому ушел. Дорогою прошла отрыжка, и я зашел к Славинскому, у которого просидел почти до 9 не без приятности. Устал-таки.

21-го [июля]. — Утром думал, что я решительно здоров, и сел писать. В $\frac{1}{4}$ 12-го пришел Вас. Петр. и просидел до $8\frac{1}{2}$, т.-е. — как напились чаю, пошел было дождик и буря, поэтому он оставался переждать его. Утро до обеда он пробыл в моей комнате; после обеда (я, думая, что я решительно здоров почти, ел более, чем сколько бы следовало) пошли к парку. Там началась ужасная отрыжка, и когда пошли домой, меня вырвало дорогою. Мы шли по наружной стороне по большой дороге подле парка. Вас. Петр. стал говорить об этом; его это озаботило, меня мало. Пришли, был уже Ив. Гр. дома, и в это время более всего говорил я до того самого времени, как ушел Вас. Петр. Рассказал «Нафана Мудрого», еще несколько анекдотов. Когда началась гроза, говорил о молнии и т. д. Пошел провожать его и проводил его до поворота к пристани. Дорогою почти все говорил я о своей бесчувственности, глубоком эгоизме и т. д., о холодности своей. Он сказал — так пришлось, — что у меня нет твердых убеждений. Я старался объяснить, в каком отношении это справедливо и отчего это.

22 [июля]. — Утром все писал, и было довольно спокойно в желудке. За обедом ел щи и мало; теперь несколько бурлит, но тоже мало; пойду походить до чаю. — Теперь списано ровно 50 страниц моих или до «вѣдущю» в шестой строке 65-й стран., т.-е. 2257 строк, почти $1 : 3\frac{4}{5}$ всего целого.

К ночи стало довольно сильно бурлить. Я выпил рюмку водки — ничего; но через несколько времени стало тяжело в голове и не как от красного вина, которое выпивал у Благовосветлова, а скверно; но в желудке как бы улеглось, поэтому, поужинав, выпил еще рюмку. Однако просыпался от возни в желудке и кончил тем, что выпил еще.

23 [июля]. — Утром собрался за письмом и бумагою, просил у Любиньки денег, она сказала, что нет; это дурно. Я все-таки пошел и придумывал, как достать. Спрошу у Ал. Фед.; если не застану, продам новые перчатки или посмотрю, нет ли чего другого, что можно было бы продать. Письма, к удивлению моему, еще не было. Подождал до 12 в библиотеке, где читал о Фейербахе у Эрша в статье Philosophie и несколько о Фесслере. Оттуда уже не пошел к Вас. Петр., а к Вольфу, там до 2 [час.], оттуда к Славинскому, где думал видеть карты, но нет; домой; поел щей и не так много, однако несколько бурлило, так что я предпочел лечь

спать, а писать стал только около 7 [часов]. Теперь дописал до 71-й страницы, то-есть ровно 70 страниц или 2 480 строк = $1 : 3^{2/5} = \frac{5}{17}$.

24 [июля], воскресенье, 11 ч. 24 м. утра. — Дописал 60-й листик, последний, — больше бумаги нет, поэтому начну проверять текст и разлинейвывать страницы, пока достану еще. Списано теперь до «Кіева» в 23-й строке 76-й страницы, следовательно, всего 2 693 строки, или 36 000 лоскутиков. Еще нужно будет, судя по этому, бумаги 130 стран., т.-е. десть и 36 листов, или 3 тетрадки. Теперь списано, следовательно, почти $\frac{1}{3}$ плюс $\frac{2}{13} = \frac{13}{41} = \frac{6}{19}$.

(Писано в 10 ч. 40 м. вечера.)

Желудок беспокоил не слишком, хотя все-таки была отрыжка и особенно тяжесть в нем. К обеду я думал, что приготовят кашу из простой крупы, но думали, что все равно и суп с говядиной. Это сделало на меня несколько неприятное впечатление и я был так глуп, что не вспомнил, чтобы сдержать выражение неудовольствия в лице — глупость; должен удерживаться, особенно при таких пустяках. Жаркого не ел; поэтому ничего. После чая пошел гулять в парк, никого не встретил, кроме Олимпа и после Лыжина, с которым ходил. После зашел к Филиппову, пришел в 10 ровно почти. Стал проверять текст и теперь проверил до конца 17 страницы, ровно 548 строк. Это весьма медленно, 20 минут на страницу, следовательно, всего около 60 часов. Ложусь. К ужину была каша. Завтра хотелось быть в городе, взять письмо, и если нет денег, продать что-нибудь, напр., перчатки, или спросить у Ал. Фед., и купить бумаги.

(Писано 28 июля, в четверг, почти в 10 ч. вечера.)

25 [июля]. — Пошел за письмом и взял на случай, если будет без денег, с собою свою столовую ложку, чтоб заложить ее. Когда шел, сильно бурлило в желудке. Денег нет, ложку не решился заложить. Пошел к Вас. Петр.; когда стал подходить, стало делаться так, как будто хочет рвать. Я стал ходить между каналом и задами казарм. В самом деле, через несколько времени стало рвать. Хорошо. После этого ничего. Пошел к Вас. Петр., у которого пробыл всего несколько минут, потому что опасался того же и не хотелось поздно придти домой. Пошел. Когда пришел, более, как жется, спал. Да, и писал письмо. Так как бумага вся была исписана, то должен был от этой тетради взять 3 листика, которые были не исписаны. Написал о своей работе. Все-таки не ложился.

26 [июля] (писано 1 августа, почти в 11 час. вечера), вторник. — Должно было отнести письмо. Пошел я и спросил у Любиньки денег, она дала 1 р. сер. Я спросил, можно ли истратить, она сказала, — можно, и я купил на 75 коп. $1\frac{1}{4}$ дести почтовой бумаги (2 тетради такие, как эта, чтобы дописать до 100 страниц, и десть синей для следующих 100 стран.; для остальных 25 после уже решился купить) и дюжину перьев. Стал писать.

27-го [июля], среда. — Пришел Вас. Петр. после обеда, посидел

часа 4 и ушел. Я провожал его и как вышел пуншу, то чувствовал, что язык как-то тяжел.

28-го [июля], четверг. — Писал между прочим. Поел неосторожно, и вырвало.

29-го [июля], пятница. — Писал между прочим. Желудок все продолжал быть беспокоен. Вечером пришло желание описать на всякий случай свое изобретение, чтоб не могло погибнуть, и написал. Надписал красными чернилами заголовок, вложил в конверт, который тоже надписал красными чернилами.

30-го [июля]. — Пошел за письмом. Оно было с деньгами — 45 р. сер. Любиньке было 20, но я не прочитал хорошо и думал 25, поэтому мне оставил 20 р., 10 отдал Вас. Петр., к которому зашел и которого просил к себе в воскресенье или во вторник (поэтому завтра жду, т.-е. 2 августа), оттуда к Славинскому, чтоб узнать, где живет Троянский, чтоб спросить у него записки для Ол. Яковл.; узнал; заходил, не застал дома. Обедал как следует и ничего не было; думал, что желудок успокаивается. Вечером пришел Никита Алексеевич Горизонтов вместе с Ив. Гр. и ночевал две ночи, поэтому я весьма мало мог писать. Ушел он в понедельник, т.-е. ныне утром. Теперь спать, август после.

А в г у с т

1 [августа], понедельник. — Пошел в город рано утром и думал, что лучше будет, если поем кашицы. Зашел к Троянскому, его не было снова дома. Была сильная отрыжка, все ждал, что станет рвать. Пошел в Детскую больницу. Что было там, можно видеть в письме к папеньке¹⁶¹. Когда туда шел, зашел на дровяной двор, и там меня вырвало и после этого стало весьма хорошо. Так как должен был быть у Кораблева и чувствовал некоторую усталость, то не пошел к Вас. Петр., а к Кораблеву; оттуда купил десять бумаги обыкновенной в 40 к. сер., кажется, будут хорошо писать по ней перья (для Ипатьевской летописи). Оттуда к Вольфу, где просидел до 5 [час.] и выпил чашку чая без булки — чрезвычайно успокоило это желудок. Итак, чай со сливками хорошо, буду это знать. Оттуда к Славинскому, у которого до 7^{1/2}. Говорил довольно откровенно о своих товарищах и благонадежности их для серьезного будущего. Дома напился чаю и ничего не ел. Писал себе Ипатьевскую и дописал до конца 23-й страницы своей синей, следовательно, до 4708-й строки.

2 [августа]. — Большую часть времени писал Ипатьевскую летопись. Желудок хорош, только вечером пил слишком много чая с хлебом, так что несколько обременил, но отрыжки нет. Все-таки должен был выкурить трубку, но совершенно не беспокоит теперь, слава богу. Встал рано, до утреннего чая написал 23 страницу и разлиновал 2 тетради, т.-е. до 48-й страницы. Теперь списано у меня до конца 36 стран., или 5290 строк, следовательно, написал я менее строк, чем ожидал, всего только 582, хотя писал довольно

постоянно. Ждал Ал. Фед., поэтому не пошел ночевать в город. Завтра утром хотелось бы пойти к Славинскому, но боюсь разойтись с Вас. Петр. Не знаю, как это будет. Скорее, что пойду уж ночевать туда. Теперь почти $1\frac{1}{2}$ 12-го. Ложусь.

(Писано 6 августа, ровно в 10 час. вечера.) — 3 августа, среда. — Утром шел сильный дождь, к $11\frac{1}{2}$ перестал, и я уже пошел к Славинскому, между прочим, с намерением ночевать в городе и справиться о книгах утром. Когда шел за огородом из акаций, не доходя казарм Литовского полка, мне закричал Вас. Петр., который шел ко мне и к счастью увидел меня. Пошли вместе. Он, ехавши на лодке, поссорился с одним чиновником, который сказал ему неучтивое слово; вот не то, что я, — когда меня называли мерзавцем, я не мог ничего сделать. Посидел до вечера, после пошли вместе, я прямо к Ал. Фед., у которого ночевал и нашел «Débats».

4 [августа]. — Утром пошел в больницу, опоздал к директору и попросил, чтобы сказал письмоводитель смотрителя, что если не будет послано приказание выслать книги, я пожалею директору. Оттуда занес Вас. Петр. «Débats»; половина осталась у него, другую взял с собою и теперь все прочитал. Оттуда к Иванову, у которого думал застать новые журналы, — нет еще. Все-таки выпил чаю, просидел до 6; оттуда к Троянскому (у Иванова поправилось сидеть в последней комнате на мягком диване), после домой. Отдал деньги Ал. Фед., которые был должен (6 р. сер.).

5-го [августа], четверг. — Писал мало, чувствовал себя как-то неловко, много спал — все оттого, что слишком ем много, хотя желудок почти совершенно поправился.

6-го [августа]. — То же самое. Теперь дописал 52-ю стр., или кончена 4-я строка 163-й страницы, ровно 6 027 строк. Дело идет весьма медленно. Вечером (т.-е. после обеда скоро) поел, чего не должен был, и отрывка, которая заставила снова возиться с желудком. Отдал Любиньке 2 р. сер. (хотя, кажется, должен был ей 3), которые был должен. Теперь осталось только 85 к. сер. и 6 к. для переезда. 80 коп. должно отдать Савельичу. Вечером наливал в графин горячей воды, и он лопнул, — должен купить новый. Ложусь выкурить трубку.

(Писано в среду 10 числа.) 7-го [августа], воскресенье. — Утром рано пошел в город. Там Савельич был у обедни, поэтому письмо взял так и пошел к Иванову (решился в этом письме ничего не писать папеньке о книгах) и просидел там с $11\frac{1}{4}$ до 5 почти. Читал «Отеч. записки». Ничего порядочного не нашел из того, что читал. Победа над венграми прискорбна¹⁶². Сначала поверил, после несколько не поверил, после снова поверил, теперь более верю, чем нет, что Гёргей в самом деле сложил оружие. Должно узнать подробности, как, отчего, что значит. После зашел к Славинскому, у которого пил чай.

8-го [августа]. — Пришел вечером из города, ел жаркое, от этого на другой день утром было скверно несколько. После обеда

стало нехорошо и я вздумал воспользоваться средством заставить, чтоб вырвало, запустив пальцы в горло, как делал раз на дороге в городе. Так и сделал.

9-го [августа], вторник. — Утром пришел Вас. Петр. Я сидел и писал и уж сделал, чтоб вырвало. Он посидел до 8. Обедать я не стал бы, если б его не было здесь; обедал; после обеда стало снова дурно, и я на минуту сбегал, чтоб вырвало, и выбрал для этого парк, а не кусты по дороге к Смольному, как раньше. Пришел назад и скоро после пошел проводить его. Вечером был и Пелопидов с Дивногорским. Я больше времени (т.-е. до чаю) сидел с Вас. Петр. в своей комнате; после сидели вместе несколько времени. Когда воротился я, проводивши Вас. Петр., сидели вместе. Итак, сделал два раза, чтоб вырвало. Вечером выпил полстакана водки. Ужинал — селедки и яйца всмятку, что, казалось, подкрепит желудок, но вышло, как после увидел, наоборот.

10 августа. — Утром, когда встал, весьма скверный вкус был, хотя отрывки не было; насилу дождался чаю. После должен был сделать, чтоб вырвало, и ходил для этого в парк. Обедал только кашичу. Все-таки должен был сделать около 5 час., чтобы вырвало. Теперь сижу так, выпив рюмку пива с сахаром. Теперь думаю так: в пятницу вечером пойду в город к Иванову, после к Вас. Петр., после ночевать к Ив. Вас., оттуда в больницу, справлюсь или пожалуюсь; после за письмом и домой. Если будет попрежнему дурно, возьму слабительного в аптеке. Итак, по этой болезни мало времени пишу, и теперь списано только всего 68 стран. или до конца 182-й стран., или 6 779 строк. А думал, что все и варианты кончу в пятницу к обеду. Это писал в 7 ч. 40 м. вечера. Терсинские ушли гулять, я жду их, чтобы пить чай, хочу пить с пуншем. Да, еще хлопот наделали мне часы — стали становиться. Должно отдать вычистить, но нет денег. Я вздумал заводить их по два раза в день, и чтоб они лежали, а не висели. Так они шли, и нынешний день вот уж идут как следует, так что я завел вчера в 10 ч. вечера, и теперь идут как должно.

(Писано 15 авг. в понедельник, в 2 часа.) 11-го, четверг. — Ничего особенного, но желудок был скверно попрежнему.

12-го [августа], пятница. — Утром мне казалось как будто довольно сносно. Выпил чаю с молоком и хлебом и кажется как бы ничего сначала, после стало тяжело. Выпил горячего молока кружку, думал будет легче — нет. Все-таки пошел в 2 часа в город. На дороге должен был сделать, чтоб вырвало, и в первый раз при повороте к Литовских казарм огорода, не доходя доски, через которую переходят через канаву. Здесь не успел хорошо сделать, потому что шли за мною. Поэтому снова пошел далее, стало снова дурно, и я должен был сделать это в другой раз. У Иванова видел Славинского, выпил чашку чаю и ничего. Пришел к Вас. Петр. и чувствовал себя изнуренным, весьма изнуренным, так что, когда пошли к Ив. Вас. (которого не было дома), я лег отдохнуть на постель. Вас. Петр. сел ко мне и стал рассказывать несколько

о своих приключениях. — Мне стало теперь досадно на себя, что все еще трачу столько денег даром.

13 [августа]. — Пришел в университет за письмом, отдал за него 20 к. сер., весьма устал (был в Детской больнице — ничего еще; в следующий раз скажу директору) и сел, чтоб отдохнуть. Просидел там до 12½, более двух часов; все, кто видели (между прочим, и Срезневский), восклицали, что я чрезвычайно похудел. Идя оттуда, взял слабительного на 20 к., понадеявшись на него (серный цвет, магнезия), выпил стакан чаю вместо обеда и вечером выпил с довольно много хлеба, — этим вот меня вырвало.

14 [августа], воскресенье. — Утром почти решительно ничего (да, ходил в аптеку, где взял на 10 к. сер. английской соли, которую выпил всю в этот день), выпил половину соли, выпивши, съел за обедом несколько ложек кашицы гречневой, и стало несколько тяжеловато на желудке, как будто завал. Я думал, что снова должен буду сделать, чтоб вырвало, и пошел, чтоб помочь желудку. Ходил, хотя была изморось (т.-е. тепло, но весьма мелкий дождь), пошел в лес за Кушелевкою, чтоб собирать грибы, весь испачкался и измок. Пришел только что к чаю.

15 [августа], понедельник. — Утром посылал Марью взять еще на 10 к. соли английской; половину уже и выпил. С чаем ел более чем следовало хлеба, и была тяжелая отрыжка из глубины желудка; чтобы избавиться от нее, удачно вздумал выпить воды с ромом и сахаром. Не обедаю. Теперь ничего. С вчерашнего вечера начало слабеть, и это хорошо. Я думаю, что пройдет решительно через это расстройство в желудке, и не обедаю. Хотелось снова идти за грибами в надежде есть их. Теперь списал 6 страниц большого формата = 25 строк 209 страницы = 7 805 строк. Думаю завтра кончить это и начать варианты. Теперь начинаю писать письмо своим.

(Писано 19-го августа поутру в 7 ч. 20 м.) Писал несколько, после несколько переводил, для того, чтоб прочитать у Никитенки, «Нафана Мудрого» (начало 2-го акта).

16 [августа], вторник. — После обеда ходил собирать грибы. Поздно вечером пришел Ал. Фед. к чаю, принес 6 и 7 №№ «Отеч. запис.» и «Débats» до 1 августа. Я должен был проводить его. После стал читать. Слишком много ел, должно будет сделать, чтоб вырвало, но желудок поправляется.

17-го [августа], среда. — В 12 пришел Вас. Петр. Я был не в духе, но к вечеру ничего. Снова должен был сделать, чтоб вырвало, потому что обедал все, что он, чтоб не показать, что болен, и вечером много ел с чаем.

18-го [августа], четверг. — Несколько писал и дописал до конца 12-й страницы, т.-е. до 8153-й строки (218 стран.) и перевел больше половины первого акта «Нафана». Кончу этот акт в воскресенье или понедельник ко вторнику. К вечеру снова должен был

сделать, чтоб вырвало (пил соль и золототысячник). Больше читал «Отеч. записки» — «Дженни Эйр»¹⁸³, весьма хорошо, жаль только, что и здесь хотят вмешать трагические сцены до мелодраматического и страшные приключения — этого не следовало.

(Писано 30 августа вечером.) 19-го. Пошел на лекции, но Срезневского не было. Устрялов был. Несколько устал, идя туда, — самое, кажется, дурное время моей болезни. От Вас. Петр. пошел ночевать к Ив. Вас., чтоб пойти в Детскую больницу.

20 [августа]. — Был в Детской больнице, там сказали, что послали, я не верил, а между тем, папенькино письмо когда прочитал, там увидел, что прислали уже. Оттуда пошел к Вольфу, где выпил чаю в долг, оттуда к Славинскому, домой.

21-го и 22-го августа — были праздники. Провел более лежа и читая «Отеч. записки». Несколько переводил и «Нафана» для Никитенки.

23-го [августа], вторник. — У Никитенки был; ничего не удалось сказать, потому что говорил только он. Вечером был у Славинского, после у Ал. Фед. ночевал.

24 [августа], среда. — Был у Плетнева в другой раз, после домой, где пробыл и четверг. Плохо поправляюсь, а теперь даже похудел, должно быть, и в пятницу (был Мих. Павл. Соколов) не ходил, потому что Срезневского лекции не должно было быть.

27 [августа]. Думал получить деньги — однако нет. На лекции Плетнев заметил худобу мою и советовал не изнурять себя. Вечером пошел через Иванова к Славинскому, чтобы выпить чаю, после к Ал. Фед., у которого было скверно спать. Да, из университета проводил Срезневского до его дома; он говорил со мною о моей работе; особенного ничего.

28-го [августа]. — Ал. Фед. дал взаймы 3 р. сер.; 2 отдал Любиньке за долги. Весьма устал тогда, ну, да это в другой раз напишу, теперь лень и главное — холодно.

(Писано 4 сентября в 9 ч. 50 м. вечера.)

28-го [августа], воскресенье. — Ал. Фед. провел этот день у нас. Я ел больше, чем следует, и поэтому меня вырвало снова. Было не слишком, но довольно скучно и не решительно в хорошем расположении духа, хотя ничего.

29-го [августа], понедельник. — Ал. Фед. вечером отправился в город. Было так же, как и в тот день.

30-го [августа], вторник. — Было весьма холодно у нас, я дрожал все время. Большею частью лежал на диване под одеялом и читал Гизо.

31-го [августа], среда. — Был Вас. Петр., и я думаю, что в этот раз я был несколько полюбезнее, чем раньше, хотя весьма мало. Говорил несколько и о болезни моей, но более говорил о нем и его планах.

Сентябрь

1 [сентября], четверг, провел дома, читал несколько и Гизо, несколько и писал. Начал, кажется, читать вместе с Любинькою, — так, и даже в среду несколько читали.

2-го [сентября], пятница. — Пошел к Срезневскому на лекцию, и он читал не весьма хорошо. Был у Устрялова и жалел, что должен был и теперь должен пропустить несколько лекций, потому что любопытны. После был у Вольфа, где думал застать «Отеч. записки», но не застал, чтобы почитать «Дженни Эйр», которая заинтересовала. Купил бумаги и, как увидел, весьма хорошей. Это меня обрадовало, т.-е. хорошо идет по ней перо.

3 [сентября], суббота. — Получил деньги 50 р. сер.; 25 р. в университет, 3 р. 25 к. Ал. Фед. (25 к. за извозчика), 10 р. Вас. Петр., и сначала думал 10 р., а теперь 9 р., потому что так приходится (у меня 3 бумажки по 3 р. сер.) Любиньке, потому что совестно ничего не отдать. В пятницу был у Вас. Петр. вечером вместе с Залеманом. Оттуда шли вместе, и я все утешал его насчет кандидатства. В субботу хотел посмотреть квартиру у Зурова, теперь это все равно, потому что Ал. Фед. переехал к Аллезу и не будет жить у нас, а то мне хотелось доставить хоть это облегчение Терсинским. Но шел дождь, поэтому не пошел и к Вас. П., а из почтамта, купивши бумаги, пошел в аптеку и после к Иванову, где до 5¼. Прочитал «Отеч. записки». «Дженни Эйр» 3-я часть не так хороша, как первые две, однако ничего. После домой.

4-го [сентября], воскресенье. — Кажется, что желудок несколько поправляется, хотя сейчас должен был сделать, чтобы вырвало, но это сам виноват, ел лапшенник и весьма много ел хлеба вечером с чаем, а чай был без молока. Был Пелопидов; мне это не было неприятно, хотя и не доставило удовольствия. Остальное время читал, проверяя с Любинькою, и теперь проверено до 170-й стр., и надписывал цифры — теперь надписано 1 520 строк или до 19-й строки 45-й страницы. Не знаю, пойду ли завтра в университет, — скорее нет. Теперь, может быть, съем что-нибудь и ложусь. Пью золототысячник с померанцевым листом, и, кажется, он несколько полезен.

5-го [сентября], ровно 12 час. утра. — Теперь прочитано, сию минуту кончил, до 6 770 г., т.-е. кончены синие листки. Цифры выставлены теперь до 17-й строки 52-й страницы. Любинька ныне спросила денег, и я отдал 10 р. сер. Теперь не знаю, отдам ли Вас. Петр. 10 или 9, лучше 10. Мне, конечно, было совестно, что довел до этого Любиньку; она, конечно, спросила взаймы, конечно, я дал так. Желудок, кажется, лучше, во всяком случае excrementa более, чем раньше было. Эти excrementa вообще меня занимают, и когда есть, то радуюсь, потому что считаю это признакомправления желудка. Думал, не пойти ли ныне к Устрялову, однако не пошел,

Сколько времени должно употребить на летопись? Списать:

а) разграфить листы—30 минут на 6 листов, следовательно, $7\frac{1}{2}$ час.

б) переписать — по 60 строк на час (несколько менее 60, поэтому 8 520 получаю строк) — 142 ч. Итак, только переписать текст не разграфленный — 150 ч.

с) проверить текст 25 страниц — одну по 20 м. (несколько менее, поэтому всего 24 полагаю), будет 8 ч., после: 40 страниц по 9 минут с Любинькою читая, — 360 м., или 6 часов. Наконец, остальные 120 стран. по $7\frac{1}{2}$ м., или по 8 стр. в час — 15 ч. всего. Поставить цифры по 12 м. (несколько менее, поэтому только 180 стр. считаю) или 5 в час. — 36 ч.

Итого 215 часов.

Сколько времени нужно на разграфку — не знаю; верно тоже около 35 часов, и тогда было бы всего работы до разрезывания ровно 250 часов.

5 ч. 25 м. Теперь дочитал все вместе с Любинькою. Ив. Гр. еще не приходил из Сената, поэтому почти все читали, кроме только того, [что] Любинька ходила часа на два гулять, а цифры теперь расставлены до конца 65-й страницы, т.-е. 2 292-й строки.

(Писано 11-го, в 7 ч. 10 м. утра.) — Во вторник был у Никитенки, он думал, что стану что-нибудь читать, но стал читать свой фельетон из «Полицейской газеты» Главинский. Я сделал несколько замечаний, в которых можно было видеть презрение, если угодно. Вечером пошел к Иванову, читал там новые журналы, после к Вас. Петр., у которого до $9\frac{1}{2}$, после к Ив. Вас. вместе с ним, чтоб ночевать. Но у него была в эту ночь должно быть его блядь, о которой он так смешно рассказывал Вас. Петр., и поэтому сказали, что его нет дома. Мы пошли все-таки к его комнате — заперта, а он спрашивает в просонках «кто?» Итак, пошли. Я думал — домой идти или к Корелкину? Решился на последнее. Ночевал не без приятности.

7-го [сентября], среда. — Утром пошел искать квартиры, искал более 2 часов на Васильевском острове и нашел две, которые понравились всем, особенно своею близостью к университету. Пошел сказать об этом Ив. Гр., чтоб посмотреть вместе. На мосту встретил живущий с Никоновым купец и попросил воротиться к нему, чтоб подписать, что я ему даю доверенность распоряжаться оставшимися после Пластова вещами, потому что отец его просил вместе и меня об этом, и теперь этого требует полиция. Пошел. У Плетнева написал записку Ив. Гр-чу, пошел, — его не было в Сенате. Воротился и начал снова расставлять цифры, которых было выставлено так около $\frac{1}{3}$ и выставил в этот день несколько.

8-го [сентября], в четверг — еще более.

9-го [сентября], пятница, — утром также несколько, до 165 стр., я думаю, и пошел в университет, взяв с собою несколько листов, чтоб не пропало время, когда буду дожидаться лекции; писал несколько. Лекция Устрялова была так нова, что пожалел, зачем не

бывал раньше в понедельник вместо среды, и теперь хочу делать так. Воротился домой и в этот вечер (переезжая тоже писал цифры и написал около страницы), и следующее утро писал цифры. Итак, оставалось только линевать.

10-го [сентября], суббота. — Утром начал разлиnevывать. Синие чернила, стоя на солнце, полиняли и обратились просто в красноватую воду, — это ничего, не взбесило меня, хотя, конечно, взбесился бы в другое время. И так они были плохи, что жаль. Итак, стал графить черными и красными чернилами и карандашом, которых было весьма мало, так что ясно, что неостанет. Я боялся, что неостанет красных чернил, но достало. Топили баню, и я ходил. Рука от линеваия сильно устала.

11-го сентября, [воскресенье]. — Как встал — линевал. Ехсгемента не было весь день почти ничего; это меня несколько беспокоило; хотя желудок днем ничего, а ночь на воскресенье просыпался-таки от бурчания и должен был пить золототысячник (да, тогда в аптеке дали вместо него тысячелистнику, но во вторник переменили так, это меня утешило). Любинька взяла рубль сер., итак, теперь неостанет отдать Ал. Фед. денег. Думаю, уж не отдать ли ему 25 р. Утром приехал Горизонтов с женою и братом. Я не выходил в это время. Они пошли обедать к Карпову, профессору Духовной академии, мы остались, и когда сели обедать, молока не было, поэтому я поел супу и манной каши, думал, что это будет все-таки нехорошо, — напротив, хотя и чай пил с сухарями, — ничего, совершенно спокойно. Как нельзя лучше провел ночь, и бурчания и тяжести вечером не было. Карандаша неостало на 108-й странице, поэтому стал разлиnevывать только чернилами, оставляя для него места, чтобы разлиnevать, как я думал, в городе, взяв у кого-нибудь карандаш, чтоб не отрываться. К 10 [ч.] вечера долиневал все и хотя линевал более, чем в предыдущий день, рука устала менее. Вечером воротились Горизонтовы, я вышел, но они посидели только несколько минут. Утром мне послышалось, что Ив. Гр. сказал, что он приостанавливается исканием квартиры, потому что хлопочет о переходе в министерство юстиции. Я вздумал: если так, то спрошу его об этом, и если так, то попрошу Ол. Як., нельзя ли мне жить у него в это время. Но вечером он успокоил, сказавши Горизонтову, что проживет 3—4 дня много, а может быть, уж неделю.

12-го [сентября]. — Не знаю, идти ли к Устрялову или нет. Склоняет идти, между прочим, то, что теперь погода хороша, а завтра идти будет бог знает по какой. Если пойду, возьму с собой недографленные листы, чтоб дографить. Во вторник я у Никитенки должен читать, потому что сказал так, не знаю, что — вероятно, «Нафана», разбирать в то же время неудобства драматической формы, а может быть и о всеобщем языке.

Писано 24 сентября, в субботу, в 6 ч. утра. Итак, снова пропустил полторы недели.

Во вторник у Никитенки я (да, в понедельник был у Устря-

лова, после к Вольфу, оттуда ночевать к Ник. Павл. Корелкину) сказал, что у меня есть перевод «Нафана Мудрого», а если нет, то я буду говорить о всеобщем языке. Никитенко отклонил «Нафана», и я стал говорить. Думал, что не успею дотянуть до конца лекции, но прочел только предисловие о том, что язык этот должен явиться и что он должен быть искусственным. Никитенко сказал комплимент, что весьма ясно и последовательно я говорил, и что если буду учителем, то хорошим. Следовательно, если встретится урок, он отрекомендует меня. Вечером домой на среду.

14-го [сентября]. — Там страшный холод, так что я решился к Олимпу как можно скорее перебраться. Да, карандаша у меня не достало долиневать раньше; поэтому, когда был у Корелкина, я взял у него черный карандаш и долиневал в аудитории. Теперь несколько разрезывал в 10 коробочек (1. — А, Б, Г; 2. — В; 3. — Д, Е, Ж, З; 4. — И; 5. — К, Л; 6. — М, Н; 7. — О, Р; 8. — П; 9. — С; 10. — Т и т. д.), но более, так как было чрезвычайно холодно (9 или 10 градусов и до 8), то лежал под одеялом, читая кое-как Гизо. Но был не совершенно недоволен, потому что это ускорило искание квартиры и переезд, а то бы еще несколько дней прошло.

15-го [сентября], четверг. — Пошел [к Ол. Як.], чтобы попроситься пожить, пока переедут (условились переехать в субботу непременно), у него. В канцелярии его не застал, а встретил на дороге. Он сказал, что очень можно; я был весьма рад и пошел вечером к нему; он уехал.

16-го [сентября], пятницу, я провел хорошо. Среди дня (лекций не было) был у Доминика — там лучше диван, чем у Вольфа; поэтому и потому, что всегда дают журналы, хочу бывать у него. Здесь истратил последние деньги, и булки к чаю покупала в долг Устинья.

17-го [сентября], суббота. — Среди дня ничего не ел; это несколько уж расстроило дух. Приехал Олимп и когда увидел, что запятнан стол в двух местах стеарином, рассердился. После стал разбирать бумаги, и я его более не видел. Утром говорит Устинья, что он весьма ругался, что я все перетормошил. Я был в весьма дурном расположении оттого, что не ел и т. д., и от Олимпова свинства, и это окончательно поссорило меня в душе с Олимпом: что за педантизм, чтоб все не было пошелохнуто, за каждую пылинку ругает и, наконец, даже не мне, а ругает меня перед Устиньей. Кажется, наше близкое знакомство кончится этим делом, не знаю, однако. И велел сказать мне, чтоб я уходил скорее, потому что ждет (как и раньше говорил, это правда) гостей из Гатчины. Ушел в сердцах, но холодных и не раздраженный особенно, к Доминику — это было в понедельник уже, — или нет, еще в субботу у Доминика — итак, заплатил 30 к., да у Доминика 15 к., да калач 5 к. Когда шел оттуда, показалось, что потерял 10 к. сер., это раздосадовало. Пришел к Доминику, купивши калача, и нашел гривенник, а ходил к Славинскому, чтобы выпить чаю, однако не выпил и

скоро ушел. Оттуда снова к Корелкину, где спал уже к своему удовольствию на полу, между тем как в прежние два раза это делал Попов, что мне было совестно.

Итак, теперь *понедельник, 19-го [сентября]*.—К Устрялову пошел, — Вас. Петр. пришел и сказал, что переменял квартиру, переехал в дом Сергиевской церкви, чтоб учить сына Орлова, квартира с дровами 25 р. асс. и порядочная. Это переменяло мою судьбу несколько. Итак, есть теперь надежда, что его дела поправятся и мои поэтому тоже. Можно надеяться, что Орлов достанет ему уроки еще или место управляющего, как было и раньше достал у Озеровой (но другой священник успел перебить место). Приглашал ночевать к нему, потому что теперь можно. Я сказал, что буду, если только наши не переехали еще, а куда переедут, я сам не знал. Был в самом дурном расположении духа, потому что надоело скитанье, да и как же в самом деле не надоесть! Вышел из университета — к Доминику. В 5 вышел с весьма слабою надеждою справиться в доме Кошанского об Ив. Гр., — он говорил, что там есть квартира (видался в последний раз в субботу; в понедельник не застал уже его в Сенате, и он, чудак, не оставил записки), которая мне, правда, не совершенно нравилась, но ничего, уж лучше, чем ничего. Хорошо. Дворник сказал, что они тут, ждут мебели. Это меня чрезвычайно обрадовало, чрезвычайно, что, наконец, кончаются эти путешествия и эти ночевки чорт знает где. Они сидели у Маева, который был раньше в этой квартире (№ 8) (дом Кошанской в Большой Конюшенной, против Шведской церкви, от университета 1 250 шагов через мост); прождали мебели до 8 час. — нет. Решили более не ждать, и Любиньке остаться у Маева. Мы пошли ночевать. Сначала думали оба у Мих. Павл. Соколова, и на другой день, если не будет мебели, ехать мне на Кушелевку за ней. Это было неприятное ожидание для меня, но ничего. У Мих. Павл. красили комнаты, поэтому я пошел к Вас. Петр. Квартирка порядочная, весьма теплая, и теперь его жизнь, как кажется, должна перемениться. Сидели вечер, толковали о том, каково его теперь положение, и т. д. Я дописал лекции Неволлина, которые начал списывать с Корелкиным утром в университете, до 4-й лекции.

20-го [сентября], вторник. — Пошел в дом Кошанской — мебель привезена; я так и надеялся, это хорошо. Пошел в радости в почтамт, получил там 5 р. сер. из Аткарска Любиньке, и белье, и чай, и платок прислали из Саратова превосходный. Вечером, когда пришел, было уже все устроено и мне отвели последнюю комнату, может быть лучшую. Но докончу уже после, как обыкновенно раньше делал, у Фрейтага, а теперь за Гримма. Его стану писать, выпивши магнезии.

(Писано у Куторги на лекции в четверг, — или нет, некогда.) Продолжаю, пришедши на лекцию к Перро, дожидаясь его. 3 октября первая лекция, понедельник.

Итак, 20-го, во вторник, привезли мебель. Этому я был весьма рад; итак, избавился от хлопот и все слава богу. Пошел в поч-

тамт; деньги 5 р. сер., на которые я уже было надеялся, были присланы Любиньке. После этого пошел в университет. У Ники-тенки должен был читать Корелкин, но вместо того, чтоб читать, принес Калевалу¹⁶⁴ — кажется, так ее зовут, — финляндскую по-эму. Мне хотелось, чтобы он вместо того, чтоб читать ее, дал читать мне «Нафана»; однако, конечно, я ему этого не сказал, он читал. Вечер провел, разбирая разрезанное, что было удивительно медленно, так что привело меня в отчаяние. Отыскал из универ-ситета Ал. Фед.

21-го, среда, 22-го [сентября], четверг. — В один из этих дней подошел ко мне Воронин и сказал: «Не поедете ли вы со мною на дачу?» Так, это было в четверг. У меня мелькнула мысль, что, должно быть, что-нибудь сделать для него, потому что Корелкин (теперь как я вижу, по предположению ошибочному, между тем как раньше я думал, что он это знал) сказал мне, когда я ночевал у них, что с его братьями занимается Стасюлевич, так у меня яви-лось положительное знание, что я потерял безуспешностью своего преподавания уроки у них: мысль, которая явилась во мне еще тог-да, когда сказали весною, что Константин болен, — да еще сначала еще раньше, когда в начале прошлого года не возобновились уроки с маленькими его братьями. Я сказал ему своим мягким тоном, как бы делая ему услугу: «Когда вам угодно, с удовольствием». И обра-довался, думал, что вот открывается путь готовиться вместе к эк-замену, т.-е. получить деньги. Он продолжал: «А то мы остаемся еще долго на даче, потому что в доме поправляют, а между тем Костеньке не должно уже откладывать; маленькие братья могут по-ходить до переезда сюда». — Превосходно! Превосходно! Это меня весьма обрадовало как нельзя более — итак, снова источник этот получения денег открывается и снова мне можно будет давать боль-ше Вас. Петр-чу и вместе с тем несколько давать и Терсинским, и оставлять и себе 3—4 р. сер. в месяц. Итак, все устраивается луч-ше, чем я уже надеялся. Я был в большой радости.

23-го [сентября], пятница. — Так как через мою комнату, уголь-ную, ходили из кухни, то я переселился в переднюю, чему сначала был рад, а теперь, может быть, стану раскаиваться, и со временем, может быть, снова перейду назад. В пятницу подошел к Срезнев-скому и попросил у него Гримма; он сказал, что можно вечером. Я пошел к нему, думая, что посижу, — не удалось, только взял и пошел. Пришедши домой, почти все время проспал. Смотри о за-писках Срезневского под «среда, 28».

24-го [сентября], суббота. — Так как увидел, что Гримма чи-тать бесполезно, потому что все позабудешь, то решил сделать из него выписки; начал с вечера пятницы, продолжал этот день и воскресенье и почти совершенно кончил первый том 3-го издания Vocalismus; нового мало в методе, и без него я стал бы делать точно так же.

25-го [сентября], воскресенье. — В это время желудок у меня, казалось, все поправлялся, но так как я ел говядину или суп, то

начинало рвать через день два раза. Я воспользовался для этого окном подле нашей двери; вдруг, только что кончил это дело, слышу ужасный шум: это поднялись жильцы нижних этажей, которых окна заливались моею рвотиною, они ругались с Марьею, про которую говорили, что она это выплескивает помои. Мне это, конечно, было неприятно, но я решился промолчать по своему обыкновению, оставив постыдным образом ее расплачиваться за мои грехи. — В предыдущие дни два раза был у Ал. Ф. по его просьбе, чтоб читать *Histoire de la Révolution de Février, par Lamartine*. Он писал так бессвязно, что, чтобы понять его, должно бы было читать со вниманием, а так как этого-то именно и не было, то я почти ничего не узнал оттуда, кроме того, что уже знал, — чего не знал, не мог сообразить, как это было. Да, я ошибся, думая, что праздник был в субботу, — нет, напротив, в понедельник; поэтому я писал Гримма 3 дня: несколько в субботу, после в воскресенье и понедельник.

26-го [сентября], понедельник. — Был около часу Корелкин, я ему обещал Гримма, и теперь он воспользовался этим обещанием, спросил его, что мне было неприятно, потому что проходит время. Мне хотелось как можно скорее разделаться с этими книгами и после снова за летопись, но вот он взял; к счастью, скоро воротит. Так как в субботу мне Любинька додала истраченные мною 3 р. сер. для 25, то я отдал их в университет, и мне велели в воскресенье получить свидетельство.

Во вторник, 27-го [сентября], я хотел быть у Штейнмана, получить свидетельство; в этот день был дождь. Мы условились с Ворониным в субботу, что я буду давать на даче по два урока, во вторник и пятницу, и могу после ночевать там или ворочаться, как мне угодно. Хорошо. Поэтому я сказал Любиньке, что в этот день не ворочусь и чтобы мне не готовили моей кашицы из пшена и молока, которую я выдумал есть после того, как Вас. Петр., застав меня раз за обедом моим из молока и гречневой каши, сказал, что эта каша тяжела. В первые дни эта каша мне чрезвычайно нравилась. — Пришел Перро.

Продолжаю у Фрейтага на лекции. — Перро мало понимал, потому что мало, кроме некоторых фраз, хорошо произносимых и вообще окончательных слов не мог расслышать звуков; однако, кажется, к концу лекции несколько более, но все менее, чем надеялся.

Итак, 27-го пошел к Штейнману, опоздал и это снова показалось мне как после, к моему счастью. Итак, пошел в почтамт за деньгами: 10 р. сер. прислали для Любиньки. Когда воротился оттуда, пошел в дежурную взять свидетельство. Когда стоял у стола, подошел Никитенко и сказал: «А, это вы, весьма рад, подойдите ко мне, когда кончите, я имею вам нечто сказать». — Я думал, что уроки, и обрадовался. Хорошо. Подошел, он говорит: «Скажите, пожалуйста, — у вас ведь, конечно, есть знакомые в кружке, окончившие курс, — кто есть из них, кто бы хорошо знал по-рус-

ски и еще не получил места? Видите, есть место старшего учителя в Пскове русской словесности; ждать некогда, поэтому до вас это место не может остаться». — Я сказал: «Гульельми». — «Да я ему уж доставил место». — «Так я поищу», сказал я, уже образумившись и припомнив, что Вас. Петр. хотел уже держать непременно этот экзамен. — «Ищите поскорее». — «В четверг», сказал я (потому что вечер думал у Ворониных). Итак, я был в радости: или место Вас. Петр., и тогда он и я выходим из затруднительного положения, или, если он не принимает этого места, что я думал тоже, то доставлю несколько услугу кому-нибудь из студентов, во-первых; во-вторых, во всяком случае, значит Никитенко хорошо обо мне думает, когда обращается ко мне с таким поручением, и значит я более всего курса могу на него рассчитывать. (Куторга в этот же день сказал, что из 4-го курса не примет новых, итак, связи с ним вероятно не будет, поэтому не должно рассчитывать на место учителя истории, чего скорее всего мне хотелось бы.) Во всяком случае, это хорошо. «Ах, — думал я, — как благоприятствует мне счастье: вот опоздал, и из этого опоздания выходит такое хорошее дело!» Воронин сказал, что урок завтра, — это уж не хорошо в отношении к обеду, но хорошо в [том] отношении, что ныне же могу увидеться с Вас. Петр., — итак, ничего. После обеда пошел к Вас. Петр., сказал ему — мешал мальчишка, сын Орлова, — он сказал, что слишком рад, как же теперь? Фрака нет, а должно явиться к Никитенке. Решили, что он приедет в университет и я поговорю с Никитенкой, можно ли подождать месяц, который, как мы решили, нужно для приготовления или для того, чтоб выписать ему аттестат, который избавит его от приготовительного экзамена. Я ушел в самом хорошем расположении духа от него.

28-го [сентября], среда. — Дождлся Никитенку, сказал ему: «Если бы вы, Александр Васильевич, могли сделать важное благодеяние не только для него, но и для меня, то я попросил бы вас, если можно, подождать месяц. Один мой, можно сказать, друг держит экзамен на старшего учителя и должен дожидаться своего аттестата об окончании курса во второстепенном учебном заведении для того, чтоб не держать гимназического курса». — «Да, но какой он человек, потому что ведь мне нужно же будет опереться на что-нибудь перед попечителем, когда он станет спрашивать, почему». — «Человек весьма умный». — «Так пусть он побывает у меня, потому что нужно же мне самому узнать его». — «Очень хорошо, когда?» — «В воскресенье, в 10 [час.] утра». — Сказал Вас. Петровичу, и весьма хорошо все нам казалось. Начали толковать о фраке, где его взять. Я говорил о Раеве, Виноградове Гавр. Григ., он не согласился, хотел сам достать у Залемана или Ив. Вас. Хорошо.

Из университета поехал к Воронину. Я решил тогда ночевать. Встретили как будто ничего. До обеда я озяб несколько; сели обедать, я ел все, понадеялся, но вышло нехорошо, т.-е. ничего особенного не было, решительно не слишком тяжело, но должно быть по-

чувствовал, что следует, чтоб вырвало, и сделал это в отхожем месте, которое сделано как университетское, поэтому весьма удобно, тем более, что можно совершенно низко наклониться, потому что запаха решительно нет никакого, весьма хорошо. Да, в пятницу ту Срезневский сказал: «Если бы вы были так добры, что писали бы мои записки этого года». Я сказал: «Хорошо, только после масленицы». Но вечером вздумал: разве не все равно? и сказал ему, когда был за Гриммом, что если ему нужно, то хоть и теперь. Он сказал, что теперь лучше, — так и мне показалось, по его способу выражения утром. Итак, стал писать и брал с собою к Воронину, но там ничего не успел. После обеда почти сейчас урок до 8 час., они считали один урок прежний, итак, это был уже второй, хорошо. После 8 час. предлагали мне ехать на извозчике, я остался. Вечер просидел с Ал. Степ. и приготовлялись вместе к латинскому классу. Он знает теперь гораздо лучше по-латыни, чем раньше, так что довольно хорошо знает. После, около 11 час., пошли спать. Мне было весьма хорошо, я долго читал статьи из *Gegenwart* ¹⁶⁵ II том, продолжение, и *Convers. Lexikon* ¹⁶⁶, почему этот вечер прошел решительно ничего. Хорошо. Утром, как встали, должны были спешить в университет, где должно было Воронину подать сочинение Фрейтагу. Я его прочитал и показал там переправить несколько, но он не переправил почти, хотел на словах.

29-го [сентября], четверг. — Приехал с Ворониным. Так как он достал мне книгу, то я стал переводить, не весьма хорошо, но ничего. Из университета что я делал? Кажется, был у Ал. Ф. или он у нас. Нет, был, кажется, Вас. Петр., или писал Срезневского. Одним словом, день прошел ничего.

30-го [сентября], пятница. — Воронин сказал, что нынче урока не будет, потому что всегда у них накануне Покрова большой молебен, — это не слишком хорошо было для меня, — а в следующие разы будут в среду и субботу; ну, это как угодно, конечно. Итак, воротился домой. Не было приготовлено кашицы, потому выпил чаю. Вечером пошел отнести Гримма, взял I том 2-го издания. Оттуда идя, зашел к Violet в кондитерскую, после к Вольфу и за чернилами в свою обычную лавку в доме Кошковского* подле Юнкера, где бумага мне нравится. Так проходил до 8, и когда воротился, должен был уже один пить чай. Так пришла суббота.

О к т я б р ь

1 [октября], суббота. — Утром был у нас Ал. Фед., пил кофе. Я несколько писал из Гримма (склонения), несколько для Срезневского, для которого уже и раньше написал 9 листиков, в этот день еще 2 с лишком. За обедом кроме своей кашицы съел кусок говядины и показалось, что ничего, т.-е. сначала была отрыжка, после и она прошла, так что не вырвало. Я думал, что теперь могу уже есть, но последнее воскресенье показало, что не годится, да и ве-

* Неразборчиво. Ред.

чером съел пропасть хлеба с чаем; однако ничего. Да, вечером пришел Вас. Петр. и мы потолковали с ним попрежнему, часа три сидели и большею частью толковали хорошо. Он хотел взять фрак у магистра здешней академии Княжинского, придти ко мне в 8 час., надеть мои сапоги и идти к Никитенке. — Звонок.

(Писано 8-го числа в III аудитории на первой лекции.) Пришел в университет в надежде, что может быть есть деньги, поэтому должно будет сходить в почтамт, но их нет. Думал, если так, переписывать для Срезневского лекции — забыл дома его бумажку; итак, должен теперь писать это.

2-го [октября], воскресенье. — Дождался Вас. Петр., — его не было. Ждал, ждал — его нет. Что такое? Наконец, решил, что должно быть он раздумал быть у Никитенки, и стало на душе тяжело. Так провел этот день нехорошо. В 6 час. отнес Срезневскому его книги, чтобы не развлекали от дела, тем более что хотел в следующий вечер быть для чтения журналов у Иванова, поэтому время прошло бы так. Как я пришел к нему, он сказал (я отнес ему еще 5 листиков, всего поэтому 14, до конца его 3-ей лекции, так что оставалось переписать только один): «Скажите, г. Чернышевский, до какой степени владеете вы французским языком?» — «Не могу ни писать, ни говорить», — сказал я. — «Я это спрашиваю потому, что через барона Мейендорфа обратились ко мне с просьбою отрекомендовать им учителя русского языка двое служащих во французском посольстве чиновников, M-r Буало и M-r Lallemand. Они хотели, чтоб я давал им уроки сам, я отказался, а сказал, что порекомендую из студентов, но что трудно сыскать, кто бы говорил по-французски». — «Я не знаю», — сказал я, — кто говорит: Корелкин так же, как я, Лыткин разве? Я спрошу, другого я не знаю». — «Да другого я не могу и рекомендовать, потому что сам не знаю». — «Из других курсов?» — «Нет, из вашего лучше, потому что, конечно, у вас я должен предполагать более методы и умения». — «Так я спрошу; если Лыткин знает лучше меня, так я вам скажу; если нет, так сделайте милость, уж отрекомендуйте меня». — «Хорошо». — «А если не из студентов, то вот один человек, который хорошо говорит по-французски и которого, может быть, вы знаете — он бывает в университете — это Лободовский». — «Нет, не помню». — «Ну, так нечего делать, уж меня». — «А это было бы хорошо и в том отношении, что вы ближе узнали бы западную образованность: вы в душе русский, но увлечены Западом — до невозможности. Так вот вы бы и узнали его: боже мой, какая разница между этими людьми и между нашими молодыми людьми, состоящими при посольствах! Я знал их в трех посольствах, что это за люди! полные знаний, образованности, энергии; а здесь решительно противоположное: один из них, Lallemand, выдает себя еще за филолога, а не знает греческой азбуки, т.-е. вида их букв, — что за образование после этого?»

Я ушел в восторге от того, что буду получать деньги и вместе выучусь по-французски, если удастся поступить мне, а не Лыткину.

Но на дороге лакей шпорою разорвал мне брюки, и это несколько поутишило мой восторг. Пришел домой, напился чаю, Любинька зачинила брюки, и я пошел к Вас. Петр., узнать, что он, как ему. Дорогой сделал, чтоб несколько вырвало. Погода была скверная, на душе нехорошо. Вас. Петр. велел подать свечу в другую комнату, потому что у них была сестра ее, Александра, и сказал, что он не достал фрака у Княжинского, потому что неловко выставить причину, для которой ему нужно, и поэтому решил отложить. — «Как же теперь?» — «Да уж завтра приду увидиться с ним в университете, если не будут болеть зубы и не будет грязи». — Это меня разогорчило, и я начал выкуксывать перед ним мою печаль, смешанную с досадою. Это было оттого, что в сущности я через это был поставлен в неловкое, по моему мнению, положение перед Никитенкою этим невежливым неприходом в назначенное время; что через это отлагалась снова на неопределенное время самостоятельная жизнь Вас. Петр. и поэтому возможность не употреблять на него все деньги (тут кроме того, что не совестно будет перед Терсинскими, являлось мне употребление 3—4 руб. сер. на ветчину, калачи с душкою, посещение кондитерских, сладкие вещи от Елисеева или из Милютиных лавок и т. д.). Итак, снова это скверное, стесненное решительно положение, которое, того и смотри, прорвется перед нашими! И что за глупость не взять было мне фрака у Ал. Фед., не спрашиваясь у Вас. Петр.? ведь известно, что сам он не достанет, так как же? Что это за глупая черта в характере не делать для другого, если он положительно не выскажет, что ему это нужно, хотя сам весьма хорошо знаешь, что ему это нужно; черта, от которой именно и терпят люди благородные или, как это сказать, не любящие надоедать просьбами, деликатные, думающие о том, чтоб не обременить, не поставить в затруднительное положение другого. А главное, что вот он заставляет Никитенку ждать, время все проходит и, наконец, дело кончится тем, что он не выдержит экзамена, т.-е. не будет держать его, и мы останемся с ним в подледах перед Никитенкою, которого поставим в самое неловкое положение. Так от этого всего я сильно досадовал и стал вымещать свою досаду тоскливыми речами на Вас. Петровиче, который оправдывался как мог. Я решил достать ему, не спрашивая его, фрак, чтобы он был у Никитенки и сам сказал ему, хочет или нет держать экзамен. Он решил не быть у него, а быть в университете, чтоб переговорить с ним на лекции. Ушел от него, конечно, в самом скверном расположении духа, которое увеличивалось еще тем, что я так неловко вел разговор и свои упреки, что вместо того, чтоб склонить его думать так, что он не был у Никитенки случайно и будет, как достанет фрак, еще развил в нем и себе мысль, что это он не был с намерением по решимости, потому что не должно и не хочется ему быть у Никитенки, потому что это слишком неловко. Скверно.

3-го [октября], понедельник. — Решился на всякий случай привычиться понимать по-французски и поэтому пошел к Перро, что и

записал раньше, кажется — нет, не найду, где это. Раздосадовало несколько то, что понимаю гораздо менее, чем надеялся. У Фрейтага написал Лыткину, подле которого сидел, на бумаге вопрос, говорит ли по-французски, прямо сказавши, в чем дело, только не положительно, а «может представиться случай». Он сказал, что говорит, но с русскими, а с французами говорить трудно. А по окончании лекции, когда я рассказал ему, он отказался, сказавши, что ему и некогда. Это меня обрадовало; итак, я теперь поступаю, если будут просить они Срезневского, с спокойною совестью, между тем как раньше хотел несколько покривить душою, когда услышал ответ: «говорю, но плохо», — все же, конечно, лучше меня, который не понимает, что говорят по-французски. А я, однако, хотел сказать Срезневскому, чтоб меня, а не его. Итак, теперь с чистою совестью скажу Срезневскому, чтобы рекомендовал меня, чистою, потому что Лыткин сам отказался. Воротился домой в веселом от этого расположении духа: одним камнем двух зайцев или трех убью: буду получать деньги, которые так нужны, познакомлюсь с людьми, с которыми познакомиться интересно, и выучусь по-французски, что давно хотел, только не знал, как приняться за это дело, — ведь я хотел уже бывать на лекциях французских поэтов.

Продолжаю уже после звонка, когда уж народ шумит в коридоре. Воротился с твердым намерением (продолжаю в понедельник, 10 ч., дожидаясь Перро на первой лекции) достать фрак Вас. Петр., чтоб мог итти к Никитенке. Как пообедал, действительно пошел и, чтоб не сказывать для [чего] нужен для Вас. Петр., придумывал дороною, как сказать, и выдумал, что это нужно потому, что разыгрывают у Ворониных (я ему уже говорил, когда ночевал не дома, что это я был у них) — сначала хотел сказать: какую-нибудь Гоголеву пьесу; после придумывал, какую же, не мог выбрать, где для меня роль, наконец, вздумал, что лучше всего сказать, что мою пьесу, какую же? — «Учитель», будет разыгрывать все семейство, кроме отца и матери, я буду учитель, поэтому нужен фрак, а впрочем можно, если нельзя, обойтись и без него. Так и сказал. Он дал без отговорок, хотя сначала соображал, завтра или послезавтра лучше быть ему у своего будущего начальника отделения (как бишь его фамилия?). Как встали они из-за стола, мы пошли. Я напился чаю и к Вас. Петр., там оставил, не сказавши ни слова, только что до завтра.

Вторник, 4-го [октября]. — Утром Вас. Петр. пришел в университет. Никитенки не было ни в этот день, ни вчера, потому что был болен. Пришел он в сюртуке и сказал, что я нехорошо сделал, что принес фрак, потому что у них ведь была Алекс. Ег., а ему не хотелось бы, чтоб она это знала, и решительно отказался быть у Никитенки и просить этого места: «Не успею, потому что мало ли что может случиться, и поставлю Никитенку в неприятное положение». — «Так принесите ныне фрак». — «Хорошо». — Из университета, пообедавши дома, пришел он. Снова стали толковать, особенно когда наши ушли гулять, толковали довольно много. Ре-

шил так он, что не будет входить в обязательства, потому что может изменить им, и это тогда поставит и Никитенку, и меня, и его в скверное положение, меня и его перед Никитенкой, Никитенку перед попечителем. «Итак, я отказываюсь от условий относительно этого места; экзамен на старшего учителя держать буду непременно на этой же трети, до рождества, обязавшись перед вами, если хотите, а когда будет звание учителя, место найдется здесь, потому что есть протекции: Муравьев, Полозов, даже княгиня Белосельская, да и Казанский всегда может доставить». — «Хорошо, итак, вы держите, а теперь отказываетесь». — «Да». — «Итак, я завтра скажу об этом Никитенке, что вы больны и поэтому не можете».

5-го [октября], среда. — Утром у Никитенки, поэтому не мог быть у Перро. Застал дома, сказал, что болен. Он сказал, что попечитель два раза писал ему письма об этом, и, наконец, он должен был отвечать, что не имеет в виду никого. Итак, это и хорошо, что Вас. Петр. решился отказаться, потому что если бы и не решился, было бы уже поздно, когда не был в воскресенье. Никитенко был так деликатен, что мое положение и объяснение с ним не имело ничего неприятного. Из университета к Ворониным, где снова обедал весьма много: было четыре блюда, и я ел всего помногу. Особенно дурно сделал, что поел последнего, какого-то пирожного, которое с маслом, пшеном, должно быть, яйцами и т. д. и должно быть весьма тяжело. Однако особенного ничего не было, и когда после чаю сказали мне, что мне можно ехать (это мне было отчасти вот как: или уж, когда ночевал я у них, не было ли сделано мною что-нибудь такое, что заставило их не желать дальнейших моих ночевок?), я на дороге сделал, чтоб меня вырвало, однако, не весьма много. Начиная, кажется, с этого дня, снова начались почти как следует excrementa. — Видно, Перро не придет, поэтому принимаюсь за дописывание лекции последней для Срезневского, потому что мне весьма хотелось вчера вечером и ныне хочется отдать ему листки его и именно 25, а не 24, которые теперь написаны, так, чтобы не оставалось уже за мною ничего, кроме самого последнего листка, который нельзя отдавать, потому что не дописан.

(Продолжаю у Фрейтага на 3-й лекции.) 6-го, четверг. — Что делал в этот день? Был у Штейнмана первый раз, потолковал несколько с ним, когда была возможность. Вечером писал несколько для словаря, несколько для Срезневского.

7-го [октября], пятница. — Утром дописал Срезневского лекцию предыдущую, т.-е. 18 листиков, и решился взять в университет, надеясь, однако, что велит отнести домой; однако, ничего, взял. У Устрялова Воронин, когда кончилось, подошел и попросил ехать с ним, — хорошо, а я думал, что расслабляется снова, нет, несколько; и как я глуп с своею мнительностью. Мне только то было несколько нехорошо, что готовили для меня обед, а я не буду, да и то, что Вас. Петр. хотел быть в этот день у меня, а меня не будет. Итак,

отправился с Ворониным в карете, в которой сидел еще тот человек, которого я видел у них, довольно полный, или родственник, или какой-нибудь главный управляющий. Дорогою толковали о банях довольно много. Приехали, пошли в бильярдную дожидаться обеда. Я взял из «Die Gegenwart» das Deutsche Vorparlament и читал. После обеда. Я много ел, напр., котлетки две и большие довольно. После обеда был я в следующей комнате, и как увидел здесь, что гораздо более фамильярности между семейством Ворониных и живущими у них молодыми людьми, то и я стал гораздо свободнее и не так смирен. После этого стали заниматься до чаю. После входит их гувернер и говорит: «Идите пить чай, дрожки готовы». Я пошел. За чаем была мать только, потому что отца и за обедом не было. Да, в прошлый урок, когда мы переводили на латинский, и тут сидел старичок, который вроде надзирателя за маленькими сыновьями и которого прежде не было, — нам попало *invado**, должно было сделать *perfectum***, я сказал *invasi*, он сказал по-французски, я разобрать хорошенько не мог, но кажется: «N'est ce pas, Mr, — *invado*, *invadi*, *invasum*, *invadere*, n'est ce pas, Mr?» Это меня смутило и смешало, что (как мне показалось, однако, я не знаю, так ли) уличает в ошибке, и я сказал: «Да», и сделал форму *invadi*, а между тем, когда после Константин вышел, я-таки посмотрел в словарь у Кошанского, хотя был уверен, что ошибся, сказав раньше *invasi*, и мне представлялось, что этот человек вроде наших прежних знатоков латыни, напр., хоть папенька, который всегда лучше меня знает грамматику, хотя уже 20 лет не занимается ею; посмотрел — о, счастье, *invasi*! — это меня утешило решительно. А в этот урок в пятницу (сейчас Фрейтаг спросил, что я пишу на такой *elegantiore* паруге — я сказал, что такую привычку имею. После, так как Нейлисов не мог перевести, спросил — «*tu potes fortasse adjuvare eum*» — это была VII *elegia* около должно быть 20—25-го стиха, там Тугос что-то, — а у меня не было книги; конечно, я молчал, потому что вместо Тибулла у меня был Овидий; спасибо Залеман сказал скоро, как должно) я должен был сделать, чтоб меня вырвало у них, и в среду, когда мы ехали от них, я сделал, чтоб меня вырвало. Когда напился чаю, поехал домой. Когда всходил на лестницу, попался Ал. Ф., который в то время сходил с лестницы; воротился, посидел с полчаса или несколько менее, после ушел. Я пошел к Доминику, не вытерпел, хотя денег не мог уплатить, потому что только 20 к. сер. было, а-таки хотелось как можно скорее узнать характер «Северного обозрения»¹⁸⁷, чтобы узнать, можно ли отправить туда статью или нет по духу его, т.-е. повесть об этом. Однако, после все-таки или позабыл спросить, или теперь ошибся и пошел так, а не для «Северного обозрения», потому что его не спросил теперь, а в следующий день.

* Нападаю.

** Прошедшее время.

8 [октября], суббота. — На лекциях спросил у Корелкина, будет ли он читать у Никитенки, чтоб знать, нельзя ли прочитать повесть свою. Сказал, что ничего. Итак, я должен приготовиться ко вторнику. Хорошо. Он принес все-таки вместе с тем записки Срезневского для Залемана. Я взял их, обещаясь принести в этот вечер или воскресенье утром. Решился быть у Вас. Петр.

(Писано у Фрейтага 13-го в четверг на лекции.) В субботу 8-го вечером пошел к Вас. Петр. Отнес, кажется, что-то — да, именно листки от Славинского «Débats» с твердой решимостью после быть у Иванова, чтобы прочитать «Северное обозрение», чтоб узнать его дух и то, можно ли будет послать в него свою повесть. Но пришел к Иванову — у него нет «Сев. обозрения». Взял на последние 15 к. сер. все-таки чашку чаю, купивши, чтобы разменять двугривенный, на 5 к. сер. в одной булочной сухариков, так всегда буду делать, чтобы покупать таких сухарей, когда буду в кондитерских, так как весьма хорошо с ними пить. Итак, просидел там недолго и после пошел к Славинскому взять Лоренца Историю, которую просил взять Вас. Петр., и взял действительно. В 9 ч. почти воротился домой, но не утерпел и пошел посмотреть, нет ли «Сев. обозрения» у Доминика — нет. Пришел домой и начал переписывать для Срезневского, потому что хотелось в понедельник принести ему, а пошел к Доминику, потому что взял у Залемана записки Корелкина Срезневского, обещался принести ему в тот же день или утром на другой. Пошедши к Вас. Петр., забыл к своей досаде его, теперь должен буду отнести ему. Вас. Петр. сказал мне, что он с четверга поступает служить в квартал, но говорил, что, во-первых, там настоящий ад — это бы, говорит, еще ничего, но должно будет ему там бывать с 8 до 12 и с 6 до 12, поэтому нельзя заниматься с сыном Орлова, поэтому должно что-нибудь бросить, и поэтому он говорит, что ныне поговорит с Орловым; если тот будет давать по 15 р. сер., он бросит квартал. Когда был в понедельник, сказал, что тот обещался, если будет хороший приход, и что он бросит квартал уже по одному тому, что тот чиновник, который нанимал его от себя, требовал его паспорта.

Итак, вечером я написал два листика Срезневского и лег раздумывать, какую, т.-е. о чем, писать повесть — вывести ли главным лицом Вас. Петр. и его характер и то, как подобным людям тяжело жить на свете, или о том, как вообще тяжела участь женщины, или, наконец, о том, как трудно всякому человеку следовать своим убеждениям в жизни, как тут овладевают им и сомнение в этих убеждениях, и нерешительность, и непоследовательность, и, наконец, эгоизм действует сильнее, чем в случаях, когда он должен отвергать его для общепринятых уже в свете правил и т. д. — Лежал и все думал и, наконец, выбрал последнее, так с тем и уснул. Прежде всего родилось положение мужа к жене, как он не решается быть таким мужем, быть в таких отношениях к жене, как должен по своим убеждениям; также положение отца перед сыном:

а) выбирающим род жизни, б) желающим жениться; и перед дочерью, желающею выйти замуж (а теперь вздумалось еще — желающею быть актрисою, это чудесно — или писательницею). Но это уже весьма поздний период жизни, а раньше должно изобразить важнейшие случаи жизни этого человека, — так как третье по времени — отношение к детям, второе — отношение к жене, первое — отношение к женщинам до женитьбы. И когда встал поутру, с тем, чтобы писать, только стал думать об этом первом периоде, и развилась мысль, что не женился, когда должен был жениться. Второе — из этого старается устроить женитьбу, которую по своему убеждению не должен был устраивать. Второе по времени должно быть раньше и лучше всего относиться к той же женщине. Между отношениями к жене и с детьми войдут какие-нибудь отношения служебные и светские. Так развивалось постепенно. Писал в этот день поэту повесть¹⁶⁸, написал всего 3 первые страницы, кажется, 160 строк; кроме того, писал лекцию Срезневского и дописал почти всю, так что оставалось только один листик дописать, поэтому 24 листика всего или в этот день 4 листика, и прочитал их для поправления. В понедельник пошел снова к Перро, после писал в лекцию, чтоб дописать Срезневскому, и передал ему на четвертой лекции эти листики, всего 25, — это почти $\frac{1}{5}$ доля всего; итак, всего будет около 125.

(Писано у Фрейтага на лекции в понедельник, 17-го.) Вечером в понедельник писал несколько свою повесть, что должно разуметь и о всех следующих днях до воскресенья, когда утром дописал последнее, т.-е. когда дописал в субботу вечером до смерти Владимира Петровича, писал предисловие, которое заняло 80 строк, чего я не ждал.

Во вторник снова писал свою повесть; утром у Никитенки хотел читать; он отклонил, сказавши, что лучше прочитает один в рукописи, если я доставлю (Я доставляю потому, что это более легкий путь, если ему понравится, а если не понравится, то ведь, конечно, он не продержит более недели, и поэтому замедление небольшое будет), поэтому должен был я, чего решительно не думал, говорить снова и сказал о драматической форме, в которой, как стал доказывать, это всегда есть стеснительность. Он говорил, что никогда не замечал, чтобы от нее выходили крайности*, как я говорил, у Шекспира и др., которые владеют ею, напр., ничего подобного нет в «Мафбете». — «Если позволите, я разберу его в следующий раз, теперь не могу, потому что плохо знаю». — «Весьма хорошо». — Итак, должен буду доставать его. Хотел взять из библиотеки Юнгмейстера, но, однако, у него уж не выдают тома; итак, должен доставать в других местах, лучше всего у самого Никитенки. Вечером писал снова несколько свою повесть; характеры постепенно развивались и положения тоже. Жаль, что я не

* Неразборчиво *Ред.*

писал в то время этих записок, как постепенно развивалась повесть эта.

(Да, во вторник купил халат, это должно написать. См. следующую страницу в конце. — Вторник, к концу предыдущей страницы, о халате, который купил 11 октября.) Так как пальто мое почти доносилось, то я стал подумывать, что буду носить после. Все думал о том, что должно купить пальто, но денег, конечно, нет и не будет, — что делать? оно стоит 5 или лучше 10 р. сер. — Вдруг в первых числах октября родилась мысль о халате. Решено, сказал Марье, чтоб позвала татарина с халатами, как увидит; с неделю прошло так; наконец, во вторник пришел татарин. Весьма хорошо, — стал торговать халат, который, главное, решился [купить] потому, что можно — отчасти, во всяком случае, — заплатить за него вместо денег старым платьем, — вынес платье. Я пил чай, читал «Современник» и торговался. Наконец, уступил за двое старых брюк, которые попросил за 1 р. 50 к. сер. обое, и 1 р. 50 к. сер. деньгами, которые взял у Любиньки. Весьма был рад, главное потому, что теперь не нужно так хлопотливо одеваться утром, почти не надевать брюк, да и весьма легок, да и, главное, весьма теплый, так что, напр., теперь 18° в комнате, мне даже несколько жарко, даже и в 17° уже, если угодно, несколько слишком тепло; в 15° кажется только впору. По крайней мере, вчера было 15°, и я ничего не чувствовал, не заметил и потом. Обеспечил себя довольно надолго с этой стороны от расходов (это писано в 40 м. первого ночи, 17 окт.).

Среда, [12 октября]. — Итак, пошел к Перро снова — его не было. Мы говорили с Голубевым, этим чудачком, студентом 3-го курса; после я писал свою повесть до 3-й лекции. Вечером поехал к Ворониным, снова много ел и снова вырвало, и снова воротился к 9 часам. Хорошо. Никитенку не мог догнать, поэтому так и не сказал, что книги нет; в нашей библиотеке нет также. Где взять? Когда ехал с Ворониным, я спросил у него — есть английский, переводов Шекспира нет. Что делать? Приехавши от Ворониных, писал несколько снова.

Четверг, 13-го октября. — Так как у меня был Вас. Петр., то вечером решился быть у него и был, разумеется, на минуту, а в университете спросил, — почти без всякой надежды, что есть, — у Сидонского Шекспира. К счастью, у него есть, и он обещался принести на другой день.

Пятница, 14-го [октября]. — Срезневский был и ничего не сказал, только прочитал по своей книге лекцию. Я спросил книгу, он сказал, что не может дать, потому что по этому экземпляру поправляет свою речь. Итак, я отложил до того времени, когда получу книгу, переписывать лекции. Вечером писал снова свою повесть, кроме нее ничего почти, однако несколько страниц «Макбета» прочитал — особенного ничего нет, не могу понимать красот.

15-го [октября], суббота. — Утром пошел в университет с некоторою надеждою получить деньги пораньше. Ел хлеба с чаем

весьма много, и поэтому отрывка была. Из университета, где Плетнев предложил писать себе на темы — довольно пошлые, но особенного ничего, [на] эти темы я буду писать на две и на одну тотчас по окончании переписки своей повести; это хорошо, что можно будет и с ним сблизиться. Получил деньги, но только 10 р. сер. Итак, если отдать Любиньке, то останется только 4 р. 35 к., поэтому не могу отдать долга за сапоги Фрицу, и тоже не стоит давать 3 р. сер., поэтому лучше всего отдать для поддержания взаимных услуг Ал. Ф., который несколько раз говорил об этом. Из университета поехал к Ворониным, там занялся до обеда, это прекрасно, и после обеда несколько, и в 6 ч. выехал оттуда вместе с Александром, который ехал в театр, и их доктором. Александр дорожю, говоря с доктором обо мне, запнулся, желал назвать меня по имени, потому что мне слышно было, но не помнил, и через это сказал «Чернышевский». Это меня уязвило и то, что довезли только до Полицейского моста, а не до места, но особенного ничего. Напился чаю дома, хоть уже наши напились, и поэтому с досадою пил. Так [как] сделал, чтоб вырвало, ночь спал весьма хорошо. Дописал свою повесть, т.-е. первую часть ее, которая кончается смертью Владимира Петровича. Отдал 10 р. сер. Любиньке.

В воскресенье утром, напившись чаю, пошел к Ал. Фед., чтоб предложить деньги, потому что хотелось разменять и в тот же день отдать Любиньке свой долг, который теперь решился отдавать не весь, а целковый оставить за собою. У Ал. Фед. сдачи не было, поэтому условились, что я принесу завтра. Я надеялся, однако, что 3 р. сер. слишком мало, и поэтому он не возьмет, — а взял, это скверно, — я собственно для того и пошел, чтоб он отказался, и тогда можно будет мне отдать их Вас. Петр., которого ждал в этот день. Оттуда зашел остричься к Victor, у которого скверно то, что вместо 15 к. взяли 20 к. сер., поэтому вперед буду уже у Иванова, оттуда к Вольфу, где с час просидел и почувствовал снова прежнее довольство, сидя и читая газеты. В 11 ч. пришел домой и хорошо сделал, потому что Вас. Петр. дожидался. К Ал. Фед. ходил между прочим и затем, чтобы узнать, нет ли у него знакомых в Палате Государственных Имуществ, чтоб место там канцелярского для Вас. Петр., — нет, сказал. — Итак, когда я воротился, Вас. Петр. уже дожидался меня, просидел до часу; Любинька так была мила, что сделала кофе. После этого я стал писать предисловие, которое начал писать вчера, и когда дописал, то стал поправлять его, чтоб переписывать — весьма медленно, времени несколько нужно на поправку, несколько на то, чтобы писать. Поправил менее 1½ стран. Когда ушли гулять Терсинские, я сказал, что буду обедать один, и тотчас стал, — это мне было лучше, потому что сахару можно было украть, для того, чтобы есть с кашницею. К моему удовольствию, были еще макароны, которых также я поел. На кашницу, которая весьма понравилась с сахаром, — кусок, на макароны также, и как

кончил, ушел к Вольфу почти в три часа; зашел к Иванову в булочную купить сухарей, но когда купил на 5 к. сер., увидел, что позабыл 2 куска сахара, которые приготовил для чаю у Вольфа; воротился за ними. У Вольфа прочитал «Джени Эйр»; «Северного обозрения» и у него нет. Когда вошел, стоял тот мальчик лет 16 или 17, такой неуклюжий, широкоплечий, мужиковатый, с которым мы такие приятели. Я попросил у него чаю, спросил — «Северного обозрения» нет, поэтому попросил «Отеч. записки» — тотчас подал. Я напился чаю с удовольствием, отчасти с их, отчасти с Иванова сухарями и весьма хорошо. Спросил у него, чтоб поддержать приязнь, что его так долго не было видно. Он сказал, что теперь на кухне и здесь только на время, потому что другой мальчик ушел. Когда принесли «Staats-Anzeiger» новый, он сам мне подал его, такой милый; это хорошо, что мы с ним такие друзья; и «Siècle»¹⁶⁹ тоже, когда спросил, есть ли новый, мне подали тотчас, еще не вставленный; весьма хорошо, Просидел там до 6½, после домой, где с комфортом напился чаю. После стал писать повесть, написал 1¾ стран., прочитал с лексиконом 40 стр. «Макбета», и это заняло до часу. Когда стал отдавать Любиньке деньги, она не хотела взять, потому что, говорит, если уж так, то я должна 10 р. сер., взявши раньше. Хорошо, если б не взяла, можно было бы Вас. Петр., — нет, однако, когда утром снова предложил, взяла. Конечно, совестно перед ней, что на их счет живу. Когда стал вынимать деньги, оказалось, что в кондитерской 20 к. сер. потерял, а вчера думал, что 30, это огорчило. Ночью было весьма много excrementa, так что облегчило от них желудок. Вообще день до самого вечера прошел ничего, довольно хорошо.

17-го [октября], понедельник. — Хочу с этого дня каждый вечер снова писать эти записки, а у Фрейтага может быть и не стану уж, потому что лучше слушать его и говорить с ним. Хорошо. Утром дочитал «Макбета» и пошел. Заходил везде, спрашивал в лавках Катулла — нет маленького издания нигде, так [что] должно будет взять в библиотеке; это хорошо, 30 к. сер. останется в кармане, и вознаграждается вчерашняя потеря. Из университета пришел, поел супу и говядины, кроме кашицы, после лег и уснул до 7 слишком час. Днем заходил из университета отдать Ал. Фед., где видел Conseiller du peuple, Lamartine, и может быть завтра пойду к нему. Когда пил чай после этого, скоро пришел Ал. Фед., просидел ½ часа. Итак, я писал только с 9¾ до 12½, написал более двух страниц и дописал как раз до начала мыслей, что «этот человек должен бороться и с самим собою, кроме того, что должен бороться, как мы видим, против общества». Выходит теперь по расчету, что это будет ровно 100 стран. в «Отеч. записках», куда, конечно, я думаю, скорее всего обратится Никитенко, если ему покажется, что можно; если нет — я сам должен буду, так тоже туда и верно лично к Краевскому. Теперь 50 минут 11-го.

(Писано 19-го на второй лекции.) *Вторник, 18 [октября].* — Весьма глупо истратил день. Утром переписывал повесть до 10, конечно, потому, что к Штейнману теперь я хожу, к Грефе нет; впрочем, Грефе был болен и теперь был в первый раз. Из университета когда пришел, поел две котлетки; это было дурно; хотя не вырвало ничем, кроме воды, что я сделал перед чаем в 8 [час.], но все не хорошо, была отрыжка из глубины желудка говядиною. Пошел-таки, как думал, к Ал. Фед. читать *Conseiller du peuple*, хотя совершенно не было любопытно. Выкурил у него две трубки для уничтожения отрыжки и по крайней мере хоть то хорошо, что G. Sand «*La petite Fadette*»¹⁷⁰ позволил взять посмотреть, а после даст «*L'oeil de Bœuf*», хроники XV и XIV Людовика, хоть то хорошо, что буду брать книги. Итак, был у Ал. Фед., после его просил к нам, он и пошел, до 9 просидел, после я спал, потому что отрыжка. Так потерял день совершенно. Весьма досадно теперь.

Среда, 19-го [октября]. — В 6 с небольшим встал, написал 1½ страницы и пошел к Перро, которого не было, поэтому первую лекцию поправлял повесть для переписки, вторую отчасти сидел в библиотеке, а теперь снова буду поправлять. Да, когда шел сюда, т.-е. в университет, думал, что делать с Куторгою. Решился, если не буду писать на медаль, подам ему диссертацию на кандидата — это весьма хорошо, так будет все равно. А писать на медаль уже верно не удастся. Сердце как-то тоскует, тоскует, тоскует.

(Писано в пятницу в 35 м. 10-го утра.) Из университета, где была ужасная тоска оттого, что даром пропускаю время, поехал к Ворониным; у них обедал, как обычно, даже ел сдобный пирог с вареньем и не вырвало, — весьма хорошо, весьма хорошо. Когда воротился от них в 8½, был у нас Ал. Фед., который до половины 10-го почти просидел. Когда он ушел, я лег читать, потому что писать было неудобно, потому что ворчало в животе после обеда у Ворониных, и уснул.

20-го [октября], четверг. — Проснулся в 4 часа и сел писать свою повесть. Писал с небольшими перерывами до часу и написал более 5½ стр., потом вечером еще поболее страницы, так что около 7 в этот день. Поэтому в университете когда был, тягость от сердца отошла более, потому что так идет вперед дело. Когда воротился, думал, если не будет Вас. Петр., идти к нему, но он пришел. Он будет давать три урока в неделю у Залемана по 50 к. сер. Это не слишком хорошо, но все лучше, чем ничего. Принес «*Débats*», который вечером отдал я Ал. Фед. — После Вас. Петр. я большею частью возился с трубкою и «*Débats*» и «*Fadette*», после с чаем (Терсинские уходили в гости), так что до прихода Ал. Фед. в 7 час. написал только немного более страницы. На странице 3800—4000 букв, я пишу ее больше часа. — Он просидел до 9, взял еще рубль сер., который я мог дать, потому что Марья, которой я поручил продать старую одежду, при-

несла мне 1 р. 10 к. сер. за сапоги, да теперь 25 к. сер. за фуражку, 30 к. сер. за бедуин; поэтому на неделю денег достанет. Он говорил ныне принести «Débats». В среду я взял Катутла и т. д., издание в 12° в Роттердаме 1805 г., итак 30 к. сер. осталось в кармане, и кроме этого поставил себя в приятную необходимость возвратить книги, которые давно лежали. Уснул рано.

21 [октября], пятница. — Проснулся в 7 час. и успел написать несколько более 1½ стр., так что теперь написано 15 страниц до места, где говорится: «кроме жалованья, доходов не было у Ясенева, поэтому только концы с концами сходились». Иду в университет; решил это писать дома, а у Фрейтага слушать и записывать. Дурно то, что пропадает урок завтра у Ворониных, но как-то ничего — скорее кончу свою переписку.

(Писано снова в пятницу у Фрейтага 28-го.) В пятницу ничего, в субботу был праздник, поэтому просидел дома, переписывая свою повесть, написал все-таки не так много, как думал.

22-го [октября], суббота. — Утром понес Вас. Петр. газеты, его не застал дома, поэтому пошел домой. Был у Славинского, который именинник, поэтому просил обедать, — я не согласился, поэтому хоть вечером. Я не знал, буду ли. Хорошо, я сказал, что может быть буду. Когда шел домой, у здания, которым кончается улица Б. Конюшенная, — большое, длинное, — встретился Вас. Петр., который был у меня; сказал: «Достаньте фрак, вот чего ради — мне нужно быть у одного человека». Я позвал его к себе, он зашел на минуту и сказал: «Это вот зачем: я был у Шепкина и просился в московский театр, он сказал, что можно, только должен раньше побывать, для того, чтобы справиться об отметке, которую мне поставили здесь, когда я испытывался, у директора». — «Хорошо. Итак, вы едете в Москву?» — «Да, еду». — «Твердо?» — «Твердо, если только получу деньги из общества посещения бедных так, чтоб было на что доехать». — Я обрадовался: итак, я выхожу из своего стеснительного положения, начинаю платить деньги Терсинским, сам пользоваться удовольствиями, которые хочется иметь, изредка и сладким, но нельзя сказать, чтобы не было тягостно несколько за Вас. Петр.: ведь это такой большой риск ехать в Москву: здесь у него все-таки были знакомые, между прочим я, которые его поддерживали, и здесь он все-таки мог надеяться того — другого, а там? Но зато, если поступит, так и будет там жить сколько-нибудь похоже на других, а здесь что за жизнь. Итак, он просидел у меня до часу, после ушел. Я стал писать до обеда, т.-е. с час. Наши ушли, я пообедал один с наслаждением с полчаса и пошел к Вольфу, где просидел около 3 часов, также с удовольствием, и, наконец, пошел к Славинскому. Когда пришел, отца его не было, мы дожидались, после сели играть в карты. Я сначала думал, что проиграю, потому что решительно не умею играть, но уже к концу стал играть, несколько больше понимая, хотя все еще весьма мало, и так как я играл с

осторожностью, то ровно ничего не проиграл, даже еще выиграл один приз и теперь могу всегда садиться с обыкновенными игроками, не боясь много проиграться. Так прошло до 11 [час.]. Когда шел туда, должен был сделать, чтоб вырвало, потому что ел много дома лепешечек из яблок, которые тяжелы. Когда сидел у них, туда пришел Лавровский, стал рассказывать о своем брате, который в Педагогическом институте, что его «Реймское евангелие» Срезневский думает представить к демидовской премии, а представляют к ней около нового года. «Так не поэтому ли говорил и мне он?» подумал я и решился сказать ему об этом прямо. Если так, то я только часть обработаю. В понедельник утром сказал Срезневскому, когда быть, тот сказал — завтра. Вечером писал несколько, был у Ал. Фед., отнес «La petite Fadette», — весьма хорошо, хотя, может быть, другому и покажется, что много идеализма; но какое живое знание движений души, хода развития страстей и склонностей. Вместо этого взял хронику «L'Oeil de Bœuf». Несколько писал вечером, но более спал.

Вторник 24-го [октября]. — Вечером, только пришел из университета, как пришел и Благоветлов, которого я поручил попросить ко мне за запискою ему от Промптова у Славинского брата, академика-медика. — Это писано на 3-й лекции в субботу, когда был в почтамте, после в кондитерской на углу Вознесенского и дожидаясь Воронина. Теперь звонок. — Я пошел к Срезневскому, у него скоро пришел редактор или что-то в этом роде «Библиотеки для чтения»; поэтому я посидел несколько, пока тот [не] ушел. Срезневский свои намерения объяснил несколько не так, как я думал: он хотел действовать через Пушкина, а не через Академию, — это не совсем хорошо для меня, я не люблю Пушкина, и сам Срезневский говорит, что он дурно говорит обо мне, — и вообще менее надежды блестящи, чем я думал. Все-таки он сказал, чтоб я делал все, а не часть. К демидовской премии он не думает, как видно, представлять, но сказал, что в следующем году будет просить меня заниматься с ним за деньги. Я сказал, что денег не нужно, а заниматься и теперь можно, потому что есть время. Конечно, он отклонил это, что, однако, теперь не было ясно высказано ни им, ни тем более мною, чтоб у него в доме, но поручил, когда я сказал, что у меня время свободно, сделать для него разбор 15 грамот Новгородских в Собрании Румянцева, которыми он думает доказать, что решительный перелом между старым и новым периодом русского языка был в XIV веке. С этого дня до 7¼ ч. воскресенья (6 дней) я все время употребил для этого дела, все — итак, о своих занятиях не буду писать, — а читал «L'Oeil de Bœuf»¹⁷¹, после несколько Munk, о котором напишу, и после 10 № «Современника». Когда воротился, Благоветлов еще сидел у нас. Начал делать после его ухода. Да, с понедельника я не стал есть молока. Однако еще рано, поэтому снова начну с вечера, т.-е. с 30 октября.

Среда [25 октября]. — У Ворониных был; воротясь, тотчас же уснул.

Четверг [26 октября]. — Встал в 4 часа, до часу писал, но только приходил Вас. Петр. на несколько времени и взял у меня 50 р. сер., из которых 40 должен себе взять, 10 мне возвратить, чтобы передать Любиньке. Он хочет сделать условие с извозчиками, которые хотели ехать во вторник, между тем подал просьбу и в Общество посещения. Пошел к Куторге, была ужасная погода, его не было. На дороге почти у университета попался Сидонский, который сказал это и пошли вместе мы с ним. Он нанял извозчика и пригласил меня. Как поехали по Гороховой, то остановились у него, я должен был по его просьбе зайти, просидел с час; он предложил «Историю греческой литературы» Мунка и др. книги, я попросил Шлоссера. Вечером спал и писал.

Пятница [27 октября]. — Пришел Вас. Петр.; принес деньги; сказал, что дал задатка извозчику, который едет в среду, и условился с кондуктором тяжелой почты предоставить ему места, если будут, а это случается часто. Почта в пятницу, в среду он скажет ему решительно, можно ехать с ним или нет. За место 5 р. сер., если будет место. — Это мне уже было несколько неприятно, что на неделю отлагается отъезд. После он стал рассказывать о том, что он был у Бельцовых. Она (которую он весьма много хвалил и раньше) вмиг угадала, когда он сказал об отъезде, что нуждается он в деньгах, и сказала, что у нее есть 700 р. сер., которые может дать, если сказать об этом отцу. «Мне не хочется, — сказал Вас. Петр., — потому что он такой благородный человек и ничего не знает о моем положении, а я сделаю так: возьму рублей 25 у нее, что она может дать, не говоря отцу, и брошку она мне хочет подарить на память — можно будет ее заложить — рублей 30 стоит; тогда можно будет выкупить фрак и Гете». Мое этим мнение о Вас. Петр. снова возвысилось, что ему так многим готовы жертвовать. А кроме того, она сказала: «А если нет, я отдам вам фермуар и скажу папеньке, что потеряла». Так вот как! Чем хуже моих поступков! Поэтому я решительно и не такой необыкновенный человек, как мог думать о себе.

Сидонский принес Шлоссера, — старое издание, 1815 г., поэтому почти не годится; это меня теперь разочаровало, а я ждал нового. Тем лучше, однако, — скорее отдам. Так как Срезневский прислал сказать, что его не будет, поэтому мы и не стали дожидаться Устрялова. Я, потому что думал кончить вечером этим или, во всяком случае, к завтра утру для Срезневского и отнести, зашел более чем на час к Вольфу, между тем как в четверг был у Доминика, все даром. После писал вечером, однако, все-таки не успел дописать, весьма много не успел, так что нечего и думать, что завтра утром успею кончить и отнести.

(Это писано до этого времени у Фрейтага, а теперь до Устрялова.)

29-го [октября], суббота. — Получил письмо с деньгами. Кому? Я думал, мне, и решился уже отдать Вас. Петр., но пошел в почтамт, поэтому вместо Неволлина сговорились сойтись в университете с Ворониным. Деньги из Аткарска¹⁷². Оттуда зашел на несколько минут в кондитерскую, которая на углу, ничего не взял, конечно. Оттуда в университет, где несколько минут дожидался Воронина после звонка; после поехали. Вместе с нами сидел доктор их; я хотел говорить о лекарстве против желудка, но не решился. До обеда занимались, после обеда мне думалось, что удастся почитать «Gegenwart», но снова сказал Константин: «Если угодно, мы будем продолжать». — Итак, еще четверти три. После поехали вместе с Ворониным и гувернером, — они в театр. Александр позабыл шпагу, я предложил заехать взять мою, и взял, т.-е. остановились, я сбегал за нею. После сделал, чтоб вырвало, и стал пить чай, решившись уже в пятницу вечером, по предложению Любиньки, снова есть молочное.

30-го [октября], воскресенье. — Уснул в субботу снова весьма рано, зато проснулся в 2¹/₂ ч., сел писать и писал до 10 или 11, когда пришел Вас. Петр., который просидел до двух почти. Особенного ничего нового не было, поэтому сначала скучно было, после разговорились о характерах своих, вообще о людях, о моих планах относительно того, как устроить свою жизнь после университета. Когда ушел, — снова писать. Писал до чаю, после снова, и только через полчаса после чаю, в 7¹/₄, успел кончить, но не успел перечитать, чтоб сверить. Синтаксиса было гораздо больше, чем я думал: вместо двух страниц занял почти 4. Пошел к Срезневскому, у него ничего особенного, только сказал, что я сделал слишком обширно, что ему было бы довольно одной страницей. Я почти тотчас ушел, потому что ему некогда, и пошел к Вольфу, у которого более часа. — Новость: перемена министерства; что-то будет — не знаю. «Siècle» переменил формат и стал совершенно похож на «Presse» или «Constitutionnel». Это мне не нравится, хотя шрифт не такой, как в «Presse», гадкий, а прежний — прекрасный, но мне прежний формат весьма нравился, чего о теперешнем сказать нельзя. Пришел домой и почти тотчас уснул, потому что и так работал 14—15 час. Устрялов пришел.

(Писано у Фрейтага на лекции 4 ноября, в пятницу.)

Понедельник не помню, кажется ничего особенного, даже кажется, почти ничего не писал повести, а когда пришел из университета, спал должно быть и читал «L'Oeil de Boeuf» и «Современник».

Н о я б р ь

1 [ноября], вторник. — Пошел слишком рано, поэтому сидел в библиотеке и перебирал исторический каталог. Подошел Лерх и спросил, что я ищу. Так как был Sismondi под глазами, я спросил его, он принес, и я должен был взять билет, который на сле-

дующий день дал подписать Куторге, и взял IX, X, XI томы Sismondi, Histoire des Français¹⁷³. Отдал Сидонскому его Munk, которого почти не читал. Вечером думал, что будет Вас. Петр. у меня. Несколько времени и был и сказал, что Залеман доставил ему в среду переписку ролей в театр по 15 к. сер., что если так, то можно в день заработать по рублю сер., и если будет постоянная работа, то он останется месяца на два, чтоб собрать рублей 60 сер. Это меня раздосадовало: итак, снова остается поглощать мои деньги, итак, снова остается бог знает при чем, итак, снова остается околачиваться здесь неопределенным образом. И притом он, во-первых, помешал обедать мне, во-вторых, я должен был велеть подать обедать ему. Поэтому я досадовал и, может быть, не хорошо обращался с ним. Он хотел уведомить меня, если что будет, — если поедет, то в среду утром, если поедет в среду, а между тем не был до сих пор. Бог знает, что с ним, верно, все-таки, не уехал. — Вечером несколько писал.

2 [ноября], среда. — Утром писал несколько; вечером не поехал с Ворониным, потому что он сказал, что ему нельзя ехать на дачу, а должен здесь остаться. — А чтоб вас к чорту! — однако не слишком рассердился и если рассердился, то главное потому, что не приготовлено дома молочного, поэтому ел говядину и поэтому вырвало, но не все, а только жареное, поэтому еще довольно порядочный у меня желудок. Писал повесть и дописал до конца 4 листка 3-й тетради. Взял Sismondi; отдал Munk Сидонскому.

3 [ноября], четверг. — Утром писал и написал более 2 листов, вечером также, несколько менее, и как раз кончил третью тетрадь, т.-е. 48-ю страницу. Ждал утром и вечером В. П., — его не было. Мне из 4 р. сер., которые был должен несколько времени тому назад, Ал. Фед. отдал 3 р. сер., и Любинька выпросила из них 2, т.-е. спросила 50 к. сер., но я отдал ей их и просил возвратить мне рубль. Так как ел за обедом много и слишком поджаренные корки кашицы, которая почти каша, то была отрыжка. Приходил вечером Ал. Фед. Заснул, сам не заметил, как это часто теперь случается. Почти дочитал I том «L'Oeil de Boeuf».

4 [ноября], пятница. — Утром встал в 8 с лишком, почитал несколько, написал $\frac{1}{2}$ стр., после пошел к Вольфу, у которого буду на-днях надолго, чтоб читать «Отеч. записки», как они выйдут, и выпью тогда чаю. После пошел к Фрейтагу, когда он только что вошел в аудиторию, верно буду переводить у него — нет, переводит Куторга. Я уже начал было, но Лыткин сказал, что он готовился, и я сказал ему, чтобы он переводил вслух. — Несколько думаю о Вас. Петр., но, однако, мало. Не знаю, лучше ли желать, чтоб он здесь остался или уехал, решительно не знаю. В самом [деле], бог знает, верно ли то, что в театр поступит. Если верно, то, кажется, для него лучше. Но затрудняет суждение здесь то, что, мой эгоизм желает того же, потому что тогда я освобожусь от всякого стеснения.

(Снова пишу у Фрейтага в понедельник, 7 числа.)

В пятницу, дожидаясь В. П., вечером я пошел узнать, уехал он или нет. Когда шел, то думал, что, конечно, мое ожидание, что уехал, не исполнится, а мне, признаться, как-то более хотелось, чтоб уехал. Пошел в 8 час.; когда вошел во двор, у них огонь, поэтому не уехал. Особого впечатления не сделало, потому что ждал этого: если б уезжал, верно раньше пришел бы. Сказал, что то, что доставил ему переписывать для театра Залеман, удержало его отъезд, что если это не удастся, то уедет в следующую пятницу (но скорее останется, как мне кажется). Над. Ег. получила шитье для невесты Славинского, и жена Орлова обещала доставать ей шитье из института, где ее дочери. Это радует В. П., он думает — 6 рублей. Начал толковать об отъезде; я показывал неосновательность его надежд на то, что успеет скопить денег или что может выдержать экзамен на учителя. Я уверял, что время пройдет ужасно много, и он никогда не примется за дело. Что и говорить, что меня побуждал говорить отчасти и эгоизм, т.-е. собственно он делал, что я высказывал мысли свои, иначе, конечно, промолчал бы. После стали говорить об уме, о литературе, мне удалось уговорить его прочитать мне что-нибудь из того, что есть у него написанного. Он стал читать, как он [говорит], писанное в гоголевском роде, как он говорит — вздор и дрянь. Не могу сказать, чтобы в самом деле видно по отрывкам гениальное произведение, потому что начинал читать его только начало, но гораздо лучше и судя по отрывкам того, что печатается, и уже гораздо лучше всего, что было напечатано с самой «Обыкновенной истории»¹⁷⁴ и «Кто виноват?»¹⁷⁵. Я опасался несколько, что он не напишет так, как они — весьма хорошо, если не принимать во внимание Ж. Занда и подобных ему, о достоинстве которых я хорошенько, однако, не могу сам судить, а восхищаюсь, потому что все так делают. Часы мои вечером остановились и не стали идти, поэтому я просидел у В. П. до 10^{1/2}, а то взял бы их с собою, потому что Ив. Гр. откуда-то достал довольно хорошенские, т.-е. лучше моих гораздо, золотые часики, которые подарил Любимке.

Суббота [5-го ноября]. — Утром писал несколько. У Вороних просидел дольше, может быть, чем обыкновенно в этот день, так что воротился в 8, — это потому, что поехал с отцом, который отправился в баню. Я думал, что может быть что-нибудь нужно будет и говорить, но ничего, кроме нескольких общих слов, которые не имели никакого отношения к какому-нибудь делу. Обедать там, как обыкновенно, и так легко было, как никогда, так что хотя дома напился чаю одного с большим количеством хлеба, но ничего.

Воскресенье, 6-го [ноября]. — Решился праздновать. Утром писал и к 11 собрался было идти к Вольфу праздновать, читать новые журналы и посмотреть статью Срезневского в библиотеке, но как я одевался, пришел В. П., которого я ждал или теперь, или к вечеру, просидел почти до двух. Ничего особенного не было. Как ушел, я стал обедать, после обеда пошел к Вольфу, у которого пробыл более 3 часов, до чаю своего, и истратил 33 к. сер. таким об-

разом: когда туда шел, взял у Иванова на 3 к. сер. 10 сухарей, как теперь обыкновенно делаю, и потому что так лучше и у Иванова (в доме, где контора «Отеч. записок») весьма хороши сухари. Пил кофе вместо чаю, потому что так, думал, сытнее и хотел пороскошничать; пил, читал газеты. Когда взял «Отеч. записки» (которые подали весьма вежливо, что меня обрадовало, — значит, я пользуюсь авторитетом), то нечего было с ними есть, потому пошел, оставивши книгу у своего приятеля мальчика, который снова был тут в этот раз, к Иванову купить сухарей — не было. Поэтому должен был что-нибудь другое взять, и я взял два пряника — один шоколадный, другой миндальный, один пирожок в 3 к. и один в 1½ к., пряники по 3 к. сер., и воротился читать «Отеч. записки» и читал «Записки Пикквикского клуба»¹⁷⁶ с пряниками. Весьма был рад, что взял, потому что весьма удобны для медленной еды при чтении, так что я читал с ними все «Записки Пикквикского клуба» более часа.

Понедельник [7-го ноября]. — Писал и более ничего. Особенного, кажется, ровно ничего не было, только письмо получил из дома.

Вторник [8-го ноября]. — Отнес сам письмо. После отнес. В следующие дни особенного ничего не было. (Это продолжаю писать в среду, 16 числа.)

В среду [9-го ноября]. — Вас. Петр. был и оставил записку. Я не был у Ворониных, потому что Александру должно было остаться здесь.

Четверг [10-го ноября] и пятница [11-го ноября]. — Кажется, особенного ничего. Писал свою повесть.

Суббота [12-го ноября]. — Был у Ворониных и получил деньги; из них 7 р. сер. отдал Любиньке.

Воскресенье [13-го ноября]. — Дописывал свою повесть. Дописал и начал перечитывать.

Понедельник [14-го ноября]. — Утром читал повесть, решаюсь в этот день быть с нею у А. А. Краевского, которого адрес накануне узнал в конторе — дом Неслинда против Грязной на Невском. В 11 час., не дочитавши ее, понес. Лакей сказал, что принимает только по воскресеньям. Итак, я отнес Никитенке, у которого просидел несколько минут и не понимал первых знаков его, что пора уходить. Посмотрим, что будет. Вечером начал словарь Ипатьевской летописи снова работать.

Вторник [15-го ноября]. — Утром начал разрезывать свою работу, переменивши идеи — снова буду делать, как делал раньше — словарь без мест, где слова, после вставляю места зараз с обозначением грамматических форм. Когда вставил, ужасно тяготился тем, что эта работа так медленна была. Поэтому пошел к Вас. Петр., оттуда к Иванову, у которого на 25 к. сер. съел пирожков — это глупость, но ничего, потому что с Ивановым поговорил, что будет стоять брать у него после «Siècle»; он говорит — 12 р. с.

Среда [16-го ноября]. — Утром разрезывал для словаря. В 11

[час.] пришел Вас. Петр., в 12 вместе пошли — он к Залеману, я в университет за письмом, оттуда у Елисеева взял фунт пастилы и зашел к Вольфу, где пробыл до 4¼, поэтому более 3 часов, съел 5 пирожков и из купленной пастилы на 15 к. сер., — итак, в эти два дня я проел по 25 к. на пирожки, поэтому 50 к. сер., и на 35 к. купил пастилы — это мотовство, которое лелеется мыслью, что будут деньги за повесть. У Вольфа было «Северное обозрение», которое я поэтому прочитал. Это для меня любопытно. — Выходит, судя по этой книжке (4-я, где Трансильвания), что вздор, хуже «Библиотеки для чтения» этот журнал. После пришел домой, обедал; после почти все спал и пил чай и т. д., так что нынешний день делал дело только 3 или 3½ ч., но с завтра начинаю работать и, чтобы вознаградить свои издержки, в кондитерских не буду до новых журналов, т. е. до 3—4 декабря, если не получу обещания, что моя повесть будет в «Отеч. записках» или «Современнике». Это писал почти в 12 ч. Вчера А. Ф. принес последние два тома «L'Oeil de Boeuf» и я читаю их. Теперь выкурю и ложусь. Желудок в эти дни все лучше, напр., вчера несколько только отрыгалось кислым, и когда стал делать, чтоб вырвало, почти не вырвало, так хорошо варит; а между тем, вчера я, наевшись у Иванюва (2 кусочка ветчины, между прочим), поел дома жаркого и все-таки не вырвало жарким. Завтра схожу, наконец, в баню. Да, вчера написал Саше и Промптову.

(Это писано 29-го во вторник утром.)

Итак, 18-го [ноября], четверг, утром сходил в баню, вечером, как жется писал. В пятницу должно быть тоже. В субботу тоже. Да. В воскресенье тоже. Бывал в кондитерских почти каждый день и разрезывал листики.

Понедельник, 22-го [ноября] — был праздник, поэтому я снова не был в университете. Эту неделю, т. е. с того дня, как отнес я Никитенке повесть, всюду были разведены мосты, поэтому лекций не было, я не ходил в университет, поэтому не взял и письма, и написал домой и пошел во вторник после того за письмом. Там пишет папенька, что пришлют деньги на сюртук со следующей почтой. Это привело меня в сомнение — шить или нет. Решился не шить, а сшить жилет, переменить воротник у шинели, заплатить за сапоги, остальные деньги оставить для взноса в университет. Так и сделал. Нет, это было писано за неделю раньше.

Во вторник получил деньги 70 р. сер. и сделал так: из них прислали 20 р. Любиньке (я перепутал здесь и не могу сказать, когда именно). В этот же день их и отдал. На лекции ждал у Никитенки, что скажет о моей повести, — я этого дня дожидался с нетерпением, — он сказал, что еще почти ничего не читал, потому что неразборчиво писано, и это хорошо: должно будет переписать, следовательно переделать, когда отдавать Краевскому, следовательно тогда выйдет лучше. Во-вторых, — что было бы, если бы я отдал Краевскому переписанное таким образом? Поэтому лучше, что отдал раньше Никитенке, хотя и проведет он времени больше,

чем я думал. Из университета зашел в справочное место, чтобы посмотреть, какие там журналы и стоит ли того, чтобы подписаться (подписаться там по моему расчету выходило дешевле, чем бывать в кондитерских, теперь вижу, что нет почти). Там «Débats», «Siècle», «Presse» — это хорошо, но то дурно, что нет «Немецкой иллюстрации»¹⁷⁷, да и комната как-то тесна, неудобно, так что едва ли возобновлю подписку, однако, посмотрю; это, главное, зависит от того, будут ли все номера попадаться в руки без пропусков, а сначала весьма понравилось и я сказал, что подпишусь завтра.

Среда, 23-го [ноября].—В 10 ч. пошел в это место, подписался. Вечером был у Вас. Петр.

Четверг, 24-го [ноября].—Утром пошел делать одежду себе, зашел прежде всего — нет, так, сначала я одним числом ошибся и поэтому не мог сказать, когда получил деньги — в понедельник 21 числа на этой неделе, а то письмо было получено в среду, т.-е. 16-го. Итак, в среду уже вечером был я в справочном месте, в понедельник 24-го решился подписаться и сделать одежду себе, сначала воротник. Зашел в Гостиный двор — там 7 р. сер. не слишком хороший, 11 р. сер. хороший, — не стоит, поэтому хотел было уже не делать, зашел узнать цену материям для жилета — 2 р. 50 к. просят, поэтому за 2 р. отдадут. Пошел все-таки в толкучку посмотреть воротник и там купил за 2 р. 50 к., это недорого. Воротник, конечно, скверный, но ничего, все-таки ено́т и различия с хорошим не так много в качестве, как в цене. К портному, — за жилет 4, брюки 10, за пришивку воротника 1 р. сер., итого 15 р.; Фрицу 6 (но 1 р. вместо него отдал Ал. Ф., а ему только 5 р., но это, однако, все равно); 2 р. 50 к. за воротник; 1 р. в справочное место на месяц (который считается с этого числа), следовательно, 24 р. 50 к.; поэтому 15 р. сер. оставляю для взноса, а 9 или 8 отдам Любиньке. Это хорошо пока. Вечером пошел к Славинскому узнать, когда именинник Иринарх, верно ли, что непременно 27-го; напротив, вышло по святцам, которые достать стоило ему хлопот, что 28-го, теперь зато уже верно.

25-го [ноября], пятница. — Срезневский болен, поэтому я ушел в справочное место, просидел до двух. Сказали мне, что В. П. был и только что ушел, и хотел быть снова в воскресенье. Я пожалел, что он не застал меня. Послал с Марьей шинель к портному, сам стал разрезывать и читал «L'Oeil de Boeuf».

26 [ноября], суббота. — Все сидел дома и разрезывал. В университет не ходил, потому что шинель у портного; я послал в этот день для того, чтоб не давать денег мальчику, которого хотел прислать он за шинелью в субботу; я, чтобы предупредить, и послал в пятницу. Весьма много разрезал, больше чем предполагал, так что оставалось только 5, кажется, листиков, и думал, что кончу к воскресенью. К 6 часам шинели не дождался; за ней пошла Марья, но не ворочалась все. Я решился идти в хо-

лодной к Ворониным, которые теперь переехали и у которых снова начинаются уроки. Там сказали, что в среду будет еще урок с маленькими братьями; итак, три всего урока в неделю. Оттуда зашел на минуту в справочное место — пропустил один № газет, не бывши утром. Когда пришел домой, сидел Ал. Фед., он взял с собой «L'Oeil de Bœuf», который я дочитал, — там Людовик XVI и Мария Антуанета представляются не такими невинными агнцами, как обыкновенно представляют их, — и выпросил один рубль сер. денег.

Воскресенье, 27 [ноября]. — Утром пришел Фриц, я ему отдал 5 р. сер.; стал разрезывать снова (да, Фриц сделал головки и калоши, — прежние калоши совершенно износились, совершенно, так что нельзя надеть на ногу, — и взял еще сделать головки). В 12 [ч.] пришел Вас. Петр., посидел, для меня довольно приятно. Как он ушел, я стал обедать, и пошел в справочное место, там только до сумерек, поэтому я пошел оттуда к Вольфу, где выпил чаю собственно потому, что был мой приятель мальчик, и [съел] два пряника, поэтому 25 к. сер. истратил. Стал читать процесс Вальдека и был проникнут негодованием некоторым. Когда воротился, у нас сидел Пелопидов, который просидел до 9 час., приходил, чтоб сказать ответ на мою записку, посланную ему со Славинским по просьбе Ал. Фед., какая программа во 2-й разряд ветеринарных наук. Как ушел, я уснул, кажется, или нет — разрезывал несколько, так что оставалось к утру всего только 3½ стран.

Понедельник, 28-го [ноября]. — Решился быть у Иринарха Ивановича давно уж я и теперь хотел сделать это. Поэтому, разрезавши все, пошел в 10 ч. в справочное место, где пробыл с полчаса, и после пошел к нему, оставив университет так. Пришел к нему в половине первого. Я, должно сказать, сам не знал, когда шел, идти или нет, но почти инстинктивно сошел с мостков, пошел не налево, к дверям университета, но вдоль по университетскому зданию. Пришлось искать долго квартиры, наконец, нашел, постучавшись раньше напрасно в двое дверей. Вошел и в коридоре, когда мимо меня прошла его жена с тарелкою, — они сидели за блинами, а я скидал калоши, задел ее шляпою, т.-е., как обыкновенно, сделал неловкость. — Теперь пишу письмо домой, а это допишу после. Теперь 20 м. 9-го утра, по моим часам, начинает светать. — Продолжаю через полчаса. Вхожу я — он сидит за Краузольдом и тем офицером, которого я помню, за блинами. — «Если я не ошибаюсь, вы ныне именинник, Иринарх Иванович, узнаете ли вы меня?» — «Узнаете, вы говорите!.. Да, но я сам сейчас только вспомнил, что в самом деле я ныне именинник; а теперь мы [за] икру, потому что я кончил свою работу — перевод для следующей книжки «Пикквикского клуба». Весьма рад», — сказал он. — «Что вы перестали бывать у нас?» — «Я сам не знаю». — Итак, я должен был просидеть за блинами, а после подали кофе; я было собирался уйти, но он сказал, что ему

нужно ехать, и поэтому я увидел, что уже должно всем, вместе поэтому вышли. Я присидел у него около часу, и когда пришел в университет, было уже несколько поздно к Устрялову, — мне почти и хотелось этого. Когда я входил в комнату перед дежурною, чтобы сверить часы, шел попечитель в аудитории. Он позвал меня и спросил: «Вы были у Срезневского, г. Чернышевский?» Я сказал что не был; сказал, что он болен серьезно; чем теперь сказал болен, чем был раньше, решительно свободно, насколько не смешавшись и не покраснев, как того ждал. Итак, попечитель решительно не имеет предубеждения против меня, и я могу надеяться служить у него в ведомстве. Не пошел, конечно, к Устрялову — главное потому, что не хотелось, а домой, где ждал Вас. Петр-ча; нет, — поэтому я к Ал. Фед. пошел сказать ему, что сказал Пелопидов. Он достал мне от Поля «Mlle Maurin» Теофиля Готье. Я стал, когда пришел домой, читать ее и почти все время спал, — и перед чаем, и после.

Вторник, 29-го [ноября]. — Проснулся весьма рано, в половине 6-го, и огня не мог достать и поэтому лежал и думал, большею частью о том, как переделывать свою повесть, выдумал одну сцену. Я думал о том, что должно вставить 2—3 сцены, 2—3 случая перед рассказом Ан. Константиновича, случаи, в которых выставлялось бы решительное отсутствие эгоизма и решительно верное следование своим убеждениям. После достал огню и стал писать это письмо. Что-то скажет Никитенко ныне? Или снова ничего? Я иду без большого ожидания что-нибудь услышать от него; скорее, что ничего не скажет, а в прошлый раз ждал, что скажет непременно. Но в этот раз может быть уже и скажет что-нибудь.

Да, когда мы стали собираться уходить, Ир. Ив. пригласил, конечно, меня бывать у них по средам, и когда вышли вместе и шли несколько шагов, пока они с женою наняли извозчика, он также сказал это, и когда сели на извозчика, снова сказал, и она тоже сказала. Итак, я могу с спокойным сердцем бывать у них, потому что приглашение было искреннее. Теперь подан чай. В 10 ч., т.-е. как dokonчу письмо, иду в справочное место, оттуда в университет. Вечером должен бы быть Вас. Петр., поэтому не пойду к портному (он, разумеется, Я. Шмит, живущий на Гороховой у Каменного моста), а пойду к нему завтра утром.

Д е к а б р ь

(Писано 15 декабря, в 12-м часу вечера.) 1-го—5-го. Ничего особенного не могу сказать про эти дни; все приводил в алфавитный порядок свой словарь и кончил разрезку, так что с 7-го (кажется, что с 7-го) начал приводить в алфавитный порядок слова. Портной принес жилет и брюки. В первый раз в жилете я был в четверг, т.-е. 2-го или 3 декабря, в университете. Бывал в справочном месте почти каждый день; читал Сисмонди IX—XI томы.

6 декабря. — День моих именин. Утром был Ал. Фед. на несколько времени, после не приходил. Накануне был Вас. Петр., ему сказала Любинька, что я именинник, и просил его Ив. Гр. обедать. Мне это не совсем хотелось, знаете, из-за того, чтобы не связываться с ними, и я ничего не сказал, но так как Над. Ег. на весь день уходила к своим, то он решился обедать у нас и просидел с 11 до 5. После обеда, чтоб не скучал, я стал говорить ему о своей повести и рассказывать несколько; а более я это делал для того, чтобы заставить его, когда я у него буду, показать мне то, что он пишет. Вечером читал и спал. За обедом был гусь, и я ел все, однако меня не вырвало.

7-го [декабря]. — Хотел быть у Иринарха Ивановича. В этот день был второй урок у Ворониных у маленьких детей, и я просидел до того, что позвали завтракать, и я, должно быть, поел довольно много и тоже дома. Просил их, нельзя ли начать урок в 5½ вместо 6 в этот день, чтоб пораньше быть у Ир. Ив., но им было нельзя, потому что обед у них будет с гостями. Это для меня ничего. Когда пошел к ним вечером, то меня тошнило, и я у их входа сделал, чтобы несколько вырвало.

8-го [декабря], четверг. — Утро пробыл в справочном месте. Вечером, кажется, был В. П.

9-го [декабря], пятница. — Срезневский, наконец, выздоровел. Фрейтага еще не было, поэтому я был в справочном месте.

10-го [декабря]. — От Ворониных, чтоб не пить дома чаю одному, пошел к Ал. Фед., у которого посидел до 12 ч., взял у Поля Béranger две части, изд. Perrotin, Paris 1843. Первую часть начал читать утром и в эту ночь.

11-го декабря, воскресенье. — Утром был Вас. Петр. и взял первую часть Béranger; я стал читать вторую. Он также сказал, что ему нужно 7 р. сер. У меня как раз оставалось 11 р. сер., когда я отдал 3 р. сер. А. Ф., но я из этих 11—3 р. должен был Любиньке, потому что мне принесли сапоги (головки наделали) от Фрица и попросили денег, а я ему должен был 1 р. сер. Итак, я дал Вас. Петр. 10 р. сер., прося его принести 2 или 3 (он во вторник принес 3), чтоб отдать Любиньке, я и отдал в среду утром.

12 декабря, понедельник. — Наконец, Фрейтаг, у которого не было 4 лекции (болел что-то язык), пришел. Была моя очередь, я дал ему выписку из прибавления к физиологии Вагнера и лекцию эту просидел у него с довольным духом.

13-го [декабря], вторник. — Я думал в среду читать что-нибудь у Плетнева, поэтому писал на вторую его тему (раньше писал на первую несколько), должен был также в этот день читать у Никитенки и написал о том, какие книги должно давать читать детям¹⁷⁸, но до этого вопроса не доходил, а раньше должно было решить, что всякие почти можно давать и вообще ни в каких нельзя им отказывать. Никитенко был недоволен парадоксальностью этой темы и спорил сильно, весьма был недоволен, это было ясно, отчего я был в дурном расположении духа, особенно когда

после лекции и Корелкин, и Соколов сказали, что он рассердился. Вечером был около полутора часов Вас. Петр. и принес «Современник» 12 №.

14-го [декабря], среда. — Во вторник Корелкин сказал, что будет у Плетнева читать он; это мне было весьма на руку, потому что таким образом он являлся выскочкою перед товарищами, а не я, и это мне было весьма приятно, поэтому я и не писал. Но о среде напишу уж завтра утром. Я докончил букву Б. Весьма много времени отнимает это приведение в алфавитный порядок. Да, в субботу после своих именин я получил из дому 10 р. сер., из которых 9 отдал Любиньке. Итак, в этот месяц я отдал ей 17 р. сер., это хорошо во всяком случае.

(Это писано 26 декабря, в 12 ч. 15 м. ночи.) 14-го [декабря], среда. — Был у Ворониных утром и вечером и оттуда вечером отправился к Ир. Ив. Туда ехал, заплатив 10 к. сер., от угла почтамта, — так дешево, как не думал. Оттуда шел пешком мимо университета и ряда лавок и несколько, хотя весьма мало и только воображением, а не сердцем, трусил. Все-таки не пошел через Неву, к Дворцу, а пошел к Адмиралтейству, — побоялся там идти, потому что еще не было дороги проезжей, и весьма мало народу ходило. У Ир. Ив. просидел до 11 ч., как и трое других, между которыми был тот офицер и Краузольд. Толковали более о средствах или собственно о желании приобрести деньги, и я не участвовал в разговоре; после о Финляндии — это после, когда сидели у него в кабинете, а раньше, когда сидели за чайным столиком, тут было еще двое — один, я думаю, Дерикер, а другого зовут Николаем Гавриловичем, как меня, и весьма должно быть туп и глуп — должно быть учитель в корпусах. Тут разговор шел отчасти о школьниках, отчасти о Краевском, отчасти о возможности переводить Гегеля. Ир. Ив. сказал, что весьма можно, — я согласился с ним в душе. В этих разговорах я также не участвовал. Оттуда зашел к Вольфу, у которого и забыл шпагу.

15-го [декабря], четверг. — Утром перед лекциями к Никитенке, раньше зашел к Вольфу за шпагою. У Никитенки взял свою рукопись, с тем, чтоб переписать ее и переправить. Переписать должно потому, что Никитенко говорит, что весьма неразборчиво; поэтому, может быть, по этому уж одному не захочет Краевский ломать глаз и головы и не поместит. Лекций не было.

16-го [декабря], 17-го и т. д. — до субботы, кажется, ничего особенного. В субботу урока не было, потому что ученик болен. Я этому был отчасти рад, потому что мне хотелось в этот вечер не помню что-то сделать. В эти дни начал переписывать свою повесть, переписавши сначала сцены, как познакомился рассказчик с Серебряковым. Мне кажется, они нужны, чтоб с первого раза не утомлять разглагольствованиями и описаниями, чтоб, хоть сначала было несколько живого действия, которого дальше весьма

мало, и потом чтобы высказать несколько характер Андрея Константиновича в его высоких правилах, чтоб не сказали, прочитавши: «да это в самом деле негодяй, каким и представляет он себя в своем рассказе».

18 [декабря], воскресенье. — Был Вас. Петр. и читал то, что я успел переписать из повести, более ничего не помню, — или нет, еще не читал, кажется. Нет, читал.

19-го [декабря], понедельник. — Уговорились не быть на лекциях, и я пошел к Вас. Петр. сказать, что Béranger спрашивают и что понадобится и Лоренц на этой неделе. У Фрейтага все-таки был. Весьма много времени все дни проводил в справочном месте, весьма много.

20-го [декабря], вторник. — Снова был Вас. Петр., снова читал мою повесть, которой я до среды переписал половину описания характера Андр. Конст.; кончил тем, как оправдывается он, что продал дом и положил деньги в ломбард.

21-го [декабря], в среду, пошел к Корелкину за лекциями. Оттуда вздумал пойти (бывши и у Ворониных) к Срезневскому, чтоб спросить тексты, нужные для составления его лекций, и главное, надеясь, что он скажет, что тех лекций, которые есть напечатанные, не нужно. Он сказал, чтоб я постарался отделать букву Д из своего словаря, чтоб представить ее на образец в Академию наук вместе с Корелкиным отрывком (также буква Д). Он сказал при этом, что надеется, что у меня более будет аккуратности. Снова повторил, что попечитель странно на меня смотрит, и сказал, чтобы я приходил заниматься к нему, когда понадобится. Я вечером был у Ворониных, конечно, снова.

Четверг, 22-го [декабря]. — Сверял свои лекции с Корелкиными и нашел, что у него на этот раз составлено лучше, чем записано у меня, чего до сих пор не было. Вечером должно было спать.

23-го [декабря], пятница. — Утром понес его тетрадь Срезневскому, его не застал дома; то же и Корелкин, который тоже отнес.

24 [декабря]. — Был Вас. Петр., который говорил о том, что Залеман требует Гете, а Гете уже продан тем, у кого был заложен, и что поэтому он может раззнакомиться с Залеманом, но им отошлет с запискою Гете другого — маленькое издание, которое подарили ему Бельцовы. Эта Бельцова должно быть порядочная девушка и должно быть умная; мне бы хотелось познакомиться с нею, если бы я был в состоянии держать себя в обществе, как должно, а то ни говорить по-французски, ни танцевать, да и, главное, слишком неуклюж, семинарист в полной форме. Вечером был-таки Залеман у меня, потому что Вас. Петр. сказал ему, что Гете у меня.

22-го Вас. Петр., когда был, сказал, что повезли тех, которые сидели в крепости¹⁷⁹, с эскортом на Семеновский плац, говорят, на смертную казнь. Мы не поверили, а думали в ссылку.

Ив. Гр. когда пришел из Сената, сказал, как было дело, поэтому я на другой день этого был у Вольфа, чтобы прочитать газеты об этом: за Ханькова хлопотали, потому что «по уважению и т. д.». В это утро я был сильно доволен занят этим вопросом и в субботу тоже, и в воскресенье, т.-е. вчера, тоже, а ныне, в понедельник, украл у Вольфа листок «Полицейской газеты», где перепечатано это из «С.-П.-Б. ведомостей».

В субботу я старался уговорить Вас. Петр., что это дело с За-леманом о Гете пустое, поэтому пускался в различные разговоры об этом и о написанном и т. д., поэтому было утро для меня интересно. В этот день и в предыдущий, и не в четверг вечером, а может быть только с пятницы вечера я разбирал; так, только с пятницы вечера — я разбирал и переписывал в алфавитном порядке Д в те $1\frac{1}{2}$ суток, т.-е. четверг и пятницу до вечера, я разбирал Д от Е, Ж, З, с которыми она у меня вместе в одной коробке, и вместе разбирал ее на место кучкой, чтоб облегчить приведение в алфавитный порядок. — Так как наелся постного, весьма нехорошего для желудка, то должен был сделать, чтоб вырвало; тоже и 25-го и ныне тоже, поэтому с завтра снова ем молоко, а то или гадкая пища, или, если довольно порядочная, обедаю. Вообще желудок не совершенно поправился, даже весьма не поправился, а между тем я в лице ужасно потолстел, оттого, что ем пропасть, что именно и мешает желудку поправиться.

В воскресенье утром принес объявление (25)¹⁸⁰ сторож из университета, я дал ему 20 к. сер. У обедни не был, а все писал и в этот день к обеду хотел дописать слова Д. До обеда написал все почти; разобрано было уже все, будет нужно только переписывать; оставил $1\frac{1}{2}$ кучки (д ъ, д ю, и $\frac{1}{2}$ кучки д с, д я (д ъ я). Когда сели обедать, еще не кончили, когда пришел Ив. Вас., с которым просидел довольно приятно. Я ел так много, что должен был сделать, чтоб вырвало. После дописал словарь и уснул. Теперь начал выписывать места, в которых слова, читая и подчеркивая их в книге. Кончил переписку в 6 ч. и просидел до часу, кажется; успел прочитать около 800 строк, кажется 22 страницы.

Ныне, 26-го, как напился чаю, в почтамт (встал поздно); оттуда (мне только 25 р. и говорят: «скюртук, как хочешь». Это меня облегчает, а то я думал об этом. Но сколько заботы, что у папеньки болны глаза — боже мой!) — оттуда к Срезневскому, отчасти для визита, отчасти чтоб успокоиться, что могу оставить у себя его корректурные листки. Да, вечером, до чаю, после того как кончил вчера переписывать, т.-е. с 6 до 8 вечера, играли в преферанс.

Когда пришел домой, было $11\frac{1}{4}$. Я ел и делал дело до обеда, после снова читал Ипатьевскую летопись, отмечая места до $4\frac{3}{4}$; после пошел к Вольфу, собственно чтоб разменять деньги, чтоб отдать сколько можно Любиньке ныне же. Когда пришел оттуда, — читать теперь газеты решительно не стоит, — был чай. Тут я раз-

бил блюдечко, потому что положил «Полицейскую газету» на окно за столом: перед столом стоял стул, я поставил на него стакан, выпивши; Ив. Гр., подошедши за нюхательным табаком, увидел газету и спросил; я хотел (лежа сам на диване) отодвинуть стул, чтоб он мог подойти и взять газету, и стакан полетел. После нескольких уснул. После этого снова делал дело и дописал до смерти Юрия Долгорукого. Когда Любиньке стал отдавать деньги (15 р. сер.), не взяла; я положил их в ее ящик, когда они ушли гулять. Когда пришла, она снова стала отдавать и насилу оставила у себя, — хорошая женщина, жаль только, что позволяет себе такие маниловские пошлости (любезности и пр.) с Ив. Гр., жаль, что так неприятно действует на мое эстетическое чувство; она стоила бы лучшего чувства, чем какое я питаю к ней, потому что у нее в самом деле благородное и деликатное сердце; т.-е. я не хочу этим сказать бог знает чего, однако она весьма деликатна и способна понимать, что вам нравится, что нет, как нельзя более, — напр., как всегда она не ходит через мою комнату и не ходит в нее, что не всегда кажется нужным Ив. Гр. Ну, теперь 10 м. 2-го ночи, ложусь, выкурив трубку (Ив. Гр. теперь не курит табак).

26-го [декабря], понедельник. — Особенного, кажется, ничего не делал, а весь день занимался отметкою мест.

27-го [декабря], вторник. — Утром был Залеман и сказал, что у них не был Вас. Петр., что может быть он и не хочет бывать у них после того, как, может быть, потерял Гете, что это пустяки. Говорил весьма хорошо, как я говорил бы на его месте, и поручил мне сказать это Вас. Петр. Я пошел к нему, зашедши раньше к Славинскому взять книгу для Вас. Петр. Оттуда снова работать.

28-го [декабря], в среду снова работал (прерываю затем, чтобы сходить прогнать и прибить кошку, которая мяучит, и так прибил — так заканчиваю я новый год воинственными подвигами; но ведь и жаль бедной кошки, она мяучит, конечно, не от удовольствия, а ее за это же еще бьют; снова начала мяукать). Вечером был у Ир. Ив. Введенского. Разговор был о заговорщиках. Когда я вошел, было уже человека 4 или 5, между прочим, Билярский и другой, как я после узнал — Чумиков. Я сказал с ними по несколько слов после. Чумиков умнее всех остальных говорил о заговорщиках и решительно отвергал все планы, которые приписываются им. Не Ханыков, а Пальм закричал: «Да здравствует царь», — это меня порадовало. О них говорили так, что думают, что они не получат прощения, а докончат свой срок; о возможности восстания, которое бы освободило их, и не думают¹⁸¹. После говорили и о социализме и т. д. Чумиков решительный приверженец новых учений, и это меня радует, что есть такие люди и более, чем можно предполагать. Иринарх Ив. говорил в духе, напр., «Siècle» или чего-нибудь в этом роде, или, пожалуй в духе Lamennais, что это деспотизм и что права на вознаграждение за

умственный и телесный труд не равны. Разговор не был слишком одушевленный.

Чумиков и Билярский и я вышли вместе. Мы с Чумиковым поехали вместе за двугривенный. Когда слезли, я дал ему 10 к. сер. Он просил меня найти ему переписчика; я думал при этом о Вас. Петр., хотя знал, что он не годится, но если бы он взялся, то я стал бы сам переписывать, бросая переписанное им.

29-го [декабря], четверг. — Пошел в час к Вас. Петр., чтобы сказать об этом, после пошел купить магнезии $\frac{1}{4}$ фунта во второй лавке от Невского — в первой мне стали давать маленький кусочек и я, сказавши «как вам не совестно», взял деньги назад и пошел. — Вот уже и новый год начался, теперь 2—3 минуты по моим часам. — Заходил в Пассаж, где сделал дурно, что съел говядины кусочек. Вечером был Ал. Фед.

В пятницу к 6 ч. окончил я отметку мест и стал приниматься за значение. Утром был доктор и сказал, что нужно переменить квартиру — Любинька сделалась снова больна ногою. На этот раз мне ее несколько жаль, т.-е. в сердце чувствую симпатию, хотя, правда, весьма слабую. Утром ходил поэтому я смотреть квартиры. Ив. Гр., конечно, этим не воспользовался. Пришел в 3, он также смотрел квартиры. Неизвестно, сходим мы или нет. Я ходил после обеда к доктору справиться о том, как употреблять данное из аптеки. Вечером писал.

В субботу утром пошел к Срезневскому и Корелкину, к первому за словарем и Карамзиным, ко второму отнести речь Срезневского, чтобы сделать ему одолжение, но собственно, чтобы спросить, нет ли писца, и взять Карамзина. (Вас. Петр. отказался переписывать, потому что я сказал несколько слов только, но высказал, что необходима четкая рука.) Карамзина не спрашивал, писца не знает, поэтому я пошел к Соколову, на которого более и надеялся. У него есть такой писец, и я оставил ему адрес Чумикова. Оттуда в университет, получил письмо от своих — дай бог им всякого благополучия. После стал переписывать места, в которых есть да союз. Это заняло около 5 час., две страницы ровно вышло. После стал разбирать значение. Что-то не клеится.

Итак, эта тетрадь кончена.

Да, шел к Срезневскому, встретил его на дороге, он обещал словари, — я пойду на другой день нового года, и сказал он, что обо мне читано торжественно, — мне показалось, что он сказал в Академии на акте. Соколов, у которого я был и который меня как-то затронул своим скромным трудолюбием, тем, что в поте лица достает себе хлеб, Соколов сказал, что это было в университетском Совете.

Ложусь. Эта тетрадь кончена и начинается другая. — О, если бы в ней мог я написать вещи положительные и приятные для своих и если бы записал перемену к лучшему в судьбе Василия Петровича;

1850 ГОД

Январь

(Писано 13-го у Фрейтага на лекции.)

1-ое число было воскресенье. Я проснулся рано и весь этот день писал словарь, — кажется, слово да все отделивал; весьма хорошо занимался в этот день, так что, я думаю, часов 11 или во всяком случае 10.

Зато на другой день — 2-го, понедельник, — почти все спал или не помню, что делал, кажется был у Вольфа; был, кажется, и Вас. Петр., во всяком случае, не более часа или двух. Да, вот что я делал: пошел к Срезневскому, чтоб поздравить с новым годом, но пришел, когда он еще спал, и пошел к Доминику.

3 [января], вторник. — Тоже не слишком много. Был Вас. Петрович.

4 [января], среда. — Был уже у Ворониных. Что-то будет, думал я, в новый год с их уроками? Они сказали, что так как Константин чувствует себя вечером слишком утомленным, то лучше заниматься поутру, и с ним раньше, а потом давать урок маленьким детям. Это для меня было весьма приятно, как нельзя приятнее, конечно. Я этим был весьма доволен. Вечером отправился к Иринарху Ивановичу. У него не было ничего особенного; пришел, когда уже пили чай. Вообще не слишком был доволен, что было у него — лучше бы в следующий раз быть мне у него вместо этого, потому что не было занимательно и рано разошлись. Тут за чаем рассказывали анекдоты о мошенниках.

5 [января], четверг. — Тоже занимался писанием словаря, весьма медленно, гораздо медленнее, чем я предполагал. Я уже отчаялся кончить это к 10-му или 12-му числу, даже к 15-му, и мне стало тяжело это, тем более, что неудачно — много ошибок и многого не умею разрешить.

6 [января], пятница. — Был у Вольфа, кажется, а если и не был, то не слишком много занимался.

7 [января], суб. — Снова был у Ворониных и мне дали книжку переводить с Константином, текст латинский и немецкий евангелия от Иоанна; это хорошо переводить; и сказали, чтоб учить по-латыни маленьких — хорошо. С нового года я постоянно у них завтракаю.

8 [января], воскр. — Писал снова словарь, был у Вольфа, читал «Библиотеку» несколько. Много я с этого дня до вчера тратил денег у Вольфа.

9 [января], понед. — Снова писал словарь. Словари у Срезневского, за которыми, собственно, ходил 2-го уже, решил не брать, потому что не так нужно, как раньше казалось. Был у Славинского в воскресенье, чтобы справиться у него о записках Лоренца, которые просил достать Ал. Фед.

10 [января], вторн. — Писал письмо, конечно. Пришел — нет,

не приходил Вас. Петр., нет, не приходил. Поэтому уж давно мы с ним не виделись.

11 [января]. — Был, конечно, у Ворониных, после у Вольфа, зашедши раньше остричься к Виллиаму, где, как после увидел, остригли весьма мерзко и кроме этого вдруг у меня оказалось, что не взял 1 р. с собою, а только 15 к. сер., как думал, что стоит одна стрижка, поэтому извинили меня, сказали весьма деликатно, что это ничего. Оттуда купил ручку к перу за 15 к. сер.; потому что перья слишком узки, так что шатаются в гусином пере, в которое я до этого времени их вставлял, и ручка в самом деле как-то лучше. После был у Вольфа, воротился более чем в 4, к 5-ти почти только пообедал и лег отдыхать и несколько вздремнул. И когда лежал, думал о своем словаре, как он гадок и как долго делается, — и вздумал бросить его; если Срезневский не спросит, до окончания курса не скажу ничего, если спросит, — скажу, что чувствую, что это труднее, чем я думал. Собственно, это так я решился не потому, что слишком дурно, а потому, что слишком медленно, слишком медленно делается: если продолжить это, то обработка Д займет весь январь, а тут еще три работы до экзаменов — 1) Срезневского лекции, 2) повесть переписать для Краевского, 3) диссертация. Итак, не успею уже заняться Д и вообще словарем. Однако, я надеюсь, что Срезневский спросит; я скажу, что бросил. «Почему?» — «Не могу теперь порядочно сделать». — «А все-таки, — спросит он, — что-нибудь сделано?» — «Начал», — скажу. «Покажите», — скажет. Покажу — он расхвалит и скажет, что это гораздо лучше, чем можно было предполагать и ожидать не от меня только, а и от настоящего ученого, и не потребует более, а представлю одну эту тетрадь, которая готова, — так я избавляюсь от работы и, однако, все равно достигну своей цели, если будет можно ее достичь окончанием работы, и кроме того, приобрету еще репутацию скромника. Конечно, едва ли этот расчет удастся, вероятно, нет, но я стал мало думать о словаре, потому что, как вижу, слишком много работы потребует. Итак, пусть лучше пропадает то, что до сих пор сделал. Поэтому принялся снова переписывать повесть и написал несколько страниц.

(Писано снова у Фрейтага в понедельник [16-го].)

12 [января]. — Писал утром повесть. Пошел в университет, у Куторги был и услышал, что Корелкин болен какой-то внутренней болезнью. Мне нужно было взять у него речь Срезневского, чтобы начать писать, поэтому пошел к ним не обедавши. Просидел до 5^{1/2}, съел у них кусок чего-то и весьма хорошо было, что не обедал как следует. Пришел оттуда и несколько писал для Срезневского.

13 [января], пятн. — Утром писал несколько для Срезневского. Пошел к Фрейтагу, там посидел и писал *, а после вдруг вздумал

* Неразборчиво. Ред.

возмутить студентов, чтобы ушли от Срезневского. Я высказал потому, что думал, что мою мысль не примут, но после некоторого сопротивления приняли и мне поручили сказать Срезневскому, что только 2—3 [студента налицо], потому что остальные ушли, вероятно, на похороны к Кочубею. Я пошел и сказал. Он сказал: «Как же это жаль, у нас и так, должно быть, не останется времени, чтобы дочитать, и придется, верно, взять дополнительные часы. Да я с вами хотел говорить, г. Чернышевский: Корелкин получил возможность купить рублей на 40 книг — это так: я сказал Уварову молодому и Жемчужникову о нем, и они подарили ему эту сумму для книг. Я говорил им и о вас, но предупредил, что вы можете оскорбиться этим, так должно с вами раньше поговорить». Я сказал: «Если так, то в самом деле позволяйте вас просить, Измаил Иванович, не делать этого». — «Напротив, по моему мнению, это не имеет ничего оскорбительного или обязательного для вас; напротив, должно стараться о том, чтобы это вошло в обычай», — и сказал еще несколько фраз в этом роде, так, чтобы убедить меня, и я согласился. Но как же мне было совестно после этого! Он так заботится обо мне, а я сыграл перед ним такую мерзкую штуку! Ужасно совестно! А все-таки мало-по-малу ушли один по одному мы из университета и дорогого условились, т. е. снова я проповедывал, чтобы не быть завтра у Никитенки. Я знал, что этого не сделают — пойдут, но мне нужно было быть у Ворониных, поэтому-то я так уговаривал других и сказал, прощаясь: «Ну, уж я не буду».

14 [января в] субботу поэтому я думал: быть мне у Никитенки или нет? Думал зайти к Ворониным сказать и просить, нельзя ли переменить часы; если можно, то идти к Никитенке. Поэтому взял чернила и т. д., но когда вышел, вздумал, что ведь это будет противно тому, что я говорил вчера, поэтому нехорошо не выдержать своего решения перед студентами и решился не подать повода сказать: «Вот сам говорил, а между тем пришел», поэтому решился не идти. Там тот гувернер (не знаю, как его зовут) сам сказал мне: «Может быть, вам неудобно переменить часы?» Я сказал: «Весьма удобно; если можно в 12 вместо 10 в субботу, а в среду можно как раньше». — «Очень хорошо». Да, в пятницу от Корелкина зашел к Вольфу и там снова ел много, так что пропасть денег вышло у меня в эти дни к Вольфу, и решился до конца месяца, до новых журналов не быть у него, хотя не думаю, чтобы выдержал это решение, потому что на другой же день был у Доминика, хотя не истратил денег.

15 [января], воскр. — Все утро и весь день писал Срезневскому, как и в предыдущие дни. С четверга вечера написал 14 листов, т. е. 46—75 страницы его речи отдельного издания, и решился вечером отнести к нему, чтобы поговорить о деньгах, и если что замечу, сказать самому первым, что после пришли к нему в пятницу, были после студенты, чтоб избавиться с этой стороны от всякой опасности. Пошел, застал дома. Взял прежние 25 листов, которые

писал на почтовой бумаге (это, на которой писан этот дневник), чтобы переписать для однообразия на такой же бумаге, как те. Он сказал, что для чего тратить так много времени, — я сказал.

Nos in tumulto hiems arida aestatis ossa consumit (fornax)*, — это предложил Фрейтаг в начале [лекции] 20-го, я разгадал.

(Снова писано у Фрейтага 20-го числа в пятницу, продолжаю.)

Итак... я был у Срезневского... «Так что, — говорю я, — ведь это от меня, а не от вас». Только он: «Так позвольте», сказал он, вынул с этажерки свою книжку «Мысли об истории русского языка»¹⁸² и дал мне. Я развернул и сказал: «Это то же издание, которое теперь у меня ваше лежит. Ведь тут есть опечатки». — «Как же, и весьма глупые». — «Что же вы не давали еще кому-нибудь читать корректуру? Все лучше двое глаз вместо одних». — «Но ведь каждому свое время нужно». — «Помилуйте, разве не все равно пропадает. Конечно, другое дело, если какая-нибудь чешская и т. п., чего не знаешь». — «Да вот у меня лежит чешская корректура». — «Что ж, и чешскую, если есть текст, позвольте попробовать». — «Да мне совестно отнимать у вас столько времени; я не понимаю, что вам за охота столько употреблять для меня времени». — «Это оттого, что я не встречал такого... ну, просто сказать, такого дельного человека — извините, может быть я не имею права произносить своего суждения о вас, но ведь всякий имеет свое мнение». — «У вас нет текста, так вот возьмите эту книгу вовсе» — и дал мне издание Лебедева. — «Разве же вам не нужно?» — «У меня два экземпляра». — «Покорно благодарю. Правописание вы оставляете то же?» — «Нет, меняю, и вот как» (написал главные правила). Я пошел домой, несколько прочитал в этот день, остальное в понедельник и утром во вторник, поправил только опечатки, а не поправил правописания, потому что не умел.

В понедельник утром пошел в университет и когда входил, встретил Алексея Ивановича, которому когда поклонился, тот заметил, что я расстегнут. — «Что это вы, мой батюшка, и без шпаги? — сказал он, отпахнувши полу. — Вы сами себя арестовали, явитесь в 3 часа». Я пошел весьма спокойно, потому что это пустяки и, конечно, я не пойду. И после лекции ушел спокойно домой, но когда шел, эта встреча произвела неблагоприятное действие и был в дурном несколько расположении духа и главное — это расположение было оттого, верно, что было весьма холодно. У меня болели бока и спина, и поэтому я все время пролежал и проспал весь почти вечер, и не пошел поэтому к Ал. Фед., с которым условился быть у Соломки, а отчасти и потому, что мне казалось, будто он сказал, что зайдет ко мне.

Вторник [17 января]. — Идя в университет, опасался, чтоб не встретился Алекс. Иванович, и поэтому ходил по коридору с осто-

* В таком шуме зима съедает сухие кости лета (кузница). Ред.

рожностью, чтоб не встретиться. У Никитенки некому, конечно, было читать, поэтому я, сидя в аудитории, написал несколько об историческом роде поэзии. Он сказал, что лучше не читать, а говорить, и поэтому мы говорили. Моя главная мысль была, что поскольку изменяет исторические характеры — это недостаток*. Тогда я начал читать о влиянии поэзии, которое начал писать было для Плетнева, тут же говорил с Данилевским. Никитенко, хотя с трудом, согласился со мною. От него выходя, встретил Срезневского, сказал ему, вынимая из кармана корректуру: «Готово, только я не поправил правописания». — «Уже готово?» — сказал он. Я: «Если угодно, чтоб поправил правописание, вы позвольте мне придти к вам». — «Очень хорошо, когда же?» — «Когда вам угодно». — «Ныне?» — «Как вам угодно». — «Ну, так лучше уж завтра, потому что ныне я хотел вечером заняться». — «Как угодно, для меня все равно. Во сколько часов?» — «Хоть в шесть». — «Очень хорошо». — Домой, написал письмо, в котором отвечал маменьке, написал об Ал. Фед. и моих отношениях к нему, оставив до следующего письма писать о других своих знакомых. Да, в воскресенье, когда был у Срезневского, говорил ему о том, чтобы не выпрашивал для меня книг, как он говорил, потому что, сказал я, это может... (звонок). (Писано это, когда я сидел под арестом, в 5 ч. 10 м. Начал писать в ту же пятницу 20-го числа. Жаль, что пропадает вечер или во всяком случае полвечера.)

Продолжаю: потому что, сказал я, это может оскорбить папенку. Это правда в самом деле, но более правда то, что мне самому не хотелось бы этого, потому что оскорбительное довольно положение. Но мне совестно сказать прямо Срезневскому, что то, что он вздумал, я считаю унижительным для себя. Он довольно долго говорил о том, что это ничего. Разумеется, я вообще говорил в своем прежнем духе и, наконец, я ушел, не зная хорошенько, будет ли говорить обо мне, если будет случай, или оставит это дело.

В этот день не виделся я с Алексеем Ивановичем и думал, что все может сойти с рук, т.-е. сходить-то с рук нечему, а он может позабыть; а вот, однако, не позабыл.

В среду я был у Ворониных, к Никитенке не пошел уже, а вместо этого должно быть был у Вольфа; да именно был. Когда пришел домой, в 4 часа с лишком, мне сказали, что у меня был Ал. Фед. и сказал, чтоб я непременно отправился с ним ныне в Пажеский корпус, что и в понедельник он был в ужасно затруднительном положении. Хорошо, что мне делать, когда я должен в этот вечер быть у Срезневского? Я, полежавши, т.-е. отдохнувши несколько, пошел в 5 ч. к Ал. Фед. и сказал ему, что так и так, не могу быть. Сначала было мы условились с ним о том, чтобы зайти в Пажеский корпус от Срезневского, после я, более по лени,

---

* Неразборчиво. *Ред.*

чем потому, что думал, что в самом деле более 8 ч. просижу у него, сказал, что едва ли я успею, что уж лучше в другой раз. Итак, я от своей лени, или как это сказать, потерял два урока или три. Пошел к Срезневскому в 5 ч. 20 м., пришел — не было 6. Сели, — он с одной стороны стола, я с другой, и он стал делать какие-то выписки, а я читать корректуру, спрашивая у него, как должно быть правописание слов, если сам не мог решить. Так просидел дальше 8 ч., т.-е. кажется более двух часов, а впрочем не могу сказать, когда позвали пить чай. Когда я вошел в ту комнату, которая направо в этом маленьком коридоре, который служит у него прихожей, я увидел там Данилевского и еще одного молодого человека, которого зовут, как я услышал, Александр Федорович и который брат Катерины Федоровны, его жены. Потом открылось, что это тот же самый, который писал в «Современнике» «О смерти Ярополка», ту статью, которая мне показалась слабою (хотя выказывающею знания летописи) и особенно написано так, как ее писал бы Соколов и[ли] кто-нибудь в этом роде, которые не умеют слепить несколько фраз вместе, и он же написал об удельных отношениях в древней Руси, которая помещена в «Библиотеке», должно быть (кажется, что не в «Отеч. зап.», нет, точно в «Библиотеке»). Он человек не глупый, т.-е. умнее несколько Данилевского, но принадлежит к тому же классу.

Разговор сначала был о Лермонтове, которого я защищал, хотя не вдавался в жаркие тирады, потому что разговор был спокойный, после несколько о Гоголе, которых Срезневский не хотел считать людьми одной величины с Пушкиным (а я по голосу Вас. Петр. ставлю Лермонтова выше Пушкина, а Гоголя выше всего на свете, со включением в это все и Шекспира и кого угодно). Здесь разговор был довольно еще занимателен, далее становился все менее занимателен, к концу снова несколько оживился. Я все сначала ждал, что мы снова пойдем работать, после увидел, что нет, но не знал, как встать, когда другие сидят, потому что я тут, конечно, лицо незначительное; таким образом просидел до половины первого. Я говорил не слишком много, даже довольно мало, с некоторою, однако, самостоятельностью, хотя слабою. Несколько раз говорил весьма глупо, как, однако, и всегда это случается.

Четверг [19 января]. — Все утро читал корректуру, дочитал до $4\frac{3}{4}$ столбца (всего было $1\frac{1}{2}$ листа, на каждой странице 3 столбца, на 3-х только 2 вместо 3, и из них $3\frac{1}{4}$ были прочитаны у Срезневского). На это было употреблено $2\frac{1}{2}$ часа. После стал читать в третий раз, на это было употреблено более 4-х часов, и кроме того, все эти дни, т.-е. 3 или 4, я читал роман Maturin «Мельмот-Скиталец». Нельзя сказать, чтобы у этого Матюрена, или как там его зовут, не было решительно таланта, напротив, есть талант, есть и некоторое знание человека, но сам роман нелеп и бессмыслен, если не имеет смысла показать бессилие * искusstителя

* Неразборчиво. Ред.

или ужасность положения человека, меняющего будущую жизнь на настоящую. Все-таки я читал с любопытством, так я еще глуп, — хотя некоторые части весьма скучны, напр., рассказ этого Монкады о его пребывании в монастыре (вторая и половина третьей части). И вот что еще хорошо характеризует мою трусость при моем религиозном, не то что неверовании, а в этом духе, т.-е. я не христианин по убеждению, т.-е. не был бы христианин, если бы во мне доставало смелости духа, необязливости перед тем, во что не чувствую нужды верить, — итак, несмотря на это, на меня произвело некоторое действие довольно пламенное, не знаю, однако, хорошо или глупо написанное, описание мучений ада в последней половине 6-й части. Не знаю, хорошо или глупо писано это, говорю я, потому что и эти страницы, как и весь роман, читал как нельзя беглее, читал только 3-ю долю строк и выпускал остальные. Эти книги дал прочитать Любиньке один из поляков.

Итак, к чаю, который в 7½ час., я кончил свою корректуру; пришел Ал. Фед. и просидел до начала 10-го. Он сказал, чтобы я был у него в понедельник и мы пойдем вместе, — ах, я уже и позабыл день — не в понедельник и не в субботу, а в какой-то другой, нужно, когда выпустят, зайти спросить, в какой именно. Итак, он ушел, я вместе с ним, чтоб отнести листы Срезневскому и сказал ему, что если он более не даст, я сочту это так, что это не годится в дело. Он говорит: «Станный вы человек». Я не сел. В университете не был.

20 [января], пятница. — В среду или пятницу я не был в университете, более затем, что думал, что если в эти дни не попадусь на глаза Алекс. Ивановичу, то и вовсе забудет, а вот между тем нет. Хорошо. Итак, я когда встал, у нас было ужасно холодно — в моей комнате 11 только градусов. Мне Любинька сказала написать что-нибудь аткарским¹⁸³. Так как написать было нечего, то я написал о переводе, если можно, Сашеньки сюда. После пошел в университет, взяв Sismondi, чтобы переменить. Пришел почти перед самою лекциею, просидел у Фрейтага, отгадал загадку¹⁸⁴, потом глупо сказал, что Таенарос подле Трои, и только всего. Об Алекс. Ив. и не думал, когда кончилась лекция, а между тем как пришли мы к Срезневскому, он подошел к дверям, вызвал меня и сказал: «Что же вы думаете, г. Чернышевский? я нарочно дал нескольким дням пройти». — Я сказал ему: «Я хотел извиниться перед вами, что не мог явиться в те дни, потому что в понедельник обещали мне доставить урок, во вторник у меня был урок, в среду и четверг я был не совсем здоров и не был в университете». Он было мычал что-то, но я, разумеется, не перебивал его слишком, чтобы не горячиться обоим; говорил, что нужно, когда он успеет высказать главные слова своей мысли. Он сказал, наконец: «Явитесь же ко мне в 3 часа». Я был более всего в затруднении — куда явиться: в комнаты к нему, что ли, или куда? А однако, думал и то, что едва ли он в самом деле посадит под арест, а вообще это не произвело на меня, хотя я и уверен

354

был, что, конечно, посадит, никакого ровно впечатления, и теперь я в хорошем расположении духа, но если (хотя сторож сказал, как напишу ниже, что нет) должен буду просидеть ночь, то расположение моего духа переменится.

Хорошо. Кончилась Устрялова лекция, я пошел. Он стоит в дверях; я, подождавши, когда пройдут студенты, потому что несколько совестно, т.-е. напротив, а вообще я не люблю, чтобы знали, если могут не знать, про меня что бы то ни было, хорошее или худое, — так я подошел к нему и сказал: «На сколько времени?» — когда он сказал, чтоб оставался в сборной комнате. — «После узнаете». — «Нет, это я спрашиваю для того, чтобы, если нужно будет оставаться на ночь, то уведомить об этом своих». Разумеется, остался. Вошел Бострем в эту комнату и спросил, арестован ли я. Я сказал, что да. — «Ну, так останьтесь хоть не надолго». — «Хорошо».

Бострем славный человек, не знаю, впрочем, только он мне нравится своею рассудительностью и обходительностью, между тем как наш Алекс. Ив. глуп и суетлив, хотя в сущности тоже добрый человек, но слишком торопыга и кажется с некоторой, как бы сказать — ну, одним словом, вот что он глуповат, иначе нельзя сказать (в этом роде, напр., — любит Корелкина, а между тем, как Попов пришел ему сказать, что Корелкин болен, так чтобы послал врача, он сказал: «Скажите ему сами, а главное, у вас длинные волосы». — Глуп или нет?). Сначала я дожидался, что принесут обед — нет. Тем лучше, это мне забавно, и если случится, я кольну этим Ал. Ив. Я остался и стал читать Сисмонди и прочитал более 50 стр. в весьма хорошем вообще расположении духа. Когда понадобилась свеча, я отыскал сторожа, зажгли, а если бы нет, то я сказал бы Ал. Ив., чтобы извинил — я уйду (теперь бьет 6 ч.). Сторож сказал: «Да ведь вас отпустят, потому что не приказано выдавать вам койки». Но что мне это, ничего. Есть несколько хочется, но мало, все равно, что в 3 часа, так и теперь. Меня это несколько забавляет, что по забывчивости или потому, что я сам не сказал, не подали мне обед. Я подожду до 7 ч.; если до тех пор не выпустят, я, предупредивши сторожа, схожу в лавочку за булкой. Хорошо.

Итак, теперь дописал до самого конца своего земного поприща, т.-е. история моя доведена до настоящей минуты, а как говорят, что остановившаяся история — статистика, разумеется, нравственная и политическая, статистика же материальна, то и принимаюсь очерчивать свой образ мыслей теперешний.

С год должно быть назад тому или несколько поменее писал я о демократии и абсолютизме¹⁸⁵. Тогда я думал так, что лучше всего, если абсолютизм продержит нас в своих объятиях до конца развития в нас демократического духа, чтоб как скоро начнется правление народное, правление *de jure* и *de facto* перешло в руки самого низшего и многочисленного класса — земледельцы + поденщики + рабочие, — так, чтоб через это мы были избавлены от всяких переходных состояний между самодержавием (во всяком

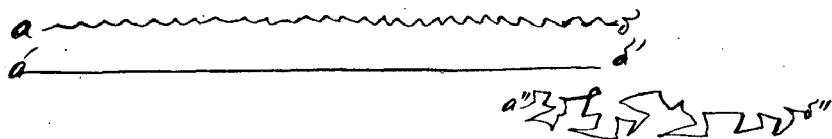
случае нашим) и управлением, которое одно может соблюдать и развивать интересы массы людей. Видно, тогда я был еще того мнения, что абсолютизм имеет естественное стремление препятствовать высшим классам угнетать низшие, что это противоположность аристократии. — А теперь я решительно убежден в противном — монарх, и тем более абсолютный монарх, — только завершение аристократической иерархии, душою и телом принадлежащее к ней. Это все равно, что вершина конуса аристократии. То когда самая верхушка у конуса отнята, не все ли равно? Низшие слоизнемогают под высшими, будет ли у конуса верхушка или нет, только самая верхушка еще порядком давит на них — и давит чрезвычайно порядочно; это, во-первых, стоит народу много денег и слез и крови, во-вторых — как замок в своде, поддерживает, образует, развивает аристократию. Итак, теперь я говорю: погибни, чем скорее, тем лучше; пусть народ не приготовленный вступит в свои права, во время борьбы он скорее приготовится; пока ты не падешь, он не может приготовиться, потому что ты причина слишком большого препятствия развитию умственному даже и в средних классах, а в низших, которые ты предоставляешь на совершенное угнетение, на совершенное иссечение средним, нет никакой возможности понять себя людьми, имеющими человеческие права. Пусть начнется угнетение одного класса другим, тогда будет борьба, тогда угнетаемые сознают, что они угнетаемы при настоящем порядке вещей, но что может быть другой порядок вещей, при котором они не будут угнетаемы; поймут, что их угнетает не бог, а люди; что нет им надежды ни на правосудие, ни на что, и между угнетателями их нет людей, стоящих за них; а теперь они самого главного из этих угнетателей считают своим защитником, считают святым. — Тогда не будет святых, а будет: ты подлец, взяточник, грабитель, жестокий притеснитель, пиявка, развратник, и ты тоже, и он тоже, и нет между вами никого, кто променял бы свой класс на наш класс, кто стал бы за нас против вас и стал бы искренно, с убеждением, без своекорыстной цели, который тотчас же, как достигает, чего хотел, ломает свои орудия и развил бы свои убеждения до того, до чего они должны быть развиты, до их крайних последствий, а эти последствия:

лучше *d'en bas**, чем *d'en haut*** анархия, потому что там хоть не может быть таких бесчеловечных отношений, понимаете ли, не действий, а отношений, а это важнее. Что мне за дело, хороший я человек или нет, добрый или нет, когда я считаю себя человеком, а другое существо подле меня собака, — разумеется, она всегда и будет для меня собакою и уже человеком ей не бывать для меня; стану или нет я ее бить — это дело случайное, да и дело пустое, а чтобы я сравнивал ее в правах с собою: может ли это быть? Об этом безрассудно и думать. Вот мой образ мысли о России¹⁸⁶: не-

* Снизу.

** Сверху.

одолимое ожидание близкой революции и жажда ее, хоть я и знаю, что долго, может быть, весьма долго, из этого ничего не выйдет хорошего, что, может быть, надолго только увеличатся угнетения и т. д. — что нужды? — Человек, не ослепленный идеализацией, умеющий судить о будущем по прошлому и благословляющий известные эпохи прошедшего, несмотря на все зло, какое сначала принесли они, не может утрапиться этого; он знает, что иного и нельзя ожидать от людей, что мирное, тихое развитие невозможно. Пусть будут со мною конвульсии, — я знаю, что без конвульсий нет никогда ни одного шага вперед в истории. Разве и кровь движется в человеке не конвульсивно? Биение сердца разве не конвульсия? Разве человек идет, не шатаясь? Нет, с каждым шагом он наклоняется, шатается, и путь его — цепь таких наклонов. Глупо думать, что человечество может идти прямо и ровно, когда это до сих пор никогда не бывало. (Оно идет, как человек: путь и человека и человечества от a к b — линия ab , не $a'b'$, хорошо, если (как это очень часто бывает) не линия $a''b''$).

(Ведь это странно, какие я отпускаю штуки — несколько похожу как будто через них на помешанного всегда, между тем как постоянно я весьма апатичен, — ну, как вдруг, говоря спокойно, прибегать для выражения своей мысли к этим чертежам?)

(Сейчас входил на минуту Савельич сказать, чтоб я взял шинель, потому что будет холодно. Я сказал, что еще ничего. Продолжаю.)

По образу своих мыслей принадлежу я сам не знаю, к какой именно партии социалистов-демократов, став не то черным, не то красным; не знаю, к какой именно; не ожидаю исполнения и той доли того, чего надеется большая часть приверженцев этого учения от торжества его, т.-е. я сам верю во все это, но моя трусость препятствует мне вообще всегда во всем, что я люблю, ожидать чего бы то ни было, кроме неуспеха, разочарования и т. д., поэтому я несколько не очарован. Я даже думаю, что на самом деле торжество этой партии доставит более блага низшим классам, движет человечество несравненно более вперед, чем я думаю, принесет гораздо менее бедствий при своем введении, т.-е. кровопролитий, войн, бунтов и терроризма, гораздо менее, чем я ожидаю; итак, немало из того, что обещают, ожидаю я, как исполняющегося современем на деле от торжества этой партии. Но я всей душою предан этому новому учению, хотя не могу сказать, чтобы верил

в него относительно догматов его, не только относительно следствий. Я слишком большой трус, слишком нерешителен для этого. Но все же я привержен к этому учению всею душою, сколько только могу быть привержен по своему подлому, апатичному, робкому, нерешительному характеру. И в развитии следствий я иду гораздо дальше, чем идут большая часть этих господ, т.-е. идей о «liberté, égalité» и т. д. Это происходит от моего характера, который неспособен к деспотизму от слабости и которого раздражает малейшая несправедливость или притеснение или унижение, которым он подвергается, т.-е. раздражает как факт не всегда, а только судя по состоянию духа, а раздражает всегда в ожидании и в прошедшем, в воспоминании, раздражает и бесит и волнует кровь уж как одна возможность. А факты весьма часто совершаются надо мною самые унижительные, и я несколько не чувствую от этого [боязни] сложить те выводы, которая отличает, как чрезвычайно далеко в этом отношении зашедших, Proudhon, E. de Girardin, L. Blanc и т. п., и применить это к всем возможным случаям, когда составилась мой образ мыслей. Теоретически я всего более сочувствую L. Blanc, потому что он первый был моим учителем в этом, потому что через его беседы в Люксембурге я узнал все эти вещи, и поэтому здесь он для меня играет почти ту же роль, как Гизо в отношении к установившимся уже и сделавшимся неотъемлемыми, несомненными взглядам. Раз я читал Гизо, раз читал Л. Блана, поэтому я чувствую себя много им обязанным и поэтому готов ставить и до сих пор ставлю их бог знает насколько выше всех, трудящихся с ними на одном поле.

В религии я не знаю, что мне сказать — я не знаю, верю ли я в бытие бога, в бессмертие души и т. д. Теоретически я скорее склонен не верить, но практически у меня недостает твердости и решительности расстаться с прежними своими мыслями об этом, а если бы у меня была смелость, то в отрицании я был бы последователь Фейербаха¹⁸⁷, в положении — не знаю чей, — кажется тоже его.

В других отношениях люди, которые занимают меня много: Гоголь, Диккенс, Ж. Занд; Гейне я почти не читал, но теперь может быть он мне понравился бы, не знаю, однако. Из мертвых я не умею назвать никого, кроме Гете, Шиллера (Байрона тоже бы, вероятно, но не читал его), Лермонтова. Эти люди мои друзья, т.-е. я им преданный друг. Также Фильдинг, хотя в меньшей степени против остальных великих людей, т.-е. я говорю про мертвых; может быть, он и не менее Диккенса, но такой сильной симпатии не питаю я к ним, потому что это свое и главное — это защитник низших классов против высших, это каратель лжи и лицемерия.

Что еще сказать о себе? Вас. Петр. я попрежнему считаю если не умнее себя, то во всяком случае проникательнее и гораздо старше по уму во многих отношениях, и не могу защищаться от

этого влияния, когда он произносит суждение свое о каком-нибудь, особенно литературном, сочинении. Но [в нем] много такого, т.-е. одно что-то такое, проявляющееся под различными видами, что мне не нравится, — есть что-то такое, что есть в Любиньке, например, и в других, это я не умею хорошенько назвать, род пошлости, или в этом роде. И ухватки, и манера говорить часто не нравятся мне. Напр., каждый раз, когда он произносит слово «целковый», я слушаю с неудовольствием его произношение, и мне кажется, что манера произносить это слово самое полное выражение той стороны, которая мне в нем не нравится.

Пишу в субботу, 4-го числа, дожидаясь Никитенку, потому что пришел рано — почему, напишу после, если успею.

В неделю, следовавшую за тем, что я описал в предшествующем дневнике, ничего замечательного не было, кроме того, что в следующую пятницу, 27-го, т.-е. через неделю, получил я посылку, т.-е. икру, которую прислали из Саратова. Поляков, с которым прислали, довольно умный человек и несколько образованный. Я напился у него чаю и поговорил с ним без скуки. Он расспрашивал о деле Ханыкова и К⁰. Я представлял ему, что ничего не было, и, кажется, заслужил его недоверие. В предыдущий четверг был у Корелкина в больнице, там весьма хорошо; просидел у него с час или более. Для Вас. Петр. взял в этот день у Славинского английских книг и Гизо, который лежал все у него. А в субботу 28-го был у Срезнегского, чтобы выписать места нужные; просидел до 8 часов, видел *les Antiquités russes*¹⁸⁸. Когда дописал, что должно, подали самовар. поэтому я остался. Оттуда идя, зашел к Вольфу, потому что с четверга носились слухи (мне первый сообщил их Тимаев), что прусский король бежал в Англию. Я был рад, весьма, весьма, но, конечно, не доверял, потому что теперь не такое время и не из-за чего, кроме как разве не стал присягать этой конституции; но я не думаю, чтоб теперь могло быть удачным восстание, однако все-таки думаю: авось, бог милостив. Там пробыл до 11 и почти засыпал от утомления. Когда пришел, мне сказали, что у нас был Поляков.

В воскресенье утром был Вас. Петр. Завтракали вместе икрой и под конец он заговорил о своих отношениях к Над. Ег. Мне снова стало его интересно слушать, как было в первое время [после] свадьбы. Он лучше к ней расположен, чем я обыкновенно думаю, т.-е. более чувствует к ней нежной заботливости, хотя любви совершенно не чувствует. У него теперь надежда получить место при таможене через Бельцова, только чудак Бельцов, что бросил службу и уезжает в Кексгольм, где у него поместье. Я что-то думаю, что это дело рассохнется. Бельцов говорит, что можно получить. Просидел до 4 и обедал у нас. Я проводил его после к Вольфу. Пришел оттуда в 7^{1/2}, у нас Анна Дмитриевна (у которой я раньше был и которая, приехавши сюда, остановилась у Н. Дмитр., который довольно порядочный человек). Ал.

Фед., который был с нею, сказал, что он сказал Соломке, что я болен. Я, кажется, уже писал, что Ал. Фед. предложил мне давать уроки у Соломки из химии и аналитики. Я думал, что аналитика равна тригонометрии, и согласился, но потом, когда увидел, как много нужно времени, чтобы готовиться из химии, потому что она вся наполнена (Гессова) техническими процессами и ничего общего нет в ней, так что все должно учить, у меня весьма остыла охота, потому что слишком много нужно времени. А в пятницу перед этим, — нет, в понедельник это, т.-е. не 20-го, а кажется 23-го, — был я у него, и аналитика вовсе не то, а что-то такое, чего я вовсе не знаю, поэтому я решился отказаться и сказал об этом Ал. Фед. утром, во вторник или среду, хоть мне и казалось неловко. Проведши у него несколько времени, сказал прямо, что не могу, потому что не знаю. А главное, не то, что не знаю, это бы еще ничего, а то, что слишком много нужно времени, а теперь не до того, и у меня сжимается сердце, когда я подумаю, что должно сделать мне в эти два месяца: 1) закончить Срезневскому, 2) закончить переписку повести, — это я думаю кончить к концу февраля; в марте должно: 1) переписать записки Куторги и другое, что пропущено, 2) диссертацию написать, — это ужас, едва ли успею как должно; нет, успею. Хорошо. Так слишком много времени будет нужно для Соломки. Итак, теперь Ал. Фед., когда был у нас в воскресенье, сказал, что он сказал Соломке, что я болен и что поэтому ничего. Когда они уехали, я, кажется, немного писал для Срезневского. Должно сказать, что все это время, с самого начала лекций до этого числа, т.-е. до настоящего времени занято у меня перепискою для Срезневского, для которого выписал 53 листа, т.-е. часов 70 или лучше 80 для первого семестра, да теперь написано 8 листов и отнесено 2 семестра, итак, около 90 часов.

Так как наши решили посылать подарки своим всем, то и мне, кажется, нужно послать папеньке бархату на камилавку, тем более, что Ив. Гр. взялся купить ножичек и купил не в английском магазине, а в голландском, и всего за 2 р. сер. вместо 5, как писал папенька. Жаль мне, что я сам этого не сделал.

Понедельник, 30 [января]. — Должно сказать, что я с самого начала лекций сделал так, что не был ни у кого, кроме Никитенки, Срезневского, большею частью Фрейтага, иногда у Устрялова, только раз у Куторги, ни разу у Неволлина, так что только бываю в понедельник, вторник 3 лекция, среду и четверг пропускаю, в пятницу одна или две, или 3, в субботу Никитенко; так и теперь, писал весь [день] Срезневского и читал, проверяя, так что можно будет отнести последние 13 листов, $2\frac{1}{2}$ первого полугодия. Думал застать его дома и списать у него следующую лекцию, но не застал дома и вместо этого пробыл несколько времени, кажется, у Доминика.

Вторник, 31 [января]. — У Никитенки говорил о том, что древние языки не стоят внимания. Он согласился довольно на все,

кроме формы и высокого достоинства отделки, так что я мог сказать: «Итак, идеи нет, содержание не годится, остается форма» в произведениях древности. Довольно разгорячился я на лице, в душе был, как обыкновенно, совершенно холоден, но как-то *tête-à-tête*, т. е. какая-то забывчивость о всем, так что думал только об этом; кажется, это произвело некоторое впечатление на студентов, напр., Тимаева и Лыжина. Лыжин пошел со мною вместе и говорил об этом и отношении к истории европейских наук (по вопросу о Мальтусе, [про] которого читал он у Милютин¹⁸⁹), и после Славинский мне сказал, что я реформу задумываю, — значит, об этом говорили у Куторги перед лекцией, с которой я ушел. Вечером пошел к Вас. Петр., который упрекал, что я у него не бываю; все боролся с ним, я доставал его бумаги, он сильнее меня. После зашел к Славинскому, узнал от отца о цене бархата.

Февраль

Среда, [1 февраля]. — Утром был у Ворониных, как всегда, думал получить деньги — нет. Вечером писал, и только.

Четверг, 2 [февраля]. — Утром был снова Вас. Петр. несколько времени. Вечером писал. Хотел нести Срезневскому, но не понес, потому что вздумал: не стоит спрашивать следующей лекции, потому что не было ничего такого, чего бы нельзя хорошо записать, а если не стоит спрашивать следующей лекции, [то] не стоит его беспокоить в этот вечер, потому что он готовится. Так и не пошел. Вечером, кажется, что был Ал. Фед., — да, был и отдал вместо 10 руб. сер. мне 8; это ничего — все равно доста-нет заплатить.

Пятница, 3 [февраля]. — Утром читал книгу Срезневского, поправляя опечатки. Вечером пошел к Срезневскому, только отдал ему. Он не оставлял сидеть, поэтому я воротился домой. Когда пришел, у нас был Ив. Вас.; мы встретились с ним как нельзя дружественнее. (Писано у Фрейтага, в пятницу 10-го.)

(Писано 17-го в пятницу, потому что пришел к Фрейтагу рано.) В эти две недели тоже я бывал только в пятницу у Срезневского, понедельник и пятницу у Фрейтага, субботу и вторник у Никитенки; другие лекции не посещал до 14-го, писал все Срезневского. Переговоры должен был переписывать три раза одну половину, а другую половину два раза, от этого так много времени ушло на переписку их. Потом что делал в неделю до (это пишу у Фрейтага, тогда не закончил, потому что подошли Куторга и Пршеленский) субботы 11-го? Ничего особенного не было, все дождался перехода на другую квартиру и ходил в кондитерские, потому что после уже нельзя будет часто бывать там. В среду был у Ир. Ив., не бывши пять недель. Он сказал, чтобы не забывал его. Я несколько участвовал в разговоре, хотя мало; слышал, между прочим, рассказ о Гоголе, как он в Германии схо-

дид на двор в кожаный мешок и как его два раза поднимали ему. Это рассказывал, как кажется, Милюков — должно быть, что его фамилия Милюков. Этот Милюков говорит в социалистическом духе, как говорю я, но мне кажется, что это у него не убеждение, как [у] Ир. Ив. или у меня, что у него не ворочается сердце, когда он говорит об этом, а так это только говорит он, — и все эти господа мне кажутся несколько пошловаты, кроме Ир. Ив. — он, конечно, лучше других, да еще после военный — Дмитр. Иванович, а Краузольд и Вадим Ник. довольно забавны, хотя этот Вад. Ник. лучше Краузольда, а уже и Краузольда далеко непостижимо превосходит один офицер, который бывает у них и которого я в первый раз видел в этот раз и который теперь рассказывал о балете «Взятие Ахты» преуморительно, а еще уморительнее был он в следующий раз, т.-е. 15-го числа, когда говорил о зубном враче праведном с Дм. Ивановичем.

В субботу мы хотели переезжать на новую квартиру, поэтому я от Ворониных пошел отыскивать ее. Нашел, в ней было холодно, как на дворе, и это продолжалось до вторника, я думаю. Поэтому я был весьма недоволен этою квартирою, весьма недоволен.

(Писано у Фрейтага снова, 20-го, в понедельник.) — Следующую неделю особенного ничего; до среды этой я писал Срезневского, в среду был у Введенского снова, — нет, кажется, не был — так, так, я перемешал оттого, что мне показалось, что написал «6 суб.» вместо «7 суб.». Конечно, мы перешли не 6-го. Итак, 14-го мне принесли повестку быть у следственного пристава, я довольно встревожился, потому что решительно не понимал, из-за чего, и тут решительно почувствовал свою робость. Во вторник отнес вечером Срезневскому листы до рождества, которые не нужны Лыткину. В среду, как пообедал (получил утром у Ворониных 10 руб. сер.) — к Вольфу, у которого дочитал «Отеч. зап.» и с любопытством читал газеты. После зашел к Ал. Фед., занес газеты, взял другие. У Введенского говорил довольно много и играл довольно значительную роль в разговоре, так что более даже Вадима Никол., менее только доктора одного. Туда идя, сел отдохнуть у схода на Неву довольно долго. Когда вставал, сказал извозчик на Неве, что за пяточок свезет; я сел и говорил с ним об их положении как крепостных, только вообще говорил, что должно стараться от этого освободиться (дал ему гривенник, и он чрезвычайно был рад). А когда оттуда ехал за 15 коп. сер., теперь говорил уже с извозчиком весьма ясно, что [надо] силою чтоб требовать, добром нельзя дожидаться. Между прочим, я для того был у Ирин. Иван., чтобы позабыть об этом приглашении к следственному приставу.

16-го [февраля], четв. — Там штраф заплатил 60 коп. сер., чтобы избавить от большого штрафа Максимовича, который собственно был виноват, не записавши в книгу моего билета. И успо-

коился. Теперь в пятницу — ничего особенного, в субботу тоже — более всего спал, также читал «Современник» 2 и после 1 № — 19-го, в воскресенье и предыдущие дни несколько писал свою повесть, но весьма мало, потому что сомневался, пошлю ли ее в журнал — едва ли, поэтому и мало писал. После пришел Вас. Петр. и просидел до 5 [час.]. Мы, наконец, стали говорить о переворотах, которых должно ждать у нас; он воображает, что он будет главным действующим лицом. Когда ушел, я почти все время проспал до этого времени, до 8 час. понедельника, просыпаясь только для чая. После завтра снова буду у Иринарха Иван., ныне верно придется идти к Славинскому за Галаховым для Никитенки.

(Это писано в пятницу у Фрейтага, 24-го числа.) Утром в понедельник взял деньги в почтамте и отдал их после Любиньке все. Из университета сказал Славинскому, что я к нему, чтобы взять Галахова. Мы поехали на его счет, там обедал; хотел быть у Вас. Петр., однако не был, а вместо того пошел к Вольфу, у которого до 6 час., после домой, проклиная все, потому что скверная погода и чрезвычайно сыро.

Во вторник читал «Памятники» Пушкина и Державина¹⁹⁰. Мне кажется, что Державина лучше. (В воскресенье отдал 6 руб. сер. из 15, которые получил от Ворониных, Вас. Петровичу.) Никитенко поручил разобрать «Медный всадник», в среду я, увидевши у Вольфа Данилевского, выписал у него. Вечером ничего не делал. В среду (22-го) от Ворониных пошел в университет, оттуда к Вольфу, после зашел к Ал. Фед., который попросил завтра принести ему 3 целковых, я обещал; он сказал также, что Михайлов едет сюда; я этому был рад от души. У Ир. Ив. разговор не был занимателен; только для меня было интересно, что были Чистяковы, и он подошел и поздоровался со мною, между тем как я просто стоял.

В четверг утром пошел к Фрицу заказать сапоги, после к Вас. Петр., который писал, поэтому я ему мешал и поэтому тотчас ушел от него к Иванову, где читал снова газеты. Когда пришел в университет, попался (писано у Фрейтага в понедельник 26-го) Ал. Ив., который сказал, чтоб остриг волосы. Я сказал: «Очень хорошо» — и был чрезвычайно раздосадован этим скотом.

В пятницу рано вышел из дому, чтоб остричься, и пошел к Petit et Wendt, где мерзко остригли виски, слишком коротко, хоть говорил, чтоб этого не делали. Вечером спал.

В субботу у Ворониных обедал, пришел домой в 5, потому что нечего было делать, потому что записок не было, и скоро уснул, написавши несколько из «Медного всадника» разбор. Гораздо слабее, чем я думал, это произведение, «Русалка» (на которую указал мне Михайлов) и «Дон-Жуан» гораздо лучше, гораздо лучше. «Галуб» тоже плох. Я разбирал довольно строго, хотя с большим снисхождением — для Никитенки; если б писал

для журнала, верно б резче. В пятницу спросил Фишера, когда входил он в аудиторию: «Позвольте посоветоваться с вами — я хотел писать диссертацию для вас». — «Не делайте этого, пожалуйста, не советую, неудобное время» — это я помню слово в слово. В субботу спросил поэтому у Никитенки, который сказал: «Что же, о трех наших комиках: Фонвизине, Шаховском, Грибоедове, — конечно, с осторожностью». Я сказал, что постараюсь. Но может быть, о трех не успею, и теперь хочу о Фонвизине одним¹⁹¹, для этого [надо] подписаться в библиотеку, как получу от Ворониных деньги.

(Писано 13 марта, в понедельник, в университете.) Конец февраля ничего не делал, и ничего особенного не случилось.

М а р т.

1 [марта]. — Был у Ир. Ив., ничего особенно занимательного там не было, и я играл не слишком блестящую роль. Решился пропустить одну среду и поэтому следующую не был, а буду завтра.

2 [марта], четверг, 3-е пятница, 4-е суббота и т. д. до 7-го, вторник. Читал корректуры для Срезневского, то, что набрано (1 — 48-й столб. певцов чешских), и переписал потом для печати остальные песни из Краледворской рукописи.

В понедельник, 6-го, болели зубы, поэтому не пошел в университет, а поставил сапоги в печь по своему обыкновению; они там сгорели, поэтому я пошел в ужасной досаде к Фрицу, чтоб сделал поскорее. На дороге встретился с Ив. Вас. и зашел к нему. Во вторник этот и прошлый читал (т.-е. 28-го [февраля] и 7-го) у Никитенки «Медного всадника», которого разбор написал, поэтому здесь не буду говорить. Оттуда пошел к Вольфу. Решил или купить сапоги, или взять у Ал. Фед. — не застал дома. Поэтому зашел к сапожнику и купил за 3 [руб.] 50 [коп.] головки и теперь ношу. Не так мерзки, как я думал, конечно, все-таки гадки, т.-е. гадки каблуки, а между тем это было совершенно не нужно, потому что на другой день принес Фриц утром; я несколько подсадовал на себя. Получил из дому 20 руб. сер., осталось 15 за расходом на сапоги, из них 13 отдавал Любиньке, которая возвратила тихонько, и ночью я снова положил ей в ящик.

Итак, 9-го не был у Ир. Ив. В четверг, 9-го был урок у Ворониных вместо того, что не был в среду. Лекция в этот день и ныне, 13-го, дополнительная у Срезневского. 10-го снова был у Вольфа — красные победили¹⁹², поэтому мне была радость некоторая, что-то теперь там? Ныне, если не будет тетради, от Срезневского зайду.

Суббота, 11 [марта]. — Получил письмо от Сашеньки и стал писать. Вечером был урок у Ворониных.

12 [марта], воскресенье. — Если угодно, этот день несколько опишу подробнее.

Продолжаю дома, в воскресенье, 19-го числа, в 4 часа, кончивши разбор своих университетских тетрадей. При этом у меня, как-то по-старчески, была тоска о прошедшем — итак, боже мой, в последний раз, скоро это будет чуждо!

Итак, в воскресенье, 12-го, был у меня Вас. Петр., пришел довольно не рано и довольно недолго вечером сидел, всего разве 5 часов. Говорил о том, о сем, кажется, весьма откровенно. Я все настаивал, чтоб он что-нибудь писал; он говорил, что не имеет таланта; об этом, как обыкновенно, был спор, я сказал: «Что талант, нет этой вещи, а есть только ум», и отвергал специальность направления от природы. «А, — говорю, — уж если так, то я скорее всего мог бы про себя сказать, что нет таланта — ничего не могу придумать». — «Да что придумывать, — сказал он, — вот напишите например» — и рассказал историю «Экзекюторского места». Потом стал было рассказывать в общих выражениях свою историю с Бельцовой, но остановился и не захотел досказывать. Я ему дрожащим голосом рассказывал «Двойника»¹⁹³, и он сначала думал, что это я писал.

13, понед. — Устрялова не было, Срезневский кончил весьма трогательными словами, весьма трогательными, они несколько записаны у меня в тетради, и теперь я с сожалением каким-то вспоминаю, что перестал быть его слушателем. Ни о каком другом профессоре этого не осталось, а это должно быть оттого, что он слишком горячо любит свою науку.

14 [марта], вторн. — Никитенки не было, хотя мы его ждали. Мы пошли из университета вместе с Данилевским и Лыжиным. С Лыжиным долго ходили по улицам и рассуждали; сначала мы говорили о заговорщиках, после о своих товарищах, после о его методе образования себя. Он умнее других и, может быть, не глупее меня. Вечером спал. Ходил также к Срезневскому за тетрадями.

15 [марта], среда. — У Ворониных не был, поэтому воротился домой. После к Ир. Иван., раньше, конечно, к Вольфу на несколько времени, и у Ал. Фед. был. У Ворониных урока не было. У Ириарха Ив. пригласил меня к себе Минаев, и несколько слов говорила со мною жена Ир. Ив. Вообще я более и более становлюсь там человеком с голосом некоторым, хотя много уступаю доктору и Минаеву.

16 [марта], четв. — Просидел дома, писал несколько, больше спал.

17 [марта]. — Прочитал Лыткина Тибулла Annotationes; написал 10 листов Срезневского и понес к Славинскому, чтобы тот передал Лыткину; раньше зашел к Иванову, у которого читал, когда пришел Славинский, поэтому передал ему, сам пошел к Вас. Петр., у которого [пробыл] около часу, после воротился.

18 [марта], суб. — Утром писал, после пошел к Неволину, оттуда шел с Корелкиным; к нему почувствовал при этом теплое расположение. Это была моя последняя лекция, и мы одни с ним были на ней из всего курса. После, когда пришел домой (да, в университете взял письмо), до чаю проспал, после писал Срезневского.

19 [марта], воскр. — Как встал, до 2 час. все писал Срезневскому, чтоб кончить на всякий случай, потому что я сказал Славинскому, что кончу в воскресенье вечером, и торопился, потому что ждал Вас. Петр.; но его не было. Когда кончил, свернул в трубки, разобрал свои тетради за 4-й курс, после этого стал обедать. Когда кончил обед, стал разбирать тетради за первые 3 курса и кончил это гораздо скорее, чем думал. — Не так громадно, как я думал. Ложусь несколько почитать. Когда будет 5½, пойду к Срезневскому отнести ему тетради.

(Писано 27 марта в первом часу в понедельник.) 19-го отнес Срезневскому и ничего, только поговорил о Польше и т. д., но весьма вяло, и я вышел от него недовольный.

20 [марта], понед. — Не помню, что делал.

21 [марта], вторник. — Пошел к Вас. Петр., посидел у Иванова, заходил к Славинскому и попросил его прислать мне тетради, которые нужно. Взял «Современник» у Вас. Петр., 3 №, и читал его вечером и следующий день.

22 [марта], среда. — У Ворониных было два урока.

23 [марта], четв. — Пошел утром на толкучку, искал Фонвизина, сочинения о нем Вяземского и т. д. — до этого дня прождал, потому что дожидался денег от Ворониных, они были так милы, что ранее, чем я ждал, отдали. Купил за 80 коп. сер. Фонвизина и в этой же лавке за 50 коп. сер. 9 № Revue Indépendante¹⁸⁴ 1847 г. Сначала не понравилось, когда я пришел домой, после нашел довольно много хороших статей. Купил за 40 коп. сер. 8 №, 1847, «Отеч. записок», в котором статья первая о Фонвизине; теперь пойду, когда кончу это, отыскивать 9 №, в котором вторая статья. Этот день и следующий читал все Фонвизина, которого всего прочитал, и Revue Indépendante, которого половину, я думаю, прочитал.

24 [марта], пятн. — Был у Ворониных, потому что в субботу праздник. Был один урок, там обедал, оттуда к Корелкину, чтобы взять Никитенкину программу, т. е. конспект за 1-й курс. У них просидел до 10¼, рассказывая события Западной Европы и т. д. Его самого не было — и весьма хорошо сделал, что ушел.

25 [марта], суб. — Утром читал Revue Indépendante [и] Фонвизина. Вечером был Ал. Фед., принес 6 номеров «Débats», которые я прочитал вечером и 26, воскр. — утром, чтоб приготовить для Вас. Петр. Он пришел в 12, просидел до 4½, я пошел с ним вместе отнести Ал. Фед. газеты, которые он принес, и пошел к Вольфу, у которого положил ноги на диван, — он подошел и сказал мне об этом. После этого я не хочу бывать у него. Вас. Петр. отдал 10 руб. сер.

27 [марта]. — Ныне утром все читал *Revue Indépendante*, до этих самых пор, потому что переписывать нечего в записках Плетнева и Штейнмана. Теперь иду справиться о 9 № «Отеч. записок», достать Фонвизина и отнести записки к Славинскому, может быть, к Залеману и Корелкину.

Писано 17 апреля.

Март. — Решил вместо того, чтоб покупать Вяземского, прочитать его в Публичной библиотеке, и сделал это. Таким образом выиграл 2 руб. сер. — 9 № «Отеч. записок» читали все это время, поэтому я решил спросить у Ворониных и был так счастлив, что получил.

А п р е л ь

1—8 [апреля]. — С 1-го или 2-го числа начал серьезно готовиться к Фишеру. Среди дня куда-нибудь постоянно выходил, чтоб освежиться, обыкновенно на залив. Приготовился довольно хорошо из всего, кроме, как после оказалось, психологии. 8-го пошел, — экзамен отложили на 10-е, потому что Фишер должен был присутствовать при открытии нового цензурного комитета¹⁹⁵. Пото- толковали, как теперь быть с экзаменами, и решили Никитенку перенести на субботу. Я был раздосадован несколько этим, отчасти и нет, потому что через это выигрывал два урока у Ворониных. Так как сидел мало, то не записал в книжку, но сами переправили они, это весьма хорошо.

9 [апреля], воскр. — Был Ал. Фед., и толковал о поездке за границу. Я сказал, что лучше жениться, это более принесет пользы. Пришел Вас. Петр.

10 [апреля], понед. — Экзамен у Фишера для меня кончился довольно хорошо. Мне досталось — «о произвольном воспоминании» и т. д. и «о творческом воображении», — не знаю хорошенько, до каких пор. А из нравственной философии — «о форме, под которой должно являться требование разума нашему сознанию», и «сравнение действительного человека с человеком, каким его знают по сущности». Я говорил весьма живо. Плетнев вызывал, поэтому я вышел четвертым (первым после господ, получивших медали). Оттуда пошел к Иакову, — он нездоров, не принял. Оттуда зашел к Корелкину, оттуда к Нейлисову.

11 [апреля], вторн. — Пошел отнести письмо и пришел к Иванову.

12 [апреля], среда. — Был у Ворониных, после готовился.

13 [апреля], четв. — Готовился к Никитенке и Фрейтагу. Для Фрейтага прочитал несколько раз неправильные глаголы. Находила некоторая тоска, потому что [не] надеялся на этого скота и думал поставит 4.

14 [апреля], пятн. — Фрейтаг меня вызвал четвертым от конца, и дело пошло ничего. Когда я читал, он так сказал, как обыкновенно:

«Non est lugubris elegia, non est ergo tali voce legenda!» — «Est naturae vitium» *, отвечал я; и, когда читал стихи (мне достались 19—34-й стихи 1-й элегии 1-й книги Тибулла, я прочитал из них все, кроме двух последних, которых не дочитал), в 31-м стихе вместо capellae — puellae **, это насмешило и я сам посмеялся. Фрейтаг поставил 5, это меня порадовало. Оттуда поехали вместе с Славинским к нему, чтобы готовиться вместе из 3-го курса. Читали до 8 почти часов, после я пошел к Иванову.

15 [апреля]. Экзамен Никитенки мерзко шел. Туда я переехал вместе с Казамбеком и несколько говорил с ним. Вышли мы с Корелкиным первыми, потому что Никитенко предложил самим выходить. Корелкин сел обдумывать, я стал отвечать и плохо, вяло, так что мне было совестно. Мне досталось (было так: теории — 2-й, 3-й, половина 1-го курса — смешаны вместе; история литературы снова вместе — 4-й и половина 1-го) «о высоком» из 2-го курса и «об исторических и пр. певцах нашей литературы», и я говорил о Несторе. Это оставило во мне неприятное чувство. Ушел к Ворониным, когда было 11¼, чтоб не потерять урока.

16 [апреля], воскр. — Несколько читал Срезневского (вечером предыдущего дня и до чаю в этот день прочитал весь 1-й курс, который меня ободрил, потому что все помню), 3-й курс сначала, и так скверно читал, что нашла тоска. Я, чтоб уйти от нее, ушел за тетрадями и, между прочим, для Ната, который приходил утром просить достать ему записки [по] истории русской литературы. Пошел сначала к Вас. Петр. — он готовится и говорит об этом с волнением. Когда вышел от него, пришло в голову разбирать его характер, и яснее, чем когда-либо, сознал, что у него воля весьма решительная, но слишком подчинена минутным волнениям. Напр., ему сказал Лерх, что экзамен гимназический весьма легок, — и вот он тотчас принял, [а] через две недели остынет. Оттуда пошел к Иванову, после к Залеману списать программу и сказать, чтоб отправил к Воронину Срезневского листки. После к Славинскому за Плетнева записками и своими книгами; все это достал.

17 [апреля]. — Рано встал, сначала читал несколько Фонвизина и хотел приниматься уже писать его, да не хочется, потому что выйдут общие места, уже известные раньше меня. Поэтому сел писать это. Теперь иду в университет за письмом, между прочим, для того, чтоб как будто в церкви был.

(Писано 2 мая, в 9½ час. вечера.) Ничего особенного не было до самого Срезневского экзамена. Тут, придя в университет, я получил письмо, в котором пишут, что ответ решительный на мое предложение дадут, когда я напишу, что хочу делать, а что места пусть я ищу и что это не помешает. После этого я вздумал, что мне должно хлопотать, и оттого все утро был пасмурен; дожидались по-

* Не печальная элегия, поэтому не надо читать таким голосом». — «Это природный порок».

** Вместо волосы — девушки.

печителя, поэтому экзаменовались медленно. Когда экзаменовался Корелкин, я сидел на стуле и стал обдумывать и, конечно, не обдумывал, а слушал. Корелкин говорил смешно и плохо, но с жестами; ему досталось о том, болгарское ли наречие церковно-славянское или нет. Попечитель похвалил; Срезневский воспользовался случаем, расхвалил и сказал, что он должен остаться здесь, чтоб продолжать заниматься. Попечитель отвечал: «Нет, пусть едет в Псков — на время нужно выехать отсюда». Когда я отвечал, Срезневский тоже выставил мои заслуги для него; мне это было неприятно, потому что они являлись ничтожными перед Корелкиными. Мне досталось о сербской народной литературе и о фонетике изменений русского языка.

Вечером я пошел к Срезневскому отнести его тетради и более, чтоб поговорить с ним о том, ехать ли мне. Кладя на стол тетради, я сказал: «Уж это как случится (показывая на 4-й курс), а это я возьму у вас, если останусь здесь (показывая на 2-й, который точно скверно написан), чтоб переделать». — «А останетесь ли вы здесь?» — «Как случится, я сам теперь не знаю, вот так и так». — «Если так, я могу попросить попечителя — Молоствов здесь». — Сам предложил, что за необыкновенно добрый человек! — «Теперь я не знаю, как вам и сказать, — если вы скажете, это, можно сказать, наверное получить это место¹⁹⁶, а это я сам не знаю, хорошо ли будет», — и ушел, потому что пришла жена.

Когда вышел оттуда, сообразил, что: когда остаться здесь, буду работать над словарем Ипатьевским, — это займет полгода, а ведь это все равно и там делать, даже лучше там, главное это меня заставило решиться. Но тоска была ужасная — с Петербургом расстаться и, может быть, навсегда остаться учителем там, но подумал о том, что буду писать повести и т. д., поэтому получу средства приехать сюда и т. д., и решил, что все равно. Все-таки тоска, которая и теперь не совершенно прошла, хотя как-то теперь мало. Вечером сидел с Любинькою и говорил отчасти о том, ехать ли мне, более о пустяках.

2 [мая]. — Утром пошел к Корелкину показать программу, а главное — спросить Эйнерлинга у Дозе, потому что хочу посмотреть, можно ли писать сличение летописи Лаврентьевской с Ипатьевской. После обеда передумал делать это; теперь снова хочу; нет, не буду, а буду писать Никитенке, потому что это короче и уже чисто для формы, а то какая-то половинчатость — не то ученая, не то пустая работа. У Воронина оставил программу. После обеда сходил к Срезневскому просить его о том, чтоб просил попечителя, и сказал, что в четверг буду у него сам. После читал Фонвизина для диссертации; теперь, кажется, начну писать, когда кончу это. День этот и предыдущий прошел скверно от раздумья. Теперь легче как-то, потому что решился.

(Писано 14 мая, воскресенье, 16 м. 12 ч. вечера.) 3, среда. — Был у Ворониных и, кажется, более ничего. Ничего не готовился

к Куторгину экзамену, а начал несколько думать, писать теперь для Никитенки, а не для Устрялова, потому что это заняло бы много времени.

4 [мая]. — Утром пошел к попечителю. Слишком рано, потому долго ждал на лестнице, после долго сидел, дожидаясь. Наконец, к 11 часам приехал Грефе. Скоро стал и принимать. Я думал о том, что шутил только, и что если это будет при всех, то нехорошо будет. Напротив, принимал у себя в кабинете, и как я сказал, что «место учителя в Саратове, и Молоствов здесь», он сказал: «Хорошо, я дам вам письмо, что знаю вас как хорошего человека. Да почему вам туда хочется?» — «Потому, что у меня там родители». — «Хорошо, приходите завтра».

Вечером сказал об этом Срезневскому, он сказал: «Все-таки, когда увижусь, я попрошу».

5 [мая]. — Получил письмо. Когда вошел, он стал писать, а перед этим несколько времени рассматривал другие бумаги, которые ему подали. Я стоял, вытянувшись в струнку и не шевелясь, так что самому казалось, что хорошо уж — что делать, подлость проклятая. Взяв письмо, тотчас пошел к Молостovu. Он был дома, тотчас вышел, когда я постучал передать ему письмо. «Какое же вам угодно место?» — Я сказал, — «Да я еще не получил об этом бумаги» — и вынес книгу, в которой показал, что записан у него в самом деле еще Волков. — «Он умер», — сказал я. — «Будьте уверены, что для Мих. Ник. я сделаю все, что могу. Теперь со мною здесь нет бумаг, поэтому я не могу ничего сказать, но для Мих. Ник. постараюсь найти вам место». — «Итак, я могу надеяться, ваше превосходительство?» — «Я не знаю, это место, может быть, я кому-нибудь уже обещал, но что могу, сделаю. Я увижусь с Мих. Ник. Вы когда поедете в Саратов?» — «Через месяц». — «Так и подадите и мне просьбу».

Я вышел несколько обрадованный: если так, я и не подам, конечно, потому что должен буду искать здесь место и верно найду, думал я, и незачем будет.

Суббота прошла так. Писал несколько и даже начал переписывать для Никитенки. Нет, это в понедельник уже.

7 [мая], *воскр.* — Был Ал. Фед. довольно долго. Наскучил до смерти. Несколько читал записки, только весьма мало.

8 мая, *понед.* — Был Вас. Петр., когда я писал Никитенке.

9 мая. — С этого дня начал готовиться. Нет, с понедельника, как ушел Вас. Петр. Я отлагал так долго и потому, что Срезневский мне сказал, что Куторга сказал про меня, что я учу наизусть; значит, думал я, должно не так хорошо готовиться, как я делал раньше. Теперь все зато уже остальное время готовился весьма прилежно, так что до 1 часу просиживал и т. д. Последний день просидел до 3 ч.; велел разбудить себя в 5, потому что не успел дочитать всего. Дорогою хотел дочитать, но шел дождь, поэтому дочитов 6 осталось дочитать в университете из греческой 1-го курса (конец финансового управления).

10 [мая], среда. — Хотя решительно некогда, все-таки был у Ир. Ив. Как бы влекло меня туда предчувствие, что нужно будет быть и что буду благодарен себе после за то, что был. Пришел. У него сидел Минаев с женою и Билярский. Мы говорили о перевороте у нас. Когда кончили они и я остался один, ко мне подсел Иринарх Иванович и сказал: «Сколько у вас экзаменов прошло, сколько осталось?» — Я сказал. — «Что думаете делать по окончании курса?» — «Просился в Саратовскую гимназию». Он с жаром стал говорить: «Не делайте этого, это значит губить себя — я сам на себе это испытал. Вы так много переменялись здесь, что не можете ужиться с теми людьми; для вас здесь это не заметно, потому что постепенно, а я испытал; я ехал, например, туда наслаждаться, а провел время в мучительнейшем состоянии. Не хотите ли в военно-учебное заведение?» — «Ах, если бы это можно было, это было бы весьма хорошо». — «И весьма вероятно, что будет можно. Я вам скажу по секрету: есть место учителя русской словесности в Дворянском полку. Ростовцев прочит это место Ксенофону Полеовому, но вы подавайте просьбу, напишите, что представите документы к назначенному времени, и все тут. Назначение в августе, до тех пор можно будет отдохнуть, а перед тем месяц заняться». — «Ах, я был бы чрезвычайно благодарен вам за это». — «Подавайте же». — После говорили о другом. Конечно, я вышел оттуда обрадованный и, конечно, не думал почти хлопотать, если бы даже было нужно, о Саратове. Но с нетерпением ждал экзамена: что-то скажет попечитель? Если ничего, — значит, я совершенно свободен, потому что Молоствов должен уже уехать и стало быть с ним не виделся, и, следовательно, мне не должно иметь твердой надежды на это место. Если скажет, что обещал ему дать мне это место, тогда, конечно, уже нечего мне делать, — можно сказать, что уже получил его. Я вышел первый и тотчас стал отвечать, между тем как Куторга обдумывал. Отвечал я без жара, но довольно развязно, так что шутил и заговаривал с профессорами, которых здесь был только еще Касторский. Но вообще делал довольно промахов, из которых главные: Дитмарсен — город (о Нибуре); первый сомневался в первобытной истории Греции Вольф (а не Винкельман), и позабыл, что плачущий* источник была мать, которая плакала о детях. Тотчас после ушел в почтамт, где получил письмо, в котором говорится, чтоб я оставался здесь. Это меня так растрогало (и обрадовало довольно много), весьма, весьма и растрогало, и развеселило, и я целовал его несколько раз, довольно без порывов, а в спокойном чувстве, когда шел по дороге оттуда к Дозе за Устрялова историею; оттуда в Штаб узнать форму просьбы; в университет после, где говорили о том, что Славинского нет, и дожидался я попечителя. Из всех (9 чел.) нас получил 4 один Залеман, другие все пятерки, но Залеман был в сильной печали, и я неловко обходился с ним, сказавши на его жалобы, что я не слышал, как

* Неразборчиво. Ред.

он отвечал. Дома за обедом получил письмо от Славинского и, вышедши, сказал мальчику сказать Як. Степ.; что он весьма, весьма дурно сделал, что не был в университете. Я думал, судя по тому, как говорил о нем Лыткин, что он не был потому, что думал, что не приготовился, а между тем экзамен был слишком легкий. После пожалел о том, что так сказал, потому что мог он подумать, что от этого может быть какая-нибудь неприятность. Когда пришел к нему, он сказал: «Зачем вы меня ругаете?» Он был, бедный, болен; мне так жалко стало его, так жалко, бедного. Я просидел несколько времени у него, рассказывая историю и весьма плохо, потому что так как предыдущего дня ночь спал плохо, да и в этот день не спал почти, то тяжелая чрезвычайно была голова. Оттуда к Иванову, у него даже стал засыпать.

15 [мая], воскр.— Утром писал несколько, несколько читал, проснувшись в 10 почты, потом в 12 пошел к Вас. Петр., который обещал дать свои стихи. Посидел у Иванова. У Вас. Петр. долго и с ненавистью, т.-е., лучше сказать, с желчью, говорил о Наполеоне, так что даже в самом деле в душе было чувство враждебное к нему, которое особенно усилилось и определилось, когда сказал я: «Ну, да, поклоняетесь ему, он идол, все равно, что Молох, которому приносили дочерей своих в жертву, так и вы приносите ему людей в жертву». В 7 ч. ушел, — конечно, стихов он не дал, — и ушел серьезно в возбужденном состоянии духа, с желчью, т.-е. не раздраженный, а так, что пробудились чувства.

Уже идя туда, думал о тайном печатном станке. Когда сел в карету¹⁹⁷, определились больше мысли и вздумал так, что если доживет теперешнее положение общества до того времени, когда я буду жить в отдельной квартире и будет у меня несколько денег, то едва ли я не буду исполнять своих планов, которые, между прочим, были и такие: если напечатать манифест, в котором провозгласить свободу крестьян, освобождение от рекрутчины (сбавку в половину налогов, сейчас вздумал) и т. д., и разослать его по всем консисториям и т. д. в пакетах от святейшего синода и велеть тотчас исполнить, не объявляя никому до времени исполнения и не смущаясь противоречием, и объяснить, что в газетах появится, в тех, которые будут напечатаны в день по отправке почты, чтобы дворяне не подняли бунта здесь преждевременно, когда народ еще не успел узнать, и не задавили государя. Потом придумал, что должно это послать и губернаторам; потом придумал, что должно не посылать его в самые ближайшие губернии к Петербургу, потому что если так, то могут, получивши оттуда донесения, послать курьеров, которые догонят почту в дальних губерниях до приезда их туда, в назначенное место. И когда думал, что тотчас это поведет за собою ужаснейшее волнение, которое везде может быть подавлено и может быть сделает многих несчастными на время, но разовьет таки и так расколот народ, что уже нельзя будет и на несколько лет удерживать его, и даст широкую опору всем восстаниям, — когда подумал об этом, почувствовал какую-то силу в себе решиться на это и не

пожалеть об этом тогда, когда стану погибать за это дело. Когда слез с кареты и пошел, пробудилась и та мысль, что ложь, во всяком случае, приносит всегда вред в окончательном результате, поэтому не лучше ли написать просто воззвание к восстанию, а не манифест, не употребляя лжи, а просто демагогическим языком описать положение и то, что только сила и только они сами через эту силу могут освободиться от этого. И когда подумал, — да как же ложь здесь принесет вред, а не пользу, — тотчас подумал, что так, что убьет доверие народа к воззваниям его приверженцев впоследствии времени.

Да и теперь чувствую себя не просто как за несколько часов перед тем, питающим различные нахватанные из газет мнения, которые делают его расположенным к социализму и врагом застоя и угнетения, а почувствовал себя личным врагом, почувствовал себя в измененном положении, так, как чувствует себя заговорщик, как чувствует себя генерал в отношении к неприятельскому генералу, с которым должен вступить завтра в бой, внутренне теперь почувствовал, что я, может быть, способен на поступки самые отчаянные, самые смелые, самые безумные. Посмотрим, что из меня выйдет при моей трусости и таком характере. Этот ток мыслей и эта перемена вся произошли в 8-м часу вечера, 15 мая 1850 года.

Писано 27 мая, в 9 ч. 52 м. утра, тотчас после чаю.

15 [мая], понедельник. — Ходил к Ворониным; устал и зашел к Ал. Фед., с которым был у Орлонда, для того, чтоб поговорить о платье; тот сказал, чтоб пришел через неделю.

16-го [мая], вторник. — Ходил подавать просьбу в Военно-учебный штаб. Писарь сказал, что должно в августе, а раньше не принимают летом. Хорошо, это все равно.

17-го [мая], среда. — Ходил к Ир. Ив., главным образом, чтоб сообщить о результате. Ничего особенного не было, только Милюков довольно много говорил о Бурачке, как подлинном фанатике. Я тут несколько вмешивался — слабость характера высказывается тем, что в этом обществе говорят против религии, и меня это заставляет говорить против нее, поддакивая, между тем как я занят не этими вопросами, а политическо-социальными и, собственно, насколько не враг настоящего порядка в религии, хотя, конечно, веры весьма мало.

18-го [мая], четверг. — Писал для Никитенки, как и в предыдущие дни; был у Ворониных, — это во второй раз на даче, на которую переехали они с 12-го, или это в первый раз, истратил 20 коп. сер., во второй 10.

19-го [мая]. — Кончил для Никитенки. К Устрялову еще не начинал готовиться.

20-го [мая], суббота. — Ходил в университет; оттуда к Никитенке пошел отнести «О Бригадире»¹⁹⁸. На дороге встретил у Полицейского моста Срезневского и пошел проводить его, разговари-

вая с ним. Сказал ему, что не должно просить о поездке в Саратов. — «Что же, вы станете держать на магистра?» — «Конечно, но по чему — не знаю, должно быть, придется по вашему предмету», и поговорил несколько об этом. Наконец, он сказал, чтоб я сделал замечания на его курс. Я сказал, что путного из этого ничего не выйдет, но сделаю. — Никитенки и прислуги его не застал, но это ничего, потому что узнал, что они живут здесь.

22-го [мая], понедельник. — Конечно, у Ворониных, как обыкновенно. С воскресенья начал решительно готовиться к Устрялову, несколько даже и в субботу, и все читал. В воскресенье Вас. Петр. не был, чему я был несколько рад.

23-го [мая], вторник. — Тоже читал для Устрялова, но ходил отнести к Никитенке. Слуга сказал, что он заедет домой в час; я пошел к Иванову, дожидаясь до почти часу, пришел и сел его дожидаться, читая лекции Устрялова, которые со мной в кармане были. Пришел Никитенко и взял тотчас.

24-го [мая]. — Снова читал Устрялова, и несколько, как обыкновенно, ругал себя, что так поздно принялся — не успею приготовить, как должно, но ничего.

25-го [мая], четверг. — Снова был у Ворониных — это в четвертый раз. В третий вышел поздно, поэтому нанял [извозчика] за 30 к. сер. туда, оттуда пришел. Теперь туда в карете, оттуда до парка за 10 к., итак всего 80 к. сер. Меня просили быть у Билярского*.

26-го [мая], пятница. — Не спал до часу по обыкновенной привычке. Велел разбудить в 5 [час.] и дочитал, что должно было повторить, т.-е. новую историю после Петра, хотя конец только дорогою. Пришел в университет, — там сказали до часу должно погодить. Я, чтобы не тратить времени, сходил к Билярскому**, не застал; пошел заказывать платье. У меня было 33 руб. сер. (30 получил в последний раз у Ворониных, 3 тоже оттуда), зашел к Орлонду, — нет его самого; поэтому к другому, Duflos — там 20 руб. сер. за фрак, после к Моогге, «Мор», который в доме Ольденбурга; его не было дома, вышла жена, которая весьма показалась мне хорошенькою, т.-е. так в немецком роде это, как будто из сахарной муки, белая, нежная и розовенькая, и я посмотрел на нее с удовольствием и когда сходил, думал: как много порядочных собою женщин, которых можно любить. Оттуда к J. Schmidt в доме, где Buhre живет, и там нашел ужасного старика, вроде часовщика, которому не хотел заказывать, потому что уже слишком стар и плохо сделает, но он взял мерку, я не захотел противоречить, и он снял для фрака (8 р.), жилета и брюк (по 2 р.), итак, всего 12 руб., а между тем у Орлонда 16 было бы, так 4 руб. сер. разницы. И когда выходил, почувствовал как бы сознание, что это главным образом отдал ему по двум причинам: [1] что сошьет не

* Неразборчиво. Ред.

** Та же фамилия, как и выше.

модно, а именно так, как мне нужно, т.-е. довольно аляповато, и 2) что главное, это демократическое чувство: не хочу, чтобы эти свиньи, которые завалены работою, получили еще от меня, — должно поддерживать тех, которые не имеют лишней. Ведь это смешно, а серьезно это чувство было. Пошел к Калугину, купил материи: сукна 2½ по 5; трико 7 р.; жилет, атлас 3 р. 50 к.; подкладка для фрака 1 р. 50 к.; для жилета 40 к.; итого заплатил 24 р. 90 к. Отдал J. Schmidt'у и дал 5 р. задатку; он не хотел взять, и это окончательно подружило нас, так что теперь мы самые короткие и сочувствующие друг другу люди, и я в жару чувства даже пожал ему руку. Сказал, что будет готово в среду.

У Устрялова снова дожидался и, наконец, вошел в аудиторию. Там экзаменовался Корелкин, сидел на стуле Славинский, и мне стало досадно, что я не вошел раньше — это следовало бы мне, может быть, потому что видно, что для министра, который тут был, вызывали лучших. После ориенталистов, наконец, после Залемана — меня. Мне достался 7-й билет — Екатерина I и Петр и 13-й — междуцарствие. Междуцарствие я говорил довольно ничего, но распространялся невпопад, между тем как Устрялову всегда хотелось прямого и положительного краткого ответа, и говорил об условиях, Татищеве и т. д., чего, может быть, ему не совсем хотелось. Это была неловкость и рассеянность с моей стороны, а между тем, когда при выходе Козловский похвалил за это, как будто я сделал это с намерением, что говорил об избрании с условиями и т. д., то я почувствовал большую приятность. А когда говорил о Екатерине, то не так отвечал на вопрос Касторского, кто был наследником до [17]22 года: я сказал — Петр II, а был Петр Петрович, сын Петра I. Так что я был недоволен своим ответом. Когда выходил, попечитель мне в дверях сказал: «Очень хорошо». Поставил всем 5 — это весьма хорошо. А Славинский отвечал превосходно об Иоанне III и после развитие Петра, которое я читал ему, за чем он приходил ко мне в среду вечером; это весьма меня порадовало, что ему пригodiлось к делу; отвечал превосходно он, лучше гораздо всех.

Из университета стал читать L. Blanc, 3-ю часть *Histoire de dix ans*, которую читал урывками и перед экзаменом, что много мешало приготовлению, и теперь дочитал все — здесь говорится о сен-симонистах и их процессе и, признаюсь, сделало на меня впечатление весьма большое и показалось, что чем же *Enfantin* отличается от Иисуса Христа? Может быть степенью, но не прочим, такой же глубокий и почтительный энтузиазм возбуждает к себе, и в этом спокойствии и хладнокровии, с которым отвечает на отречения от него — тоже много сходного, это смирение, проистекающее от сознания, что неизмеримо выше отречающихся — тоже. И вообще это чрезвычайно трогательно. Вечером разбирал бумаги до часу.

27-го [мая]. — Встал в 9 час.; после чаю стал писать это; те-

перь иду к Вас. Петр., Славинского за книгою, Залеману за программой. Теперь 35 м. 11-го.

Снова пишу: сколько еще нужно для платья? Теперь истрачено 34 р. 90 к.

Пальто	10—20
Сюртук	22—28
Другой жилет	7
Другие брюки	9—10
Галстук	5—5
Другой	5
Манишки	4—5
	<hr/> 50—80

Из этого можно отложить сюртук, другой жилет и брюки; остается пальто, галстук, манишки — 19 р., да шляпа 5 р. сер. и перчатки 1 р., всего 25.

Это писано в четверг, 1-го числа, в половине второго дня. Весьма что-то тоскует сердце, главное — не знаю отчего. Я думаю — от неверности положения, которое предстоит, и оттого, что не знаю, ехать ли к своим, или переходить к Ворониным. А предлогом выбираешь экзамены, т.-е. из новых языков, которые я не знаю, как держать, потому что не говорю по-немецки, и вчерашнюю отметку, и что не кончу первым и т. д.

27-го [мая]. — Пошел к Вас. Петр.; там перестраивали комнаты. Просидел два часа и говорил о Наполеоне и т. д. Он вспомнил, что я сказал в предыдущий раз, что сделался его врагом, и стал говорить об этом, и я говорил с сердцем или, как это сказать, с тяжелым расположением духа, так что вышел от него довольно расстроенным. Он, когда говорил, совершенно не понимал меня. Сказал, что видел Славинского, говорил с ним о том, кто кончит первым кандидатом, что это его весьма занимает, как видно. Я подумал, что если придется мне, то шутя я уступаю ему. После к Славинскому, от него к Иванову.

28-го [мая], воскресенье. — Приходил Вас. Петр., я ему был весьма рад; и после весь почти вечер сидел со своими.

29-го [мая], понедельник. — Славинский прислал листки Неволлина, но не те, которые мне нужны были, поэтому должен буду пойти к нему завтра. Готовился к Грефе и весьма казалось легко.

30-го [мая]. — Кончивши приготовляться к Грефе, разобравши все весьма хорошо, отнес Славинскому книгу, чтобы взять у него листки Неволлина. Ему самому были нужны, поэтому решился после. Долго не мог уснуть, потому что слишком кусали клопы, рано лег и все пролежал часа два так.

31-го [мая], среда. — К Грефе. Вызвал меня, так что я отвечал первым. Мне достались 1—21-й стихи, у Штейнмана 13-й билет о философии и Демосфене. Я, как кончил, пошел в библиотеку, там получил билет, отдавши книги, и к счастью нашел там этого

несчастливого Гундулича, с которым не знал, как разделаться; как он туда попал, не могу придумать. После всё в дежурной комнате говорили о различных предметах, главным образом о правительстве и т. д., и я говорил весьма охотно и с большим жаром. Также говорил и Дмитриев об их странах, это также любопытно. Вдруг говорят, что мне поставлено 4. Не знаю, как, это на меня как-то дурно весьма подействовало, так что, я думаю, я выказал несвязность или ошеломленность в своих словах, да и в самом деле этого нельзя было ожидать, потому что, конечно, я отвечал не хуже других. Конечно, это потому, что не ходил круглый год ни разу к Грефе, и не знаю — мне как-то отчасти и несколько приятно было, что не получу права первого и как-то более определяется положение: служить нельзя, поэтому, конечно, должен быть учителем и держать на магистра; а за Славинского я был серьезно доволен, потому что понимаю, как много ему этого хотелось и какую радость, должно быть, это ему доставит, что теперь он кончает первым. Seriously, это было причиною некоторого довольства для меня, и теперь я чист как-то перед Грефе — уж и ценил же я его, — ведь говорил так, что если б он знал мое мнение о нем и о пользе греческого языка, то и не мог бы поставить более. Оттуда к Славинскому, где стал списывать листки Неволлина; так прошло почти до 8 (это списано там, что карандашом). Когда [шел] оттуда, ужасный дождь промочил до самых костей и вымочил его книгу, которую взял я у него готовиться к немецкому экзамену; это нехорошо. Спал как нельзя лучше, но и теперь что-то голова тяжела.

[Июнь]

1 июня, четверг. — Как встал, после чаю стал читать историю немецкой литературы. Довольно плохо шло это дело, весьма глупо писана она, так что это много содействовало тоске. После обеда, т.-е. почти теперь же, иду к Вас. Петр. и Иванову.

2 июня, пятница. — Был у Ворониных, там сказал, что если не оставят времени мне, то я теперь же скажу, что приму их предложение, а если можно, то пусть оставят до следующего раза, когда получу письмо¹⁹⁹. Хорошо. — Я думал: смотря по деньгам — если будет довольно для одежды, поеду; нет — нет.

3 июня, суббота. — Получил 150 р. сер., себе 100, Любиньке 50. После этого, конечно, должен ехать. Зашел сказать об этом Вас. Петр. С ним пошел, посидел в Пассаже. Начал несколько читать Неволлина.

4 июня. — Был Вас. Петр., особенного не говорил ничего. Вечером читал Неволлина.

5 июня. — У Неволлина вышел отвечать первым, и как в прежние разы, когда первым (у Никитенки, Грефе) вышел, отвечал весьма хорошо, но глупость делал, что все останавливался, когда он писал в списках (достался 9-й билет о формах права

при татарах); думал, что 5, — поставил 3. Корелкин, который [экзаменовался] после меня, сказал это. Я подошел к нему и сказал, он сказал: «Возьмите билет, вы более не стоили». Взял 15-й. Когда сидел, сжало грудь, как прошлою весною. Отвечал о Своде законов. Поставил 5, чего я не ожидал. Я тут собирался поблагодарить его дома и предложить свои услуги для поездки в Москву. Дома читал Историю немецкой литературы.

6 июня. — Утром пошел к Эльснеру экзаменоваться. Стал писать сочинение, поправил Лерх, вышел к нему. «Не могу принять его». — «Почему?» — Сказал, чтоб я переводил и т. д.; ausübt, говорит, должно, не übt. Наконец, говорит: «Более 3 не поставлю». — «Более не хочу я». Так глуп ужасно. Теперь смешно — что за дурак я, и поблагодарил еще его, а он глупый педант, хуже Фрейтага только. — «Не хочу мешать» — так глуп. Литературы не нужно было. После домой; был у Доминика. В газетах ничего нового. После взял платье, купил фуражку. Пришел домой, посидел с Любинькою, после стал переписывать статью для Никитенки. Пришел Ал. Фед., ничего особенного. Теперь ложусь. Еду 12 — 13-го этого месяца.

Писано 15-го в 6 ч. утра. — 7 июня, среда. — Был у Ворониных в мундире. Идя оттуда, купил в доме Жукова:

Пальто	14 р. сер.
Галстук	3 „ 75
Манишку и перчатки	2 „ сер.

	19 р. 75 к.
Раньше платье	24 „ 90 „
	12 „ — „

Всего платье стоит . 56 р. 65 к.

да фуражка 1 р. 50 к. Теперь нужно: сюртук 25, жилет 7, брюки 9 = 41 р. сер., шляпа около 5.

В этой одежде был я вечером у Ир. Ив., где снова говорил он мне о месте в Дворянском полку, поэтому я должен приехать в первых числах августа, чтоб успеть захватить его. Не сказывал об этом из своекорыстия Вас. Петр. до вчерашнего дня (14 числа). Когда надел штатское платье, был весьма рад.

8 [июня], четверг. — Снова писал Никитенке.

9 [июня], пятница. — Снова писал Никитенке.

10 [июня], суббота. — Отнес утром Никитенке. После, конечно, к Ворониным, где сказали, чтоб я привел вместо себя учителя. Я не посмел предложить Вас. Петр. (о котором раньше намекал только), а предложил einen Studenten, Благосветлова, которого в этот день не мог найти адреса, 11-го поэтому был в университете, оттуда к нему, чтоб отыскать его. Вечером был Вас. Петр. В понедельник утром с ним на дачу. Заплатил туда и оттуда 60 к., да 15 к. должен был употребить на апельсины, чтобы разменять, а урока не было, как я надеялся, поэтому оттуда к Срезневскому с

машиною, которая в час отходит. Там обедал. Довольно нехорошо прошло это время у него, — ему, конечно, было скучно; сказал, что придет письмо к матери.

13 [июня], вторник. — Да, в воскресенье взял место на 15-е в первом заднее²⁰⁰ за 21 р. сер., во вторник подал просьбу о билете и пошел к попечителю просить о Сашеньке; велел подать записку. Вечером читал L. Blanc, чтоб дочитать.

14 [июня], среда. — Отнес книги к Славинскому и поцеловался с ним. Был у Ворониных, но поздно, поэтому не было урока, а дали за 14 уроков 20 р. сер. Перед этим был у попечителя, который сказал, что спросит о нем у Молодцова²⁰¹, — если хорошего поведения, то хорошо. Зашел к Вас. Петр.; которого просил к себе, сам пошел к Иванову, — нового ничего.

Вечером пришел Вас. Петр. и был до 9. Перед прощанием я говорил несколько от души и несколько растроганный, особенно оттого, что ведь бог знает, застану ли его здесь по приезде. Вечером уснул, сам не помня хорошо.

Так кончается моя университетская жизнь.

В Саратове буду делать словарь к Ипатьевской [летописи] — думаю сделать страниц на 60—70, может быть, 90 (едва ли); приехавши сюда в первых числах августа — хлопотать, о месте в Дворянском полку и приготовиться на магистра.

Что-то будет впереди? До сих пор время шло довольно дурно от слабости характера — должно быть то же будет и впереди, но не хотелось бы кончить это худым предвещанием, лучше дай бог быть утешением для моих папеньки и маменьки.

13 минут 7-го часа 18^{VI}₁₅ 50.

Запечатавши это и напившись чаю, иду к Ал. Фед. отнести эти бумаги, которые должно будет прочесть, и к Ив. Вас. взять его письмо и свои перчатки.

(Писано в церкви 29 июня 1850 г. у ранней обедни²⁰².)

15-го утром отправился хлопотать по билету и т. д., купил с Ив. Гр. маменьке на платье персидской материи за 20 р. сер. Когда шел туда, мне показалось нехорошо, что Любинька заставляет Ив. Гр. посылать только ее сестрам и ничего не оставляет для его сестры. Я сказал ему об этом и сказал, что скажу Любиньке, чтоб одну шляпку вместо ее сестры Поленьки отдала сестре Ив. Гр. Воротился домой и сказал ей. Она так и уперлась. В два часа вышел, взял извозчика, поехал. Еще было время, поэтому ходил в Сенат, где не застал Ив. Гр., и в университет, где просил Савельича отправлять Терсинским письма. Когда был в конторе, служил переводчиком одному, который не говорил по-русски, а только по-немецки.

Сели, поехали. Со мною сидели трое: старик-немец из Либавы, должно быть, учитель, дочь купца, весьма нехорошая собою, и немка лет 28—30, которая сидела против меня. Собою была она

как-то завялая и с немецкою формою лица, но иногда казалась хороша, особенно когда засыпала, — тогда нижняя часть лица, которая обыкновенно казалась слишком длинною, принимала почти красивый округленный вид и тогда можно было списать с нее портрет. Сначала я сел с такими мыслями, что можно будет, когда она заснет, сделать, что бывало делаю я — пощупать. Так продолжалось до вечера. Но верстах в 120 от Петербурга я был вовлечен в разговор их с немцем (это было уже 16-го утром) и нашел, что она весьма образованна и т. д. и бросил игривые мысли, но и почувствовал симпатию к ней. Наконец, вдруг пода-ла она мне свой билет на проезд, в котором сказано, что девица Напан едет в Россию для вступления в брак с доктором богословия Carl Crüger; так все мысли о стремлениях несообразных уничтожила, и я стал ее величайшим доброжелателем, и до Новгорода мы решительно подружились. В Новгороде вышла девица, чему я был рад, потому что весьма нехороша. К нам сел купец Доброхотов, который тотчас же с купеческою развязностью стал обращаться со всеми и разговаривать через меня с другими; наконец, под вечер, выпив 2—3 рюмки, стал петь песни. Я устроил для Гаман так, чтобы можно было ей спать как на постели, положил между ее и своим местом подушки и ее мешок внизу, так что выходило вровень с нашими местами, потом уговорил ее положить ноги на мое место, а сам приютился на краю. Было довольно неловко, но я счел своею обязанностью так сделать и был рад, что успокоил ее несколько, она была весьма благодарна.

17-го [июня], субб. — Купец пересел от нас в другое место, которое опустело, к другому купцу; я пересел на его место и мне стало покойно, как раньше, а Гаман могла спать покойно, как предыдущую ночь.

18 [июня], воскр. — Приехали в 6 ч. Ее встретил у заставы жехних. Когда прощались, она мне крепко пожала руку, так что в самом деле считала меня оказавшим ей услуги, просила быть у них, когда я стану ворочаться. Я переехал с Доброхотовым на Шуйское подворье по 40 к. сер. в день. Пошел узнавать по подворьям о попутчиках и пошел в гостиницу Шевалдышева — Срезневского мать там, но уехала к Троице, а попутчиков нет. Оттуда идя, зашел в кондитерскую посмотреть, какие там есть газеты — столько же, сколько в Петербурге.

19, понед. Утром пошел к Кириллу Михайловичу, обрившись на дороге в первый раз в жизни. Они приняли весьма ласково, требовали, чтобы я переехал к ним, я не согласился, — ну, по крайней мере, чтоб пришел обедать — хорошо. Ушел к Срезневской и вместе с тем отыскивать Григ. Степановича Клиентова, имя которого позабыл. Срезневской не было еще. Пошел искать Гр. Степ., но искал Воскресенья без присоединения «Словущего» и вместо него приходил два раза к «На Арбате», или «На свражках», так что хотел уже бросить, но к счастью не бросил, продолжал искать, наконец, нашел. Подхожу, постучался — выходит

Александра Григорьевна. — «Ах, это вы, Николай Гаврилович». Я с чувством поцеловал ее руку. Она была весьма рада, я также; сели. — «А у нас какое несчастье, Ник. Гавр., — сказала она, — у нас теперь осталась только Настенька, все другие умерли — Антонина, Серафима, Марфа». — Признаюсь, на меня это действовало как-то довольно даже хорошо: «Ну, теперь осталась ты почти одна и отец должен будет обращать на тебя больше внимания и любви», — так велик эгоизм. Стала говорить о своих делах с полчасу. — «Вы нисколько не переменились», — сказала она мне. Она похорошела, так что показалась мне красавицей, и пополнела, что меня весьма порадовало.

Продолжаю в то время, когда наши у ранней обедни, 8-го числа в 7¼ утра (должно переменить чернила).

Итак, я пришел к Клиентову. Она стала расспрашивать меня о Петербурге, я отвечал весьма мало и нехорошо, потому что не знал хорошенько ничего из того, о чем она спрашивала, и так прошло с полчасу. Тогда пришел Гр. Степ. и через несколько времени, видя, что я от нечего делать перебираю в руках «Кто виноват?», лежавшую на столе перед диваном, сказал: «Вот как Сашенька была рада, что нашла эту книгу, которая пропадала 2—3 года, — ей она была подарена ее приятельницей, женой Искандера». — «Так вы ее знали?» — спросил я ее. — «Как же», — и теперь она сказала, что воспитывалась вместе с нею, что он и она дети двух братьев, генералов Яковлевых; она была самым лучшим другом ей; он увез ее и женился на ней. «Так вы его знаете», — сказала она. — «Как же не знать, — сказал я с своим обычным энтузиазмом, — я его так уважаю, как не уважаю никого из русских, и нет вещи, которую я не был бы готов сделать для него». — «Так расскажите что-нибудь о нем». — Я стал говорить о его сочинениях, что знал, и когда кончил, пошел к Колумбовым обедать, обещавшись придти к ним напиться чаю в 5 час.

У Колумбовых за обедом всё говорили, чтоб я перешел к ним и, наконец, после обеда заставили меня перейти к ним. В перевозке прошло время до 6 час., а после этого я тотчас побежал к Ал. Григорьевне, которая восхитила и пленила меня.

Я просидел у них часа два. Она вынула для меня письма к ней от жены Искандера с его приписками. — «Я хотела показать вам, что она достойна его». — «Помилуйте, Алекс. Григорьевна, для того, чтобы быть в этом уверена, довольно было знать, что она ваш друг». Она не умела отразить это, как хотелось ей, и только сказала: «Ах, вот вы говорите комплименты». — «Нет, Ал. Гр., не комплименты». И я тогда говорил в самом деле от души и даже наворачивались слезы.

Он пришел и повел меня показывать мне свой дом, — это меня порадовало, что теперь у Ал. Гр. есть хотя до некоторой степени верный кусок — его дом приносит 650 р. ассигн. Я хотел списать план его дома, но он отнял. — Мы снова говорили с ней об Искан-

дере, русской литературе, о том, что делается с ее братом, который во Владимире учителем, и т. д. — Я говорил постоянно с энтузиазмом к ней. Что возбуждало этот энтузиазм? Конечно, главным образом, ее несчастная участь, которую хочу теперь описать в повести. «Ты не должна любить другого, нет, не должна; ты мертвецу святыней слова обручена», — вот что, — это доходило до того, что я, пожалуй, готов был жениться сам на ней, лишь бы избавить ее от этого положения.

В 8 час. зашел к Срезневского матери — застал ее, наконец; с полчаса посидел у нее. Вечером ничего порядочного не было.

20-го утром завел меня Кир. Мих. в канцелярию генерал-губернатора, где я взял подорожную до Пензы по совету Анны Дмитр., да и самому это приходило в голову, потому что когда рассчитал, денег было мало (недоставало до 5 р. сер. по моему тогдашнему мнению, после оказалось, что несколько больше, и без Шпанова я должен был бы истратить деньги Введенского и еще взять у Ивана Фотича), что потом стало для меня источником беспокойства: что, как станут брать на тройку без подорожной? Так что когда увидел, что денег у меня несколько останется, ругал себя, что не взял до Саратова.

От генерал-губернатора зашел к Александре Григ. и снова говорил с нею от души. Особенно о ее брате говорила она. — «Но что ж, Ал. Гр., говорите вы только о других, а ничего не говорите о себе». — «Ах, Ник. Гавр., это слишком щекотливо». Я вышел от них в восторге, снова, как прежние разы, и перед прощанием сказал ей: «Конечно, я, может быть, никогда не буду иметь случая доказать на деле то, что я говорю вам, Ал. Гр., но вы всегда можете требовать от меня всего — я все готов для вас сделать; я не знаю, почему это, но ни к кому никогда не чувствовал я такого сильного расположения, как к вам». Но должно сказать тут же, что когда я взглянул и увидел, что у нее зубы не белые и не хороши, это подействовало на меня неприятно; значит, основание всегда материальное, и не будь она хороша собою, несчастная участь ее не подействовала бы на меня — я в самом деле чувствовал к ней тогда весьма сильную привязанность. Конечно, это было большею частью фальшиво развито силою воображения, для драпировки своей жизни сильными ощущениями, но основание было истинное, и это истинное было уже довольно сильно; довольно привести одно, что после, когда я ехал вторую или третью станцию (да, третью станцию, первую на следующее утро, в четверг) и думал особенно о ней и о повести, которую я напишу из ее жизни и посвящу ей, и придумал, как начать — посвящением, в котором скажу о том, как я ее спрашивал, почему она ничего не говорит о себе и т. д. — так вот же вам доказательство, что главное известно мне, то мне так сильно хотелось бы видаться с нею чаще, что я жалел, зачем мне нельзя жить в Москве, а этого чувства никогда не рождалось во мне для Вас. Петр., когда я думал о том, что мне придется переехать в Саратов: разлука с ним и не

входила в число мотивов, которые делали на меня прискорбное впечатление.

Итак, я вышел от них, занес подорожную Кир. Михайловичу в Прокурорскую. Лошадей не было, поэтому после обеда я взял вольных за 1 руб. 50 к. сер., выехал в 6 час.; на первой станции не было лошадей (приключение с собачкою), поэтому за 1 р. сер. еще станцию, после всегда лошади были до самого Владимира.

21 [июня], среда. — Во Владимире сказали, что лошади будут только в 7 часов, а я приехал в 3, поэтому пошел к Петру Гр., которому дали письмо и просфору, оставил их у него в квартире (которая довольно плоха), зашел в семинарию сказать ему о себе и когда можно его видеть. Вышел он вялый, глаза оловянные, язык «гугнивый» — что это за брат Ал. Гр.! Нет, женщины несравненно выше мужчин. Тут нашелся попутчик Шпанов. (NB: когда я увидел эту фамилию на подорожной, вспомнил о петербургском столкновении с ним через Михайлова.) Сначала счел я его знатнее, чем он на самом деле.

Ехал с ним до субботы вечера до Саранска и переносил его наглость и надменность, хотя это возмущало меня, потому что необходимо было, для того, чтоб остались деньги, а то для меня было весьма неприятно: останавливался, не спрашивая меня, даже не сказавши мне предварительно, и, ехавши с ним, я потерял более суток, но предчувствовал, что возьмется с него на одну лошадь, и необходимо было это, чтоб достало денег. Выгоды от этого были такие: 415 верст и около 25 станций, таким образом —

прогоны на лошадь	6 р. 23 к.
за телегу около	3 „
ямщикам около	1 „

Конечно, рубль я отдал его Ефиму, но 9 р. сер. остались в кармане. Когда расстался с ним, ехал без малейшей остановки, приплатив за телегу почти до Пензы; после должен был давать на чай зрителям, но везли на паре, и привез домой 5 р. 40 к. сер.

В Кондале был у Ив. Фотича более трех часов; [он] напоял чаем и сказал, что папеньки нет дома, поэтому я не стал так торопиться, чтоб приехать домой в 7 час. утра, как хотел раньше, чтобы застать папеньку дома. В Кондале был от 12 до 4 в воскресенье, 25-го, и плакал вместе с Ив. Фот. о его участии²⁰³; впечатление, однако, не совсем — пахло, как мне показалось (пришли наши и только dokonчу несколько строк), вином (теперь только вздумалось, что это была брага). Но было приятно весьма то, что говорил он более о папёнке и неприятностях, которые через него получил он, чем о себе. Теперь кончаю. Да, почти во всю дорогу до Пензы думал об Алекс. Гр. с энтузиазмом, и раньше, чем встретился со Шпановым, о недостатке денег, после встречи вместо того и о том, что глупо не взял подорожной. При взгляде на Пензу перекрестился, потому что был в умилении, потому что это

родной папеньке город; после ничего и домой подъезжал без особого волнения.

(Писано 9-го, снова когда маменька была у обедни.) Итак, я подъехал к дому. Вхожу — меня встречает Варенька. Она весьма переменялась и не так хороша, как я думал.

(Писано 10-го, когда пьет чай Варенька, а маменька как обыкновенно ходит все и прибирает.)

26-го [июня], понед., в 8 час. въехал в дом... Варенька разбудила Сашеньку, — этот вырос так, как я никогда не мог ожидать, и голос его весьма погрубел, так что он говорит ужасным басом. Через несколько времени входит маменька, которая была на базаре. На меня произвели они весьма неблагоприятное впечатление, потолстели и взошли в комнату так, как ходит Райковский, — и тотчас же началось целование, но не так много, как я думал. Однако в первый день маменька были слишком рады, так что как будто были несколько в восторженном состоянии. Я смотрел на них по их полноте с неприятностью, которая теперь, однако, почти совершенно прошла и остается только тогда, когда они идут по улице.

Продолжаю 12-го, день своего рождения, в 12 часу.

Буду вообще описывать свою жизнь здесь не по дням, что пере-забыл уже.

У Фед. Степ. был два раза, он также у нас 3. Перемен нет, только Ал. Як., которую видел в другой только раз, когда был у них, хорошенько, весьма нехороша собою.

У Алексея Тимофеевича ²⁰⁴ был, и он у нас — странно узкий образ мыслей у него, — видно, один из последователей Бурачка.

После этого, около 1-го числа, приехал папенька. Как-то странно снова мне показалось, зачем так полнеет и т. д. (зубы, что должен повторять, что иногда не так говорит).

С Варенькою иногда говорил, рассказывал ей различные вещи, напр., и ныне о Славинском, Залемане, Полетике.

Фед. Устиновича видел довольно часто и сначала по общему правилу с благоговением преклонялся перед его умом и познаниями, теперь менее и менее, особенно, когда вчера увидел Гусева, которого он весьма хвалил и который довольно пуст = ограниченный человек.

Раз был у меня племянник Иринарха Ивановича.

Распространяю здесь довольно много свои мысли.

Виделся несколько раз на этих днях с Мих. Вас. Альбокринским — это славный человек, совершенно не переменялся, должен быть у него.

Раз купался, когда не застал Фед. Устиновича, и потерял очки в воде; дома не сказал и купил тотчас [другие], однако, гораздо хуже тех.

Время проходит довольно скучно, потому что нечего читать и нельзя почти писать — всё сидим вместе с маменькою.

Все собираюсь писать повесть об Ал. Гр. и начну в самом деле.

Саша, должно быть, едет со мною.

Меня отпускают в самом деле в Петербург.

Папенька ни о чем не заговаривает, что мне весьма, весьма нравится, весьма, весьма.

Начинают накрывать на стол.

Нынче дочитал «de l'Esprit»²⁰⁵, — весьма много мыслей, до которых я дошел «своим умом». Человек весьма умный, но для нашего времени слишком много поверхностного и одностороннего, и многие из основных мыслей принадлежат к этому числу, т.-е. особенно те, которые противоречат социалистическим идеям о естественной привязанности человека к человеку, т.-е. одна сторона эгоизма только выставлена — свое счастье, а то, что для этого счастья необходимо обыкновенно человеку, чтоб и окружающие его не страдали, это выпущено из виду.

(Писано в Петербурге 12 августа 1850 г. в 9^{3/4} ч. вечера.)
(Первое, что я пишу в Петербург, если исключить адрес Ив. Гр., записанный в сенате.)

Итак, буду описывать свое житье в Саратове.

Происшествий замечательных было не так много, поэтому больше буду писать общих очерков.

Папенька сначала, когда приехали, сделали на меня некоторого рода неприятное впечатление тем, что мне показались пополневшими до неловкости, и тем, что говорят уже не чисто, потому что выпыпадали зубы; после решительно ничего, так что стали смотреть лучше прежнего. Их иногда не совершенно приличные в данном положении (грубоватые-циничные) объяснения тоже почти ничего. Но как добры! до невозможности. Напр., сколько я противоречил, чтоб не делали мне в Саратове платья, наконец, согласились на это, но все-таки купили мне всего, чтобы я тут сшил, и даже хотели купить гораздо более, чем было нужно. Я, когда ехал, опасался за разговоры о деликатных предметах (религии, правительстве и т. д.), но, во-первых, они ничего не говорили первыми об этом, так что когда говорили, то начинал я, а расспросов не было, которых именно я и боялся; во-вторых, мог высказать довольно много, и по неопытности в этих мыслях не производили они на них такого впечатления, как бы можно было ждать.

О маменьке писал. Только когда стал прощаться, еще больше прежнего понравились мне и сделали глубокое впечатление.

Около 20-го числа, когда я уже боялся, что не приедут, приехала тетенька с Сашею, Полинькою, Сережею, Петею.

Полинька выросла и походит на ту сестру Над. Ег., которая нравилась Вас. Петр. Я все сажал ее на колена, разговаривал и целовал в личико и несколько раз, когда заметил сладость, большую сладость этого, в плечо и шейку и при этом последнем

на губах чувствовал несколько чисто физического сопротивления. Часто целовал и ручки.

Сережа весьма боек, не так как мы с Сашею, и рассуждает с маменькою, тетенькою и сестрами, не уступая ни слова, и поддепляет их, где промахнутся.

Мне было жаль, что маменька заставляют скучать Вареньку, не вывозя ее никуда, и сами от этого предаются еще более горести и тоске. И поэтому я все уговаривал их выезжать и все тоскливо говорил им о том, что не следует столько тосковать, что это нехорошо. После, когда я расстался с ними, я слишком жалел о том, что придал такой мрачно-тоскливый колорит своему пребыванию у них и вообще все делал им выговоры, весьма жалел о том и теперь жалею.

В последние дни был у меня Промптов, которого уволили из Академии за болезнью, — такие мерзавцы, но мне вообще было скучновато его общество. Был за два дня до моего отъезда и Голубинский, который рассказывал о своей женитьбе и службе и тоже довольно наскучил, особенно потому, что хотелось посидеть это время со своими вместе.

На другой день были Палимпсестовы. — Тоже.

Теперь об отъезде. Мы ²⁰⁶ хотели ехать на пароходе и тогда бы, может быть, взяли одну из сестер.

(Продолжаю 13-го, в 7 ч. утра, дожидаясь чаю и воды для бритья.)

На одном пароходе не могли мы ехать, потому что он не оставался почти в Саратове — пришел поздно вечером и ушел ночью, а на другом потому, что там свободных мест одна только каюта, которая стоит 50 руб. сер. Папенка сам туда ездил, чтобы узнать это. Наконец, положили выехать 25-го числа поутру (вторник).

25 июля встали рано, стали убираться. Мы с маменькою довольно плакали, т.-е. они много, я более, чем думал, что буду.

(Писано 16 авг., в 11 ч. утра.)

Так мы сбирались и плакали, наконец, в 8 час. поехали. Нам давали на дорогу съестных припасов (варенья, грецких орехов), которых я не хотел брать, а которые, между тем, доставили нам развлечение в дороге; однако в дороге я, чтобы поддержать свой характер, сначала не хотел есть их, после, конечно, ел и с большим удовольствием, однако, думаю о том, что всегда эти и другие (в более важных вещах) противоречия с моей стороны желанию моих родителей были неосновательны и только клонились к моей же невыгоде и огорчению их.

Наконец, поехали из дому в 8 час. Маменька сели с нами на телегу. — «Вот как прекрасно, — сказала она, — так бы и поехала с вами до Москвы, ничего, решительно ничего, прекрасно и спокойно» — и вообще в ней было так много грусти, сожаления, что

мне стало жалко, и я сам сидел в каком-то онемении, так что почти ничего и не чувствовал, и мало думал от избытка чувства, — и тут мне, дураку, не пришло в голову сказать решительно, что я остаюсь в Саратове!

Наконец, расстались со слезами на глазах. Едва отъехали мы от того места, где расстались, на две версты (это было за мужским монастырем), и мне стало более не видно наших, на которых я постоянно смотрел, пока было видно, как я понял свою подлость, бесчувственность, что оставляю своих в Саратове в одиночестве, что как негодяй покидаю маменьку в жертву тоске, — и я раскаялся, и мне стало так, что хоть бы сейчас воротиться назад. Я думал, думал об этом две первые станции и в моей голове созрела мысль хлопотать в Казани о назначении меня учителем в Саратовскую гимназию, как это я сделал раньше в Петербурге, и это меня успокоило, как будто я получил уже это место; но пока я дошел до этого решения, я был грустен, сердце мое сжималось, теперь я успокоился: «Что можно будет сделать, — сказал я, — я сделаю, и если не ворочусь в Саратов, это будет уж не моя вина, а вина невозможности». — И чтоб еще более утвердиться в этой мысли, я на другой день рассказал ее Сашеньке, который сказал, что это дурно, что этим я не успокою маменьки, которая беспокоится, главным образом, не обо мне, а о Любиньке, и которая станет мучиться тем, что отняла у меня карьеру (я это и сам так думал, и это меня утешило на тот случай, если я не ворочусь в Саратов, как я теперь думал). Все-таки я для очищения своей совести решил хлопотать в Казани об этом, — между тем, из этого прекрасного решения ничего не вышло, как и из многого другого, что я хотел сделать хорошего — подлец я, подлец²⁰⁷.

Так мы в этих мыслях доехали до самой Казани. Угрызения совести мучили меня, и я, чтобы развлечься, все болтал с Сашенькою, читал ему различные стихи, так что перечитал все, какие знал наизусть, разговаривал в известном силлогистически-софистическом роде о различных предметах и т. д., все только чтоб развлечь себя, однако сердце мое было тяжело.

Так приехали мы в Казань в пятницу рано (в 9 ч.) поутру, пробывши в дороге ровно 3 дня. Лошадей получали везде без всякой остановки; в Сызрани дали нам бешеных. — Теперь иду снова хлопотать по своим делам, раньше этого хочу завтракать.

(Писано 19-го числа, в 8³/₄ утра.)

Стали мы в гостинице Мельникова и тотчас отправились в университет — никого нет, ни Молодцова (это меня привело в большую печаль — следовательно, мои хлопоты о месте моем не имеют уже и места), ни Лобачевского, никого. Стали разузнавать, что, как. Нам велели отправиться к Цепелеву, управляющему канцелярией, который был болен. Он сказал, что о Саше был запрос, — это меня весьма обрадовало, весьма, весьма, потому что, значит, дело уж решено, но занято ли место учителя русской сло-

весности в Саратове — он не знал. Я решился узнать об этом у Сосфенова. Он приехал, но никто не знает еще его адреса; стал искать, а между тем, стал искать место в конторе дилижансов; был у Полянского и когда шел оттуда, подошел к двум купцам в доме Жарова спросить из любопытства о пароходах. Мне попался на счастье Бороздин из конторы Коровина: к счастью, потому что Полянского не возят без денег по его несостоятельности; вечером хотел зайти ко мне и зашел. Я был в мрачно-тоскливом расположении духа, оттого, что видел, что места мне, конечно, не получить, потому что попечителя нет, а дожидаться я не смел. На другой день Саша пошел брать свои акты и пробыл там с 10 до 2^{1/2}, так что под конец я начал беспокоиться. В это время все у меня сидел Бороздин; наконец, Саша пришел, я побежал к Сосфенову, у которого был уже (встретил студента, который живет с ним и указал мне его квартиру) спрашивать о месте. — «Если угодно, проситесь — я не в претензии». — «Очень хорошо, подайте же за меня мою просьбу». — «Да этого нельзя, должно вам самому», и рассказал, что должно ждать 2—3 недели. Я не мог, ушел и уехал из Казани. У меня в голове была сумятица, а в сердце печаль оттого, что не получил места и не буду жить со своими, и уже родились различные снова мысли: не удалось учителем, так буду хлопотать инспектором или своих переведу в Петербург, или, наконец, эта машина, которая даст мне возможность жить как и где угодно ²⁰⁸

(С нами ехала Лизавета Ивановна Левенталь, глупая старуха; ее рассказы о том, как муж ее разрушил два закона и что кому же угодить она должна — унтер-офицерше!)

Так мы доехали до Нижнего, тотчас пустились отыскивать Михайлова. Как искали Максимова вместо Григорьева и проч. Наконец, нашли, остановивши служащего в Соляном отделении. Стали у него и прожили двое суток, — он в самом деле порядочный человек.

Оттуда в бричке. В Москве у Кирилла Михайловича. — Замечательно только мои отношения к Алекс. Гр. Лавровой. Повести я не успел написать; был у них несколько раз — раз в первый день вечером несколько времени. Не мог почти говорить свободно, потому что вместе с Сашею и сидели все вместе. На другой день, снова вечером, был один, и мы пошли на Тверскую гулять. Здесь я старался ходить подле нее, и часто мы оставались вдвоем, так что могли говорить, но я как-то не мог говорить о том, о чем хотелось, т.-е. о ней, не мог завязать и разговора с ее братом в том духе, чтоб обратить его в веру Жорж Занда и Гейне («мы дадим тебе рай на земле») и Фейербаха. Здесь гуляли довольно долго, и это время останется у меня в памяти. Наконец, в третий раз мы были вместе с Сашею, пошли гулять, т.-е. они пошли проводить нас. Мы ходили довольно долго по Никитскому и Арбатскому бульвару (последний к Пречистенке, который имеет два небольших перелома), и мало-по-малу, со слов

Ал. Гр.: «Мне бы любопытно было, изменяются ли ваши взгляды на жизнь!» — я, как объяснение в глубокой симпатии к ней, пошел толковать о том, что я чувствую себя непризнающим провидение, потому что так несчастны многие на земле, и говорил в общих выражениях, так что она могла понять, и поняла, что я говорю о ней, — кажется, что поняла, потому что ответы ее были в таком духе, что видно, что она говорит тоже о себе. Брат несколько возражал мне, она тоже. Я говорил, что не хочу верить, чтоб был бог, когда мы видим, что так несчастны самые лучшие между нами. Я просил стихов ее сестры — «увидит отец», и брат не согласился: я таки украл одно, списал и когда на другой день утром пришел проститься, возвратил, — они этому подивились. Да, оба раза, когда в первый раз я один, в другой с Сашей сидел у них, они с сестрою пели («Черный цвет» и «Ты душа ль моя, красна девица»). Вообще должно сказать, что это пребывание в Москве было неудачно, потому что мне не удалось поговорить с Ал. Гр. так, как я говорил, когда ехал в Саратов, не удалось говорить и с ее братом. Но общий результат тот, что он мне понравился вообще довольно, потому что славный малый, и она — как раньше, даже, может быть, несколько более; особенно произвели на меня впечатление ее слова в последнюю прогулку, когда на мои отрицания провидения, потому что «если оно есть, зачем ниспосылает такие несчастья на лучших из нас», — она сказала: «Затем, чтоб они, не имея собственных радостей, жили радостями других». — «Хорошо, — сказал я, — плохое дело быть сыту оттого, что видишь, как едят другие». — «И для того, — сказала она, — чтоб они в борьбе и страдании лучше узнавали цену себе, сознавали свое достоинство и наслаждались этим чувством». — «Хорошо, если так», — сказал я, потому что не нашелся что сказать против этого. Однако я успел сказать ей, что посвящу ей первое, что напечатаю.

Так мы выехали из Москвы в почтовой бричке. Как ехали, ничего особенного не было, не то, что бывает иногда и как, напр., было, когда я ехал до Москвы из Петербурга (у Crüger не был, потому что не хотелось мямлить по-немецки так скверно, как я мямлю).

Так доехали до Петербурга. Всю дорогу я читал и напевал стихи Ант. Григорьевны, лучшие, — «Там, где вишня моя» и т. д., которые, мне кажется, в самом деле замечательны, и я плакал почти каждый раз, как читал их. В самом деле, страшное дело для молодого существа, желающего жизни и любви, чувствовать, что умираешь, присужденная к смерти, не испытавши ни жизни, ни любви, — и эту песню все напевал я про себя, когда мы подъезжали к Петербургу (наложил обещание с Ижор петь, пока увидим Петербург, и исполнил его, хотя приходило в голову: не пою ли я это погребальную песню себе?).

Так приехали в Петербург 11-го числа, в пятницу утром. Тотчас отыскиали Ив. Гр.; квартира хороша; Любинька сделала страш-

ное впечатление. Вечером пошел к Ал. Фед., Славинскому (чтоб узнать о своей диссертации — ничего не узнал), Василию Петровичу, которого (к удовольствию своему) не застал.

Утром (12-го, в субботу) зашел к Благосветлову относительно Ворониных, как явился Введенский, отыскивая меня. Как меня это тронуло — все хлопочет обо мне, чтобы я получил место; велел идти к Павловскому, инспектору Дворянского полка. Был, — сказал, что будет меня иметь в виду, когда я выдержу пробную лекцию, теперь не может оставить часов для меня. Зашел оттуда к Ир. Ив., который велел поскорее держать, поэтому в понедельник подал просьбу, написанную у Корелкина в пустой квартире импровизированными чернилами. Кавелин обещался назначить около 25-го лекцию. На всякий случай накануне (воскресенье, 13-го) был я у Срезневского, чтобы попросил о том же (чтоб 25-го) Кавелина, — обещался в среду быть. Там видел Коссовича, с которым дожидался машины, и тут он мне рассказывал о Белинском, Бакуanine, Станкевиче.

Продолжать буду, вероятно, уж в другой раз, а теперь, должно быть, пойду в университет готовиться к лекциям этим.

(Итак, я не писал около месяца; теперь пишу 15 сентября, в 9 почти часов утра.)

Ход дела такой был. Срезневский просил Кавелина, тот обещал, но когда после я справился, он сказал, что нельзя, как мне и говорил Павловский, когда я в первый раз был у него. Я все ждал с недели на неделю и, наконец, назначено было 13 сентября. Мне повестку принесли в воскресенье, 10 ч., утром, когда Любинька и Ив. Гр. ходили гулять. Я все большею частью читал книги, бравые у Крашенинникова (Ж. Занд, журналы, Гофмана), и мало приготавливался. Прежде всего я позаботился о языке Кави и взял под подпись Срезневского²⁰⁹; там нашел мало собственно касающегося, потом читал Biese (что меня и выручило главным образом на лекции) и делал выписки из него в библиотеке. А о Biese узнал из «Журнала министерства внутр. дел»²¹⁰, который купил по совету Ив. Вас. и думал, что понапрасну истратил деньги. Наконец, когда я сидел и занимался выписками из Бернгарди синтаксиса греческого, где есть история синтаксиса, на которую ссылается Гумбольдт, Лерх сказал мне, что Беккер есть у них, и Саша взял его для меня. Так составились мои лекции из Бизе²¹¹, Беккера и отчасти Буало + Гораций. Я, разумеется, как всегда, более делал то, чего не нужно, т.-е. читал посторонние вещи и подвел дело так, что не успел переписать черновых, из которых одна (о параллельном способе сочетания) была составлена без Беккера. Вот как шло это дело. Теперь отношу эти книги.

Что касается до моих личных отношений, [то] время большею частью проводил я, читая книги Крашенинниковы, довольно много времени тратил и на разговоры с Сашею. Около 27-го по-

дал Никитенке вновь переписанную диссертацию на 4 листах²¹² (прежний экземпляр у него затерян лакеем, которому я передал его, и поэтому мне диплома еще нельзя было получить, — как это было для меня неприятно!). Однако, я утешался философски, что ведь ни одно дело не может кончиться без некоторых неприятных обстоятельств, и уж лучше это, чем чтобы заболеть во время экзамена, как Лыткин.

У Ворониных, кажется, я не буду более и не буду жалеть об этом, если получу другие уроки, потому что дети так мало успевают, что мне теперь совестно, — может быть, я виноват в том и боюсь за последствия. Благодетель написал мне записку, на которую отвечал ему, чтобы он, если ему не в тягость, оставил уроки за собою.

Отношения к Вас. Петр.: видимся весьма редко, он был всего два раза, потому что ходил к Залеманам на дачу, что, конечно, утомляет его до невозможности. Я у него был несколько раз на полчаса, час. Наконец, заходил и вчера (14 числа), чтобы сказать ему о том, что легко выдерживать лекцию.

Отношения мои к Терсинским самые миролюбивые; Ив. Гр. перешел служить в министерство государственных имуществ незадолго перед моим приездом.

Сашино дело не знаю, чем кончилось, до сих пор, несмотря на то, что по согласию Плетнева просьба подана еще около 20 августа — это мне неприятно. Конечно, на лекции ходит.

Скептицизм в деле религии развился у меня до того, что я почти совершенно от души предан учению Фейербаха, а все-таки, напр., посовестился перед маменькою не зайти 13 числа в церковь, когда шел на пробную лекцию, потому что было еще рано (нужно в 7 ч.), а уже благовестили в той церкви (Конногвардейской), мимо которой я шел.

По делу бывал несколько раз у Ир. Ив., который каждый раз принимал с большею заботливостью и толковал о том, что и как пишут. Он утвердил меня в мысли сделать ответ исторический, что и весьма удастся. Он предложил мне и книги, какие мне будут нужны (риторику Ломоносова, Буало, Квинтилиана, даже свои выписки из Цицерона).

Итак, по приезде моем в Петербург я ото всех ничего не встретил, кроме расположения и желания быть полезными для меня, сколько можно.

Как мне расплатиться с Ир. Ив. за его хлопоты, потому что ему обязан я и тем, что держал, и тем, что выдержал хорошо? Он подал мне мысль и сказал, что найдется место, он и помог мне, сколько можно.

Я думаю так, что выучусь по-английски и вдруг принесу ему перевод для следующей книжки «Отеч. записок» — куплю, как получу деньги (завтра в воскресенье), Робертсона и какую-нибудь английскую книжку.

Да, мои хозяйственные распоряжения:

Мы привезли сюда около 55 р. сер. Из этого прежде всего купил я:

пару бритв	2 р. сер.
зеркало для бритвы	— " 75 к.
ремень для бритвы	1 " — "
щетку для бритвы	— " 20 "
	<hr/>
	3 р. 95 к.
для Сашеньки шляпу	3 " — к.
чашечку к шпаге, вместо прежней, которая не годилась	— " 15 "
потом сапоги (головки к прежним голенищам)	3 " 50 "
	<hr/>
	6 р. 65 к.

В библиотеку для чтения на 3 месяца 4 р. заплатил, да 7 р. залогу.

За грамматику Востокова	— р. 75 к.
еще: себе за поправку сапог	1 " 80 "
за шитье платья своего 12 р. и Ив. Гр. 3 р. —	15 " 00 "
Наконец, накануне лекции купил шляпу у Цим- мермана	6 " 00 "
	<hr/>
Итого	45 р. 15 к.

Куда же еще девались 10 р. сер.?

Бумаги 3 д. (почтовой) по 40 к.	1 р. 20 к.
перьев, конвертов	— " 80 "
	<hr/>
	2 р. — к.
Ездил в Царское	1 р.

Более теперь не могу вспомнить, но неужели я целых 7 р. или 6 р. 50 коп. истратил на мелкие расходы?

Положим, что 75 к. пошли на письма и т. д.; положим, что 75 к. на табак, — все-таки остается 5 р. 50 коп. Неужели столько вышло на езду в каретах и на кондитерские? Да еще, положим, 50 к. на хлеб; итак, остается 5 р. сер. Действительно, я думаю, более 2 р. сер. я проел в кондитерских и не удивительно, что более 2 руб. и проездил. Да, 30 к. сер. в баню сходили с Сашею.

Итак, остается 4 р. 50 к. — Помада 15 к., поэтому 4 [р.] 35 [к.]. С нынешнего дня буду вести строгую запись своему доходу и расходу. Теперь у меня 30 к. сер. и ломбардская монета, которую должно разменять. На-днях пришлют мне деньги из дому.

Итак, описываю лекцию (все это пишу утром 15 числа).

Утро все я писал лекции. Если б знал, что должно читать не по тетради, а изустно, конечно, не стал бы этого делать. Дописал, вставши в 6 час., лекцию из словесности и прочитал то, что не переписывал (о недостатках новой теории), и потом с некоторого рода судорожною нетерпеливостью дописал, обыкновенно выписывая из Перевлесского учение о сочетании подчинения. Это кончил в 3 часа. После сели обедать, и я читал «Лукрецию Флориани».

потом почитал несколько [вслух], чтоб не запинаться, когда буду читать наконец, в 5 ч. 50 м. пошел. На дороге зашел в Конно-гвардейскую [церковь], чтоб быть чисту по совести перед маменькою, давая там слово себе дожидаться начала всенощной, и дождался; певчие понравились. Хорошо, пошел, пришел в 6 ч. 40 м. Там уже был Кулагин, который раскланялся со мною, считая меня, вероятно, экзаминатором; потом, конечно, я ему сказал; он показался мне весьма ограниченным человеком, вроде Залемана или хуже. Он учитель чистописания где-то подле Петербурга. В 7 ч. 5 м. пришел Кавелин, и мы вышли из этой комнаты в предыдущую; потом начали сходитьсь другие экзаминаторы, и в 7 ч. 15 м. Кавелин пригласил (по старшинству времени, когда дана тема) Кулагина, сказавши, что читать должно наизусть. Там поднялся скоро сильный спор, и через 25 м. Кулагин вышел, и Кавелин пригласил Иванова, человечка весьма похожего на Алекс. Герас., который у Славинских. Этот читал ровно час до 8 ч. 40 м., и тут-то я узнал, что Кулагин отказался и поэтому так недолго было это.

Я сидел весьма покойно. Стали разносить чай, и когда подавали во второй раз чашки, подали и мне, что мне не то понравилось, не то, что нет. Я сидел все и читал то дела о приеме кадет, лежащие на столе, то правила о приеме в корпуса, то так ничего не делал и не думал. Наконец, Иванов вышел и принялись составлять протокол, жарко споря, наконец, кончили в 8 ч. 55 м.

И я вошел. Сначала я сделал несколько нерешительных движений, потому что не знал, так ли я сделаю, когда сяду за стол, но, конечно, сел и, смотря на военного в серебряных эполетах, который сидел главный, начал читать. Сказал, что грамматика не обработана и учение о сочетании предложений нигде не обработано как должно, и два, три раза повторил мысль, что поэтому ничего полного и я не могу сказать. Тут господин, который сидел подле Чистякова вторым в переднем углу слева от меня, сказал, что, напротив, например, у немцев учение о сочетании предложений разобрано. «А, вы говорите о Беккере», сказал я, и начал [развивать] свое мнение, что у него перенесена Гегелева система, и это делает его учение иногда неполным и натянутым. Потом продолжал о трех периодах разговорного языка в отношении союзов. Чистяков заспорил о том, что народ не мыслит никогда бесвязно, о том, что нельзя заключать от китайского и потом еврейского, о том, что еврейский был раньше, как китайский, а потом, что греческий был раньше как еврейский. Я спорил против этого довольно нескладно и, когда меня попросили привести пример, как сочетание предложений выражается этимологическими формами в других языках и как у нас, я привел в пример: напр. cum dicam, tu audis. Тот, который сидел подле Чистякова, сказал, что это не так; и действительно я вспомнил, что это не так, и сказал, что причастие. Потом он спорил о том, что в русском языке любовь к бессоюзию не проявлялась сильнее, чем в других европей-

ских, что всегда, когда мы можем говорить без союзов, и они могут. Я спорил и тут, говорил несколько мыслей, которые сам не знал хорошенько, верны ли они были, напр., предлагал ему сосчитать союзы на русском и немецком страницы одного объема, в переводе главы из евангелия.

Вообще тут я говорил не слишком связно, отчасти потому, что меня развлекали, отчасти оттого, что я еще не вошел в пафос. Мне сказал «довольно» человек, который сидел подле этого военного, седенький и довольно высокий, и сказал, чтобы я перешел к следующей теме.

Только и успел поговорить об этих трех периодах и периодической речи. Когда говорил о ней, как у меня написано, со мною уже никто не спорил.

Под конец со мною не стал так горячо спорить Чистяков и этот человек, и я начал о теории. Исторический взгляд нужно, сказал я, если хотите и об одном современном.

Этот старик сказал, что скорее о теории вообще, как я раньше сказал. «И я думаю, — сказал я, — и тем более необходим обзор», и начал говорить об Аристотеле, совершенно как у меня было [написано], живо и с жестами и не смешивался более того, чем обыкновенно смешиваюсь в разговоре. Не успел я кончить его реторики, как мне этот старичок сказал, чтоб я перешел к теории XVIII века. Я сказал, как у меня там было, и, против моего ожидания, он поддакивал мне.

Вообще, когда я читал из словесности, мне не делали никаких замечаний, и тут я уже был уверен, что довольны, да и когда читал ту лекцию, то тут являлись на сцену и арабский, и китайский, и т. д. Одним словом, по совету Ир. Ив., я пускал пыль в глаза, что, однако, сделал бы, вероятно, и сам по себе, по своей склонности к историческим выводам о развитии. Наконец, когда я в главных очерках почти сказал свое мнение о теории XVIII века, мне сказали «довольно». Когда кончил, кто-то сказал: «прекрасно». Я раскланялся и вышел.

Когда выходил, Кавелин подошел и сказал, чтоб я завтра был у него, потому что Ржевский из 2-го корпуса хочет, чтоб я был представлен ему. Итак, я был уверен, что принят, и поэтому шел домой весело. Я кончил ровно в 10 час., читал ровно час.

Пришел домой тоже довольно весело, только проклятое «cum dicam, audis» не выходило у меня из головы; я все думал, что ошибся, теперь вздумал, что в самом деле не ошибся, да тогда не догадался сказать, — ведь это действительно так, потому что обыкновенно они мыслят это отношение как причинное. На другой день пошел к Кавелину, но об этом напишу после, теперь иду к Крашенинникову и в университет, чтоб отнести книги и справиться о своем деле и о Саше. Теперь 10 ч.

(Писано 19-го числа, в 8 час. утра, перед тем как идти к попечителю.)

С лекции я шел и пел — чувствовал, что хорошо, и вечером был весел; только вертелось проклятое «cum dicam, audis». На другой день в веселом расположении духа пошел к Кавелину. Там сказали, что Ржевский жалеет, что теперь нет места учителя, а репетитора предлагает. Я сказал, что посоветуюсь, что это такое, с учителями и буду у него во вторник, т. е. ныне, в 6 час. Оттуда зашел к Корелкину, тот едет в этот день (писал мне письмо об этом, только оно пришло без меня уже). Я его погнал к Срезневскому, сам хотел придти к нему в 4½ ч. проводить его.

Из дому пошел тотчас к Вас. Петр., чтобы сказать ему о своей лекции и о том, что мне предлагают место, чтобы поэтому и он держал. Оттуда к Иванову, чтоб дожидаться времени к Корелкину. У него было довольно много людей, между прочим Родионов, который был навеселе. Ничего особенного, время шло довольно скучно. Корелкин расплакался, когда перед отъездом сел писать к матери, и это меня тронуло. Вечером читал что-то.

15 [сентября], пятница. — Пошел в университет, там неприятно поразило Сашино дело — от попечителя сказали: «принять, если есть вакансия», а есть она или нет, — еще не знают и говорят, что должно быть нет. Это говорил Ярославцев. Это меня поразило неприятно — ну что, как пройдет так полгода — пошел домой, еще более, что свидетельство просрочено, — это, конечно, устроил без всяких хлопот пока, сказавши, что через неделю будет. Вечером пошел к Ир. Ив., где был почти героем вечера; приняли меня радушно, говорили обо мне, — этого, конечно, я не люблю, но ничего. Место у Ржевского не велели принимать, а Ир. Ив. снова говорил Тихонову²¹³, и кроме того советовал сходить к Ортенбергу. Оттуда я воротился в весьма хорошем расположении духа; у Ир. Ив. было много народу, одних мужчин 13 или 14 чел. да 3—4 дамы, и время прошло довольно хорошо (с начала вечера Минаев рассказывал о жестокости и грубости царя и т. д. и говорил, как бы хорошо было бы, если бы выискался какой-нибудь смельчак, который решился бы пожертвовать своей жизнью, чтоб прекратить его). Под конец читали Искандера.

16 [сентября], суббота. — Утром в 10½ час. пошел в Артиллерийское училище отыскивать Тихонова — уехал уже — и, взяв адрес, пошел искать его домой; конечно, измучился довольно порядочно. Тихонов, весьма важничавший человек, довольно грубый, сказал, что пришлет мне, распорядившись часами, расписание, но у меня осталась не совершенно верная надежда получить это место, потому что он слишком как-то, кажется, почел меня молодым для этого. Однако, думаю, что не захочет неприятности с Ир. Ив., которого просил об учителе: как же не принять того, кого тот рекомендовал?

В 2½ часа пошел с Сашею покупать Робертсона и вместо того, что я думал — 2 руб. 50 коп., он стоит 3 руб. 75 коп., — это дурно. Оттуда на беду зашел к Ал. Фед., который спросил 4 руб. сер. денег, между тем как у меня самого только 10 руб. и нужно взять

диплом, потому что нужно переменить вид. Нечего делать — обещался дать; взял «Emile» J. J. Rousseau на несколько времени (так до вторника), но не читал почти ничего, потому что читаю Робертсона, которого спешу для того, чтоб через месяц мог предложить свои услуги Ир. Ив.

17 [сентября], воскр. — Любинькины именины. Ал. Фед. пришел в 2, просидел до 7; после него я несколько времени читал, там вышел ужинать и просидел с Мих. Павл. до 11^{1/2}, что было, конечно, очень скучно. Утром ходил к Ортенбергу, не застал его; сказали, чтобы в 6 час. вечера завтра или лучше в половине шестого, чтобы не пропустить. Любинькины именины хотели-таки торжествовать, но не приехали Горизонтов и Топильский, которых просил Ив. Гр.

18-го [сентября] — утром ходил в университет взять через Никитенку Biese, о котором просил Ир. Ив., там взял эти книги, но когда дожидался, инспектор сказал: «Где ваш адрес? Приходите в канцелярию попечителя завтра». Я думал, что о Саше, вместо того он сказал: «Вы просите себе места в Саратове, там пришла бумага, что есть там место». Я был ошеломлен этим, и до сих пор все остальное поглощено этою мыслью — что там написано? Можно будет принять или нет? А приму, если а) старшего учителя, б) не должно будет рисковать ехать туда хлопотать, а нужно только отсюда послать просьбу и здесь ждать определения. Это меня заняло как нельзя более. Оттуда сходил справиться об адресе Ир. Ив., чтоб написать домой; после к Ортенбергу — должен был ждать до 6 час., пришедши в 5^{1/2}. Просидел это время на лавке в Гостином дворе; в 6 час. в швейцарской его ждал, пропустил, догнал на дворе. Когда подходил к нему, он сказал: «Я вас узнаю, места нет, но буду весьма рад познакомиться, если вы зайдете когда-нибудь в это же время, потому что теперь на пробную лекцию должен». Это мне даже понравилось, что места нет, потому что не стесняет в приеме в Саратове места, если можно будет принять. Теперь $\frac{3}{4}$ 9-го, иду к попечителю.

Теперь 7 декабря, — итак, не писал 2^{1/2} месяца. Что же было в эти 2^{1/2} месяца? А, дело о месте в Саратове.

Итак, пошел к попечителю и сказал ему, что для этого мне должно подумать. На другой день отвечал ему, что принял бы место с большою радостью, но у меня нет денег ехать и потом не должен подвергаться экзамену. Как на это отвечал попечитель, смотри в переписке моей с нашими²¹⁴. Я думал, что дело этим и докончится, потому что не думал, чтобы Молоствов согласился на эти условия, а между тем вышло наоборот. Во вторник, который был последний в ноябре (28-го, что ли), я, наконец, долго сбиравшись, пошел в университет, чтобы узнать от инспектора, нет ли чего, не мог дожидаться и ушел, а вечером принесли в самом деле повестку. Как это странно, что, сбиравшись понапрасну два месяца, наконец, пошел именно в тот день, когда пришел ответ.

Пошел к попечителю с некоторым волнением, но не весьма большим. Чего мне собственно хотелось: того ли, чтобы отказал Молоствов, или чтобы согласился на мои условия — не знаю. Решительно не мог я решить, что для меня лучше. Главным образом содействовало тому, что я без особой неохоты готов был ехать в Саратов, то, что здесь решительно нет и не будет никогда свободного времени, потому что все одно за другим наполняются чужие дела, от которых ввек не освободишься (сначала Срезневский, после этот Мерк, после вот Ир. Ив., после снова придется у Срезневского ²¹⁵, и т. д., и т. д. до бесконечности), так что, когда придешь домой, то чувствуешь себя усталым и большую часть того времени, как бываешь дома, только спишь. Это первое. А второе — это мерзкость того места, которое я получил во 2-м кадетском корпусе, — ужасно скверно, главным образом тем, что весьма дурно сидят мальчишки. Третье — я приеду из Саратова через год, через два уже степенным человеком, между тем как теперь в глазах слишком многих имею еще слишком многие следы слишком ранней молодости. В пример хоть Тихонов, который сказал Ир. Ивановичу: «Как же можно такого молодого человека, который сам не старше своих учеников», или Ортенберг, который отказал, конечно, тоже поэтому. Четвертое — наконец, мне было совестно обманывать своих, которым я расписал, что приму с радостью, если будут приняты [мои] условия. Конечно, я писал это более потому, что думал, что условия будут не приняты, потому что странное имеет влияние петербургская жизнь и ужасную силу имеет правило: с глаз долой — и из памяти вон. Когда был в Саратове, жалко было расстаться со своими, а как приехал в Петербург да обжился в нем несколько, так жаль стало расстаться с ним, потому что, как бы то ни было, все надежды в нем, всякое исполнение желаний от него и в нем. — Да, страшное дело эта мерзкая централизация, которая делает, что Петербург решительно втягивает в себя, как водоворот, всю жизнь нашу! Вне его нет надежд, вне его нет движения ни в чинах, ни в местах, ни в умственном и политическом мире.

Итак, когда попечитель сказал, что Молоствов согласился, я сказал, что и я согласен и что завтра принесу бумаги.

(Писано декабря 9 в четверг.) Сказал об этом Ржевскому, который сказал, что не советует, а когда я сказал, что дело уже не зависит от меня, вдруг охладел и не захотел говорить со мною, как и раньше. Утром в пятницу отнес это к попечителю, вечером сказал это у Иринарха Ивановича; он принял с изумлением, но теперь, когда свылся с этою мыслью и понял настоящее значение и цель, привык. Итак, теперь жду.

Другое дело — определение во 2-й корпус. Другого места (в Пажеский корпус к Тихонову) не удалось получить, слишком молод. Итак, через месяц сидел я в почтамте на скамье, читал письмо из Саратова, в котором прислано 50 руб. сер., — подходит

человек и говорит: «Здравствуйте, узнали вы меня?» — Это был Колеров. Он посоветовал принять, и я обрадовался случаю взять это место, потому что другого места не было, так чтобы угодить Ржевскому, который мог после пригодиться. Попросил его узнать у Ржевского, согласится ли тот. Когда узнал, что согласится (для этого приходил к нему вечером), пошел к Ржевскому, подал просьбу и на другой день, когда пришел, представился генералу, который мне сказал, что место есть, т.-е. Геслерово. Хорошо, сказал об этом в пятницу и Иринаруху Ивановичу, потому что это было в пятницу, и с субботы я явился в класс. Ржевский ввел меня и только всего; кадеты весьма шумели и теперь довольно шумят; но свои учебные отношения опишу другой раз.

Третье, отношение к Изм. Ив. Срезневскому, для которого я постоянно ходил до половины ноября в Публичную библиотеку. Успел найти там один список толкования на Исаию о... * еще не известный, нашел несколько любопытное место о русалках в жизнеописании Нифонта, списал для Срезневского поучение Мономаха и т. д., так что до половины октября большую часть дней утро проводил в Публичной библиотеке, что, конечно, весьма меня расстраивало, потому что, пришедши оттуда, чувствовал себя утомленным. Читал довольно много до самого поступления на должность.

Четвертое, отношение к Мерку. Раз вечером, именно 12 или 13 октября входят два человека (в пятницу, перед началом моей повести **) — мы пили чай, — один старик, отец, другой — сын, и говорят, что их прислал ко мне Срезневский, чтобы я приготовил сына. Я сказал, что очень рад, но... Отец чрезвычайно просил. Условился два часа в день — по 2 часа урок. Я обыкновенно просиживал более, так что доходило до 3 часов; и это было каждый день. Мерк готовился к экзамену на домашнего учителя из русской словесности и поэтому мне достался. Для меня вообще эти уроки были не очень тягостны, потому что заставили меня самого готовиться, а для меня, конечно, этот предмет нужен. Я начал для этого Шевырева, потом стал проходить по Гречу и Аскоченскому. Только теперь, когда дело подошло к экзамену, вижу, что принес мало пользы для экзамена, потому что ограничивался чтением лекций в роде университетских, а я должен был бы говорить гораздо менее, чем я говорил, и постоянно спрашивать у него отчета и заставляя его мало-по-малу приготовляться; а то и скопилось ему так, что должен он в последние полторы недели повторить всю историю литературы. Наконец, написал он о Несторе, его поправил, отнес к Срезневскому, тот сказал — хорошо. В четверг начал он держать экзамен. Посмотрю, чем кончится. — Верно выдержит, потому что Срезневский уже говорил в этом духе — это род косвенной взятки, в мою выгоду, если

* Неразборчиво — грознь? Ред.

** Неразборчиво. Ред.

угодно. Я теперь дал у него 50 уроков и получил 100 руб. сер. Деньги эти пошли так.

20 р.	— Любиньке
23 „	— на покупку пальто
8 „	— 70 к.—сапожнику
3 „	— тоже
10 „	— на возобновление билета в библиотеке для чтения
5 „	— Любиньке

6 руб. за серебряные очки, которые купил главным образом для того, чтобы в классе видеть хорошенько своих учеников, потому что те, которые купил в Саратове, слабы, итак — 75 р. 70 к.

2 р. сер.	на бумагу
1 „	50 к. доплатил за шитье шубы из своих
10 р. сер.	Василию Петровичу
13 р.	50 к.

остальное на извозчиков и в кондитерскую (Доминика, главным образом; а я думаю, целковых 3).

Итак, я к экзамену приготовил Мерка плохо, потому что мало и не так, как следовало, заботился об этом, а старался об его развитии, о внушении ему настоящих понятий о вещах, а к чему это послужит на экзамене?

Пятое, — отношения к Вас. Петр. Редко и ненадолго видимся, но в самом деле это единственный человек, на которого я смотрю как на равного себе по уму, только должен опять сказать, тягостное впечатление сделало на меня его письмо: «дайте 10 руб.», — я рассчитывал на эти деньги купить себе пальто, которое в самом деле было нужно, потому что в шинели тяжело в оттепель и мараются брюки, а теперь должен буду отложить это до следующего получения денег от Мерка; это первое; а второе — что мне должно было спрашивать деньги у Любиньки, которой только что отдал я эти деньги, полученные из дому. Отнес к Залеману и не знаю, дошло ли письмо мое, в которое я вложил эти деньги, до Вас. Петр.

Шестое — отношение к Иринарху Ивановичу. Хотел чем-нибудь отблагодарить его за хлопоты из-за меня, т.-е. собственно за расположение ко мне, потому что хлопотать ему приходилось немного, и думал за это перевести ему несколько листов с английского. Но вышло, что пришлось ему обратиться ко мне за службою важнее этой — экзамен на магистра для занятия кафедры в университете: прежде всего должен был я справиться у Срезневского о том, в каком положении это дело, и когда он решил держаться, к чему я старался склонить его, мы с ним вместе готовились. И вот уже третий раз вчера я был у него. В первый раз об индо-германском племени, во второй раз из Остромирова [евангелия], вчера тоже и из Краледворской рукописи. Это меня тоже не очень много тяготило, потому что нужно и для меня самого.

Конечно, это услуга важная, так что я был с ним более чем квит и теперь я стал у них вообще значительным лицом; напр., Александра Ивановна меня потчует, и т. д.

Седьмое. — Отношения к Срезневскому: с ним я более сблизился, потому что выказал мою преданность, готовность делать для него все, что ему нужно. Теперь когда буду у него, снова предложу свои услуги.

Восьмое. — Был у Милюкова, о котором содействовал перемене моего мнения Городков; в самом деле порядочный человек; но главным образом я стал его уважать, прочитав его «Историю поэзии» — в самом деле дельная книжка. Был у него еще и впоследствии времени несколько раз. Жена его, кажется, горбата, но славная женщина, мне весьма понравилась.

Девятое. — Был у Минаева, и вечер прошел довольно занимательно, потому что он рассказывал различные вещи. Обещался достать ему «Кто виноват?» и теперь взял из библиотеки и отнесу ему.

Десятое. — Узнал Яковлева (который теперь в библиотеке), Классовского; молодого человека горбуна у Милюкова; собираюсь быть у Рюмина; жаль, что этот порядочный человек осужден на смерть.

Одиннадцатое. — Тем охотнее принимаю предложение Молоцова, что остается время для того, чтоб поместить статью или две в «Отечеств. записки», и теперь я пишу «Отрезанный ломоть», — одна треть уже готова, и когда понесу, скажу Краевскому, что он хочет: Аристотеля, о новой теории словесности или о *Geschichte der deutschen Sprache* Grimm'a.

(Писано 11 декабря.)

Двенадцатое. — Нужно написать, какое впечатление произвела на меня шуба: чрезвычайно льстила моему самолюбию и моей гордости, — как же, теперь явлюсь я по одеже как равный этим господам всем. Одним словом, что-то вроде Акакия Акакиевича; и теперь я надеваю ее при малейшей возможности.

Итак, теперь опишу свое времяпровождение в эти дни.

Среда, 6-го [декабря], был Вас. Петр., которого я не мог заставить досидеть до обеда. Пришел Ал. Фед., который ушел в 4 часа, с ним вместе и я к Ир. Ив. Введенскому, у которого пробыл до 8^{1/2}. Оттуда к Мерку, с которым повторил историю литературы: знал то, чего не знал раньше, весьма плохо; так что меня это раздосадовало отчасти — что же, глупец, не предвидел этого раньше? Совершенно не так должно было вести дело. Воротился домой в 11.

Четверг, 7 [декабря]. — Из корпуса пошел узнать о Мерке и попросить записки. Мерк ничего себе, пишет о Карамзине, о котором знает. Записки хотели принести; но когда я шел мимо Ир. Ив. Введенского, то поговорил с ним. Он, пришедши домой, вспомнил, что мне ныне снова нужно в корпус в 3 часа, и меня

догнал его мальчик. Я воротился; там была мать и старшая сестра его жены. Эта сестра мне довольно понравилась, правда, довольно понравилась, она имеет сходство с Залеман по устройству своих костей и своим манерам.

Пятница [8 декабря]. — Зашел в университет, взял Biese у Сашеньки, взял записки у Голубева церковно-славянской грамматики — никуда не годится; взял карту Шафарика, отнес все к Ир. Ив., с которым и сели заниматься. Время тянулось весьма медленно, так что я пришел в 3^{1/2} часа. Два раза принимались и бросали заниматься и, наконец, с час мы провели в разговорах, пока еще никого не было. Наконец, явился Рюмин с братом, после Городков, Краузольд и только. Городков принес письмо одного из декабристов к царю и отчасти прочитал его, но большую половину прочитал я, потому что он пил чай. Писано так, ни то ни се, воззрения у человека самые неопределенные; показывает, что само правительство довело дело до этого, возбудивши везде неудовольствие и т. д.

9 [декабря], суббота. — Из корпуса к Доминику подкрепиться. Просидел там до часу, после к Мерку, где более двух часов; писал для него сочинения, спрашивал также из истории литературы. Пришел домой утомленный, так что все почти спал.

10 [декабря], воскресенье. — К И. И. Срезневскому с своею программой для Ир. Ив. Оттуда к Бахметеву в дом Турчанинова — его тут нет; пошел зараз к Палимпсестову в надежде не застать дома, — так и есть. Оттуда к Мерку, зашедши в пассаж; оттуда домой и хотел приняться за «Отрезанный ломоть», как вдруг, когда я еще обедал, шасьт Благосветлов — как громом поразили — и просидел до 11 часов; сказал, что Пелопидов при смерти, так что едва ли выздоровеет; что первая причина его расстройства венерическая, которую схватил год назад и повторил в прошлую зиму. Жаль! Славный был человек! И со мною приехал! А без этого был бы жив! Я привез на смерть! Вот необходимость радикального преобразования отношений полов между собою, т.-е. и всего порядка общества. После ухода Благосветлова написал две страницы «Отрезанного ломтя» набело. Принялся этот раз переписывать в лист, чего еще никогда не делал, это удобнее. В этот раз уже верно пойдет.

(Это писано 12 февраля перед отправлением в оперу.) ²¹⁸

1, 31 дек. — Gabrielle, la Bossue.

2, 29 янв. — Guelfes et Gibellines.

1 февраля — Davis Deux ménages.

3 февраля — Douairière André, Pont cassé.

4 февраля — Наяда.

6, вторник. — Был еще раз во французском театре без афиши, это должно быть было 6 февраля.

8 февраля — Quitte pour la peur, Héloïse et Abelard, Supplice de Tantale.

- 10 февр. — Les contes de la reine de Navarre, l'hôtel garni.
11 февр. Наяда.
13 февр. Карл Смелый.
14 февр. Акт из Лукреции Борджиа; акт из Пирата; 3-й акт из Гвельфы и Гибеллины.

[ДНЕВНИК. КОНЕЦ МАРТА 1851 г.]

(Писано в Симбирске у Николая Ефимовича Андреева.)

Итак, мы выехали из Петербурга с Д. И. Минаевым и Николаем Александровичем Гончаровым в повозке Гончарова. Вышло у нас на дорогу до Симбирска по 41 или 42 р. с человека. Дорогою всё рассуждали между собою о коммунизме, волнениях в Западной Европе, революции, религии (я в духе Штрауса и Фейербаха). Д. И. Минаев показался мне человеком еще лучше того, чем раньше — человеком с светлым умом и благородною душою; я имел на него, как мне кажется, довольно большое влияние своими толками о Штраусе и коммунизме, — он теперь причисляет себя к коммунистам, хотя, может быть, и не понимает хорошо, куда они хотят идти и какими путями.

Расскажу теперь замечательные случаи нашего путешествия. В Москве я виделся с Александрой Григорьевной. Они отдали сестру свою замуж за одного господина, который раз думал уже свататься и, заставши меня у них в августе, счел меня также кандидатом в женихи и усомнился в своем намерении. Ал. Григ. снова мне попрежнему понравилась. Я пришел к ним перед часами и мог остаться у них только $\frac{3}{4}$ часа, — жаль, потому что пришел домой слишком рано, мы уехали вместо часа или 12 в 4 часа. Скоро отец ушел в церковь, и мы остались с Алекс. Гр. Разговор начался обо мне и о брате ее, который огорчает их своими странностями и тем, что полгода писал им ничего; она поручила мне видаться с ним в проезд через Владимир; потом стала жаловаться на скуку своей жизни после замужества сестры; я уговаривал ее приехать в Саратов. От этого посещения осталось у меня чувство такое же, как оставалось раньше; я глубоко расположен к ней. Она стала полнеть в лице, что, конечно, производит на меня некоторого рода неприятное ощущение. Жаль, что я мог провести с нею только менее часу.

Зашел во Владимире к брату — он показался мне удивительно странным и был в самом деле с похмелья; мало-по-малу стал несколько походить на человека, а то сидел решительно как сонный. Я посидел с ним полтора часа и осыпал хулами бога и провидение, отрицая будущую жизнь. Он защищался от меня обыкновенными богословскими местами. Под конец стал довольно походить на самого себя в обыкновенном положении. — Эти полгода, сказал он, провел он в пьянстве. Две фразы от него остались у меня в сердце, — это то, что разговор мой (на Арбатском бульваре в августе